ВЕСТНИК
читинского государственного
университета № 4 (49)
2008

Как оформить подписку?

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по общероссийскому каталогу 78760.

Подписка осуществляется и через редакцию. Также журнал можно приобрести в розницу. Цена 250 рублей. За информацией обращаться по телефону:

* (3022) 41-69-06.

E-mail: rik@chitgu.ru

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Качество печати иллюстраций полностью соответствует качеству представленных оригиналов.

Читинский государственный университет был основан в 1974 г. На сегодняшний день он является крупным центром образовательных услуг Забайкальского края. Мы ведем подготовку специалистов по всем основным отраслям промышленности и сферы услуг нашего региона. За годы своего существования наш вуз заслужил репутацию солидного учебного заведения в подготовке специалистов, обладающих высоким уровнем теоретических знаний и практических навыков.

В состав университета входят 8 институтов: горный институт, энергетический ин-ститут, ин-

Вестник Читинского государственного университета: Вестник ЧитГУ № 4 (49). – Чита: ЧитГУ, 2008. – 163 с.

Теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Резник Ю.Н. – гл. редактор, д-р техн. н., профессор, ректор ЧитГУ;

Кудряшов Е.А. – зам. гл. редактора, д-р техн. н., профессор, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;

Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. н., доцент;

Эпова Т.А. – литературный редактор;

Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: *Н.А. Абрамова, д-р филос. н., профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. н., профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. н., профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. н., профессор (Чита), С.А. Иванов, к. техн. н., профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, к. техн. н., профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. н., профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. н., профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ (Чита), В.И. Летунов, к. техн. н., профессор (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. н., доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. н., профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. н., профессор (Улан-Удэ), А.Б. Птицын, д-р техн. н., профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. н., доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. н., профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. н., доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. н., профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. н., профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. н., профессор (Чита), И.И. Швецова, к. физ-мат. н., доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. н., профессор (Чита).*

ISBN 5-9293-0202-2

Вестник Читинского государственного университета имеет право публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

ститут строительства и экологии, юридический институт, институт социально-политических систем, институт экономики и управления, институт технологических и транспортных систем, институт переподготовки и повышения квалификации.

За более чем 30 лет работы университета из его стен вышло свыше 20 тысяч специалистов. Наши выпускники работают в различных реги-онах России. Среди них есть руководители крупных предприятий и компаний, академи-ки и члены-корреспонденты различных академий наук.

(звездочкой (*) отмечены направления докторских диссертаций) по: *педагогике и психологии; *филологии и искусствоведению; *философии и культурологии; политологии; праву; наукам о земле.

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. н., доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

© Читинский государственный университет, 2008

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ЧитГУ)

Вестник ЧитГУ

№ 4 (49)

Научные направления журнала

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:

философские и социокультурные аспекты
отношения человека к обществу и природе;
генезис и теоретико-методологические основы психологии и педагогики;
юриспруденция;
проблемы организации и управления высшей школой;
экономика и управление;

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ:

математика;
физика;
химия;
экология и окружающая среда;

биология;
геология;
география;

ТЕХНИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ:

машиностроение и транспорт;
энергетика;
современные горные технологии;
поиск и разведка месторождений полезных ископаемых;
строительные конструкции и материалы.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги, прежде всего, поздравляем Вас с началом учебного года. Желаем Вам творческих исканий и плодотворной работы. «Вестник Читинского государственного университета» продолжает свою работу и публикует научные материалы по различным направлениям.

Публикуемые материалы, согласно уже сложившейся в нашем журнале традиции, призваны познакомить читателя с разными научными школами. В этом номере своими мыслями о научных достижениях делятся молодые ученые из Владивостока, Новороссийска, Твери, Пензы, Читы.

Продолжают номер рубрики «Хроника научной жизни», «Работа диссертационных советов ЧитГУ» в первом полугодии 2008 г. В них мы рассказываем об особенностях системы подготовки научных кадров в ЧитГУ.

Настоящим выпуском значительно расширяется содержание журнала. Мы планируем публикацию официальных документов Федерального агентства по образованию и других материалов, касающихся планирования и организации научной деятельности.

Мы ждем от читателей откликов на публикации, предложений по улучшению не только внешнего облика журнала, но и его рубрик.

Е.А. Кудряшов, *д-р техн. н., профессор, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ, заместитель гл. редактора*

Юбилейные даты

К 50-летию Секисова Артура Геннадьевича

Его миссия – интеграция науки и образования

В мае этого года научная общественность Читы поздравляла с 50-летним юбилеем Артура Геннадьевича Секисова, директора недавно созданного при Читинском государственном университете филиала Института горного дела Сибирского отделения Российской академии наук.

Когда в начале жизненного пути перед Артуром Геннадьевичем встал вопрос о выборе профессии, он решил продолжить дело своего отца – известного в научных кругах ученого – специалиста в области рационального освоения месторождений полезных ископаемых. После окончания Московского геологоразведочного института (МГРИ), он успешно закончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и почти двадцать лет проработал в МГРИ, пройдя путь от младшего до ведущего научного сотрудника. Участвуя за время работы в Институте в осуществлении крупных проектов реконструкции карьеров месторождений цветных металлов, геолого-технологической оценке упорных руд и разработке технологических схем с использованием физико-химических геотехнологий, Артур Геннадьевич стал одним из ведущих специалистов в области физико-химической геотехнологии и рудничной геологии руд благородных и цветных металлов. Он разработал и внедрил на одном из зарубежных предприятий технологию сорбционного выщелачивания золота с сокращенной реагентной обработкой. А всего в его активе 53 изобретения и большое количество печатных трудов, включая четыре монографии, справочные пособия и научно-популярные издания, а также многочисленные выступления с докладами на международных научных конференциях и конгрессах в России и за ее рубежами.

В последние годы Артур Геннадьевич много работает над проблемами питьевого водоснабжения, изучая таинственные свойства воды, самого ценного на земном шаре, но недостаточно исследованного минерального ресурса. Его популярные издания помогают широкому кругу читателей лучше понять гипотезы происхождения родниковых и минеральных вод, а также знакомят с современными методами очистки и обработки воды, на базе использования различных физико-химических процессов.

Ученый с гибким, системным мышлением, отличающийся целенаправленностью и ответственностью за возможные последствия своей работы, Артур Геннадьевич возглавив Читинский филиал ИГД СО РАН, взял на себя ответственную миссию по привлечению в Забайкальский край интеллектуальных и технических ресурсов, без чего невозможно развитие региональной науки, подъема научных исследований на более высокий уровень, а следовательно, и экономического развития нашего региона.

Надеемся, что благородная деятельность Артура Геннадьевича Секисова будет успешной, а тесное научное сотрудничество с учеными Читинского государственного университета даст положительные результаты и будет способствовать развитию более тесной интеграции академической науки и высшего образования.

И.А. Бондарь, *помощник ректора*

РАБОТА ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ ЧитГУ
В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2008 г.

В первом полугодии 2008 г. диссертационные советы Читинского государственного университета продолжили работу по рассмотрению и проведению защит диссертационных работ.

Деятельность диссертационного совета Д 212.299.01 была одобрена экспертным советом ВАК Минобрнауки России и продлена на период действия Номенклатуры специальностей научных работников, утвержденной приказом Минпромнауки России от 31.01.2001 г. № 47.

Приказами Рособрнадзора № 420-324 от 14.03.2008 и № 420-418 от 21.03.2008 была разрешена деятельность еще двух диссертационных советов Читинского государственного университета:

– Д 212.299.02 – специальность 25.00.36 – специальность геоэкология (технические науки), председатель совета д-р техн. наук, профессор Ю.М. Овешников, зам. председателя совета д-р техн. наук, профессор В.Н. Заслоновский, ученый секретарь канд. техн. наук, доцент Н.М. Шарапов;

– Д 212.299.03 – специальности 22.00.08 – социология управления (социологические науки) и 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (политические науки), председатель совета д-р полит. наук, профессор Т. Е. Бейдина, зам. председателя совета д-р пед. наук, профессор К.Г. Эрдынеева, ученый секретарь канд. филол. наук, доцент Л.Г. Шеремет.

В диссертационном совете Д 212.299.01 успешно защищена диссертация Яшкина Игоря Алексеевича на соискание ученой степени кандидата технических наук на тему «Повышение эффективности технологии кучного выщелачивания золотосодержащих руд» по специальности 25.00.22 – Геотехнология подземная, открытая и строительная.

Научный руководитель: д-р техн. наук, профессор А.В. Рашкин.

Целью диссертационного исследования автора являлось обоснование и разработка эффективных технических решений по интенсификации процесса кучного выщелачивания золота в рудном штабеле и надежных конструкций противофильтрационных оснований (ПФО) при их эксплуатации в экстремальных природно-климатических, технологических и геокриологических условиях.

В результате теоретических и экспериментальных исследований автором решена актуальная научно-техническая задача повышения эффективности технологии кучного выщелачивания золотосодержащих руд путем интенсификации процесса выщелачивания в рудном штабеле и повышения надежности ПФО, имеющая существенное значение для золотодобывающей промышленности.

Основные научные и практические результаты заключаются в следующем.

1. Обоснованы и разработаны новые технические решения и технологическая схема рудоподготовки и формирования рудного штабеля с послойным фракционированием и предварительной цианидной подготовкой отсыпаемых слоев в определенных режимах и последовательности, позволяющая ускорить процесс выщелачивания на 30…40 % и повысить извлечение золота.

2. Установлены закономерности изменения коэффициента фильтрации реагентов при различных способах формирования рудного штабеля.

3. Разработаны новый способ и технология щадящего взрывного рыхления штабе-

ля рассредоточенными короткозамедленными зарядами низкоплотных ВВ, позволяющая интенсифицировать процесс выщелачивания за счет разрушения кольматационных каналов в рудном штабеле.

4. Установлены зависимости расстояний зарядов ВВ до гидроизоляционного основания рудного штабеля от скорости распространения продольной волны, трещиноватости горных пород и количества одновременно взрываемых групп зарядов при взрывном рыхлении рудного штабеля.

5. Разработана новая конструкция ПФО с гидроизолирующими и защитно-дренажными слоями с применением в нижнем защитно-дренажном слое цеолитов, позволяющая предотвратить проникновение токсичных цианидных растворов в водоносные горизонты.

6. Разработана новая конструкция ПФО с электролитическим разрушением цианидов сеточными электродами в дренажном и защитно-дренажном слоях, позволяющая разрушать цианидные комплексы и обезвреживать токсичные цианидные растворы при аварийных ситуациях.

7. Основные результаты исследований использованы при разработке рабочего проекта «Опытно-промышленной установки кучного выщелачивания Савкинского золоторудного месторождения» и в учебном процессе при подготовке горных инженеров и техников по специальности 13.04.03 – Открытые горные работы.

Н.П. Котова, *гл. ученый секретарь диссертационного совета ЧитГУ*

Хроника научной жизни

«Молодежная научная весна» в Читинском государственном университете

В этом году впервые «Неделя науки», которая традиционно проводилась в апреле, была перенесена на март (11-15 марта) и получила новое название – «Молодежная научная весна». В ее рамках были проведены следующие мероприятия: XXXV научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов университета; слёт студенческих научных объединений ЧитГУ; круглый стол «Современные проблемы молодёжи Забайкалья»; 18 внутривузовских предметных олимпиад; внутривузовский научно-практический семинар «Молодая наука»; межвузовский фонетический конкурс; деловая студенческая игра «Судебное разбирательство в судах с участием присяжных»; внутривузовский научно-методологический семинар аспирантов «Методология научного исследования»

XXXV научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов университета

В конференции, прошедшей в конце учебного года, приняли участие более 2000 человек, работало 59 секций. Было заслушано около 650 докладов, тематика которых отражает следующие актуальные направления: геология и геофизика, обогащение полезных ископаемых, экономика минерального сырья, автоматизация технологических процессов и другие. По итогам конференции студенты, занявшие призовые места, были поощрены.

Слёт студенческих научных объединений

13 марта 2008 г. в рамках «Молодёжной научной весны» Советом молодых учёных и студентов был организован Слёт студенческих научных объединений, в котором приняли участие: студенческая научно-исследовательская группа «Потенциал» кафедры геофизики Горного института; студенческое конструкторское бюро Института строительства и экологии; студенческое научное общество регионоведческих исследований кафедры востоковедения Института экономики и управления; студенческое научное общество «Прогресс» Института экономики и управления; студенческий центр правовых исследований «ПрецедентЪ» Юридического института; студенческая научно-исследовательская лаборатория мультимедийных технологий кафедры ПИМ Энергетического института; палеонтологическая школа Геологического научного центра; студенческое научное общество «Логос» Института социально-политических систем.

Слёт студенческих научных объединений проходил в виде конкурса, состоявшего из двух заданий – презентации студенческого научного объединения и представления одного из научных направлений объединения. По итогам двух заданий конкурса члены жюри определили победителей, которыми стали: студенческая научно-исследовательская лаборатория мультимедийных технологий (ЭИ), студенческое научное общество регионоведческих исследований кафедры востоковедения (ИЭиУ) и студенческое конструкторское бюро (ИСиЭ).

Круглый стол «Современные проблемы молодёжи Забайкалья»

21 марта 2008 г. в рамках XXXV научно-практической конференции кафедра социальной антропологии, религиоведения и философии совместно с Информационно-методическим центром г. Чита провела круглый стол «Современные

проблемы молодёжи Забайкалья» с участием студентов ЧитГУ, учащихся и учителей городских школ.

Работа круглого стола проходила по следующим основным актуальным направлениям: Молодёжь и образование: теория и практика; Проблемы культуры глазами молодёжи; Молодёжь и религия: грани взаимодействия; Здоровье молодёжи – здоровье России. Обсуждение и анализ вопросов позволил увидеть позицию и мнение молодёжи, выслушать предложения по их решению, представителям школ и студентам обменяться опытом.

VI Всероссийская научно-практическая конференция «Национальная безопасность в контексте глобализации: проблемы и перспективы»

21 марта 2008 г. в Читинском государственном университете прошла VI Всероссийская научно-практическая конференция «Национальная безопасность в контексте глобализации: проблемы и перспективы», организованная кафедрой международного права и международных отношений Юридического института, в ходе которой обсуждались проблемы обеспечения национальной безопасности России, включая проблемы миграционной ситуации и регионального сотрудничества Забайкальского края со странами СВА.

В работе конференции участвовал ряд ведущих специалистов Института Дальнего Востока РАН во главе с руководителем Общества Российско-китайской дружбы, директором ИДВ РАН, академиком М.Л. Титаренко, ученые отметили высокую значимость конференции и предложили опубликовать доклады пленарного заседания в журнале «Проблемы Дальнего Востока». На конференции состоялось вручение почетных знаков Общества Российско-китайской дружбы Р.Ф. Гениатулину, А.Д. Михалеву, Ю.Н. Резнику, А.В. Макарову за вклад в развитие сотрудничества и добрососедских отношений с Китаем.

Оживленную дискуссию вызвали доклады помощника военного прокурора СибВО В.Д. Макарова «Коррупция в вооруженных силах РФ – угроза национальной безопасности государства»; представителя Комитета международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Читинской области А.А. Котельникова «Инвестиционное сотрудничество Забайкальского края с КНР как фактор обеспечения международной безопасности», академика МАНЭБ В.И. Флешлера «Забайкальский край в контексте безопасности России» и др.

Заслушав и обсудив доклады, представленные на пленарном заседании и четырех секциях конференции, Оргкомитет рекомендовал активнее развивать реальное взаимовыгодное сотрудничество с регионами соседних государств в различных направлениях, в том числе в сфере науки и образования.

В рамках конференции прошел круглый стол «Особенности подготовки специалистов в области международных отношений и таможенного дела в региональном вузе», где студенты и преподаватели обсудили инновационные воспитательные идеи и подходы к развитию социальной активности личности.

Всероссийская научно-практическая конференция «Государственная служба: теория и практика государственного и муниципального управления»

27-28 марта 2008 г. Институт экономики и управления университета провел Всероссийскую научно-практическую конференцию «Государственная служба: теория и практика государственного и муниципального управления» с участием представителей органов власти, научных и учебных заведений г. Москвы, Новосибирска, Читы.

По результатам работы конференции был принят ряд решений, направленных на улучшение работы по подготовке квалифицированных кадров для государственных и муниципальных органов, а также активизацию использования научного потенциала образовательных учреждений для оказания

экспертной, правовой, консультативной, информационной помощи сотрудникам аппарата управления государственной и муниципальной службы.

V Межрегиональная выставка-ярмарка «Образование и карьера-2008»

9-11 апреля 2008 г. в Выставочном Центре «Забайкальский» проходила V Межрегиональная выставка-ярмарка «Образование и карьера-2008», в которой наш университет принял самое активное участие.

На стендах университета были выставлены рекламные баннеры, кубки, дипломы и медали за достигнутые успехи. Всем заинтересованным посетителям выставки выдавались рекламные проспекты университета, а также различные издания СМИ со сведениями о ЧитГУ. За творческий подход к представлению образовательных услуг Читинский государственный университет награжден медалью выставки и Дипломом за активное участие в проведении выставки «Образование и карьера-2008».

Международная молодёжная научно-практическая конференция *«Молодёжь Забайкалья: перспектива развития края»*

В 2008 г. Международная молодёжная научно-практическая конференция *«Молодёжь Забайкалья: перспектива развития края»* проходила 10-11 апреля на базе Забайкальского института железнодорожного транспорта. От Читинского государственного университета было подано 125 заявок.

Работу всех секций конференции возглавили следующие преподаватели ЧитГУ: В.И. Летунов, к. хим. н., профессор кафедры химии; К.Г. Эрдынеева, д-р пед. н., профессор; М.Н. Фомина, д-р филос. н., профессор; Л.М. Любимова, к. филол. н., профессор; К.К. Васильева, д-р филос. н., профессор; Т.Е. Бейдина, д-р полит. н., профессор; О.И. Рыбакова, д-р техн. н., профессор; С.Я. Березин, д-р техн. н., профессор; Н.К. Рудый, к. юрид. н., доцент; Е.В. Крылова, к. пед. н., зав. кафедрой языкознания зарубежных стран; А.В. Вишневский, к. техн. н., доцент и др. По итогам работы конференции студенты нашего вуза заняли 10 призовых мест. Кроме того, было выделено ещё 3 призовых места для иностранных участников, которые достались студентам из Кореи и Монголии.

И.Ю. Мальчикова, *начальник НИО*

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.36

Л.В. Евсеева
L. Yevseyeva

ФЕМИННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОНИМАНИЯ БЫТИЯ

FEMININE COMPONENT OF INTEGRATIVE COMPREHENSION OF BEING

Рассматривается специфика женского начала, которая приобретает особую актуальность и широкие возможности для переосмысления ориентиров современной культуры. Речь идет о создании целостной картины существующей реальности, которая исследуется благодаря синергийному инструментарию. В ходе выясняется возможность применения интегративного понимания бытия, где активным компонентом предстают женщины

Specificity of the woman which gains currency and broad means for modern culture guidelines review is considered. The article is about holistic picture of objective reality which is investigated by means of synergic instruments. The article considers possibility of integrative comprehension of being application, where active role is played by women

Ключевые слова: *интегративная онтология, ситуативный анализ, феминно-маскулинная синергия, онтология субъективности, гендерная маркированность, комплиментарность*

Key words: *integrative ontology, situational analysis, feminine and musculine synergy, ontology of subjectivity, gender labeling, complementarity*

Глубинная природа феминности, проникая в недра метафизики и эпистемологии, рождает стремление к формированию новой феминной парадигмы знания, ее онтологии и мировосприятия. Поэтому исследование сущности женского начала приобретает особую актуальность и представляет широкие возможности для переосмысления ориентиров современной культуры. Онтология бытия, представленная в культуре, включает в свою структуру важную составляющую форму – бытие человека, учитывающее специфику субъектного начала и обращающее внимание на то, кем: женщиной или мужчиной является этот активно действующий субъект. В предлагаемом проекте интегративного понимания бытия активным и действенным компонентом являются женщины. Интегративная онтология строится с учетом анализа видов практики, которые традиционно связывались с женским началом, были отнесены к женской работе.

Однако в онтологии, прописанной с учетом *феминной составляющей,* в качестве главного системосозидающего выступает отношение *«мать-ребенок»,* отношение, пронизывающее бытие, ярко демонстрирующее уни-

кальный вид человеческих взаимоотношений. В этом отношении наиболее явственно проявляется особый тип практики – «совместная реализация человеческого потенциала» [1; С. 66].

Вторым существенным принципом, объясняющим отличия интегративной онтологии, должно стать преодоление традиционной и достаточно жесткой оппозиции *«Я – Другой».* Это предполагает (воспользуемся объяснениями Кэролайн Уитбек), что «каждая сторона во взаимоотношениях несет ответственность за какой-либо аспект благополучия другого человека» [1; С. 84-85].

Именно данная установка свидетельствует о моральной и ценностно-этической составляющей онтологии. Этот аспект является важным требованием современности, заслуживает огромного внимания, тем более, что он не присутствует в существующей академической онтологии. К женскому роду принадлежит половина человечества, женщине отведена исключительная роль в деле порождения и воспитания нового поколения, специфика женского опыта, особенности женского существования – это столь серьезные онтологические факторы, которые абсурдно сбрасывать со счета. Если в качестве ядра названной онтологии принимается модальность отношений «мать-дитя», то неизменно возникают совершенно иные перспективы и регулятивы. Приоритетом отношений окажутся не состязательность и конкурентность, а рачительное «сработничество», стремление к улучшению благополучия. Отношения между сторонами предстают как значимые и в то же время необходимо связанные. На особый пьедестал возводится *этика*. С новой силой актуализируется нравственный императив И. Канта.

Согласно традиционной точки зрения, существует несколько форм и разновидностей практики, большинство из которых считаются женской работой и поэтому во многом игнорируются. В их числе уход за престарелыми, больными и ранеными, забота о детях, обучение и воспитание детей и подростков, забота об умирающих, а также ряд форм духовной практики, связанной с повседневной жизнью. Примечательно, что эти формы практики иногда называют выращиванием (nurturing) [1; С. 66]. Следует заметить, что в отечественной классификации философских специальностей подобные проблемы отнесены к дисциплине «социальная работа». Однако социальная работа никогда не претендовала на роль новой метафизики, не осмысляла и не лоббировала свои претензии на включение феминной сферы человеческой деятельности в состав новой интегративной онтологии.

Тем не менее, в проекте создания новой интегративной антропологической онтологии основной атрибут отношений «мать-дитя», а именно установка на стремление помогать развитию потенциала другого должна сохраниться, а отношение самопожертвования должно быть минимизировано. Кэролайн Уитбек права, подчеркивая, что «вместо противопоставления «Я/Другой» мы предлагаем рассматривать отношение «Я/другой», а вместо упомянутых дуалистических оппозиций, так ярко выраженных в «западной мысли», многокомпонентные интерактивные модели» [1; С. 87]. Приведенное рассуждение Кэролайн Уитбек не может не вызывать критики, хотя бы на основании постулата о многообразии реальных взаимоотношений. Ибо мать только к тому и стремится, чтобы поставить знак равенства между собой и им – своим ребенком, чтобы увидеть в нем материал, из которого можно слепить и построить личность, согласно собственным представлениям. На наш взгляд, условно выделяемый второй этап антропологической картины мира должен быть связан не с отношением «мать-дитя», а с потребностью и логикой самореализации.

Третьей, явно выраженной особенностью новой интегративной онтологии является учет деталей и нюансов или та самая приписываемая женщинам «любовь к мелочам». Еще Рене Декарт замечал, что женщине свойственнее метод движения от частного к общему. Считается, что это – методология первого

порядка, т.е. та, от которой отталкиваются. Она стремится рассмотреть конкретное, в данном случае чувственно-конкретное, бытие, действительность, реальность событий и процессов, как они представлены в единичном существовании конкретных людей. В этом частном и частностях можно усмотреть многое, в них отчетливо обнаруживается личное, индивидуальное, своеобразное. На первый взгляд частности притормаживают процесс познания. Однако, благодаря им, можно выявить то, что теряется и ускользает при обобщении. Преимущество такой позиции в том, что она связана с конкретной точкой зрения, направлена на конкретного человека или на конкретное событие. Тем самым подтверждается известный тезис: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. В отличие от абстрактного теоретизирования, сильной стороной этого подхода будет установка на выявление сложной текстуры социальных событий. Она будет восполнять возникший дефицит, предлагая анализ конкретных многообразных примеров и ситуаций. Следовательно, ценности идиографического метода, предполагающего видение каждого события как уникального и особенного, осознаются как значимые в свете проекта интегративной онтологии. Женский опыт оценивается как особый и специфический источник знания. Вместе с тем, важны его конфигурации и процессуальные образцы.

Родственной методологической процедурой выступает ситуативный анализ. Он уже заявил о себе, его отличительная черта – учет конкретной ситуации, значения деталей и частностей. Как отмечает Лорейн Клоуд, познающий субъект должен быть внутри ситуации, так как не существует внешней позиции, из которой можно было бы, подобно Богу, наблюдать за ситуацией. Находясь внутри ситуации, он может «менять свою позицию до тех пор, пока сам собой не сформируется лучший способ действия» [1; С. 190]. Чтобы быть убедительной, Лорейн Клоуд использует следующее описание. «Это очень похоже на отношение к своему клиенту хорошего психоаналитика: что-то вроде объективного сочувствия, форма участия без вторжения, сострадание без страдания, которое в своем наиболее успешном варианте обеспечивает одновременно и вовлеченность, и сохранение определенной дистанции» [1; С. 190]. Это мнение можно принять как тактику новых эпистемных отношений.

Особо подчеркнем, что под понятием «интегративная (объединяющая) онтология» не имеется в виду стремление феминистски мыслящих исследователей создать исключительно феминистсткую картину мира. Ситуация, когда «человеку рациональному» противопоставляется «чувственная женщина», интегративной онтологией расценивается как уже пройденный этап. Исходя из факта реального взаимодействия двух начал, а точнее, феминно-маскулинной и маскулинно-феминной синергии, принимая во внимание существенный вклад женской активности и опыта в общественную и социальную практику, интегративная онтология нацелена на создание целостного полотна существующей реальности. В нем необходимо отразить активную и весомую компоненту женского участия, потенциал женской субъективности, что не было учтено в традиционных онтологических концепциях.

Источник и допуски подобных трансформаций можно усмотреть в тех предпосылках и противоречиях, которые содержит академическая философия с ее ядром, вбирающим в себя западную философскую традицию. Исходя из современных воззрений на развитие познавательного процесса, важная роль отводится субъекту познания, активно формирующему саму предметность. Отсюда явно просматривается когнитивный и эпистемологический план трансформаций. Именно субъект познания влияет на ход исследования, заявленные цели и проставленные задачи. Иными словами, не сложно предположить, что отношения исследователей, составляющих сообщество, их персональный состав, полоролевая принадлежность, гендерная маркированность субъекта познания, ментальность и дискурс оказывают существенное влияние не только на

ход и течение познавательного процесса, но и на результат обобщений, основных выводов и гипотез. Специфика субъекта оказывает воздействие и на выбор средств, особенности управленческих решений, и на сам объект. Если исследователь – женщина, а история науки знает выдающихся женщин-ученых, то по логике вещей женская ментальность будет отражаться на характере исследовательского процесса, его стратегии и тактике.

Как справедливо отмечал К. Манхейм, мышление «действительно функционирует в качестве орудия коллективного действия и образа жизни…» [2; С. 7]. Образ жизни женщины, специфика женского опыта не могут не отразиться на стиле и способе мышления, на тех задачах, которые субъекты, в данном случае – представительницы женской половины человечества – ставят перед собой, своей семьей, коллективом. Возникает инновационная когнитивная проблема преломления логико-универсалистских характеристик мышления с учетом их поправки на конкретный тип детерминации мыслительного акта, т.е. с учетом доли и специфики феминного опыта в когнитивной деятельности. Проблема состоит в том, чтобы усмотреть в общелогическом строе мышления специфическую модальность объективации женского мышления. Это проблема, если ставить ее в целостности и многообразии аспектов, весьма реальна.

При этом сама феминность должна представать как целостность и характеризоваться единым типом дискурса. Анализ значительно усложняется, так как женщина будет проявлять себя непредсказуемым образом и, как принято говорить, во многообразии сценариев.

Самым банальным и тупиковым является убеждение в изначальной ущербности женского мышления и женского интеллекта, а также утверждение, что женщины не способны логически мыслить. Такая позиция недопустима. Исследовательский ход, связанный с выяснением специфики когнитивных практик, осуществляемых женщинами, – вот более благодарная задача. Мы солидаризируемся с выводом Т.Л. Гавришиной, что действительная плодотворность включения «женской компоненты» в ткань социокультурного познания состоит в создании сложной и многоплановой картины реальности. «Общество глазами женщин» отличается от «общества глазами мужчин», в нем обнаруживаются новые, нетривиальные социокультурные коды и смыслы [3; С. 115]. Обращаясь к данным эволюционной теории [3; С. 199], следует отметить, что у женщин выше обучаемость, воспитуемость, конформность. Сейчас женщины получают те же дипломы, имеют высокую квалификацию, в состоянии выполнять трудно совмещаемые функции.

Другим, принципиально новационным моментом является понимание того, что мышление, отражающее и конструирующее действительность, может быть подвергнуто ошибкам. Ошибки восприятия и отражения действительности, которые соответствуют стилистике женского мышления, отличаются от типически маскулинного строя мышления. Этот аспект еще предстоит разработать с привлечением теории рефлексивности.

На основе анализа существующей литературы можно сделать предварительный вывод, что некоторые подвижки, связанные с учетом фактора пола, обнаружились, когда приоритеты женских исследований – women"s studies проникли в исторические науки. Они выявили сразу несколько функций. *Во-первых*, оказалось, что необходимо заполнить пробелы и, следовательно, реализовать компенсаторную функцию. *Во-вторых*, они возложили на себя работу по тем дополнениям, которые отсутствовали в предшествующих исследованиях, где обобщения проводились без учета фактора пола и, таким образом, обнаружили комплементарную функцию. *В-третьих*, в связи с направленностью женских исследований на переосмысление и переоценку событий истории, они, следовательно, реализовали реэвалюрующую функцию. На это, в частности, обращает внимание в своих исследованиях Н.А.

Пушкарева [4; С. 54]. «Чтобы отличить «женскую историю» от описания прошлого в общепринятом ключе, было предложено ввести новый термин в дополнение к привычному «history» (его прочитывали как HIS STORY, «Его история», «история мужчины»). Неологизм «herstory» («HER story», «Её история», «история женщины должен был исправить положение» [4; С. 54-55]. Оставаясь в общепризнанной истории безымянными, женщины, тем не менее, не всегда представляли лишь её фон.

Н.А. Пушкарева высоко оценивает умение применять гендерно-чувствительные методики. «Гендерный подход к анализу социально-исторических явлений помогает концептуализировать индивидуальные дискурсы и идентичности, поскольку требует постоянного учета того, к какому полу приписан тот или другой фактор, как он сам отвечает на вопрос «кто он?» и какой ответ на тот же вопрос давали его современники?» [4; С. 71]. Важно «умение взглянуть на одно и то же событие или явление и глазами мужчины, и глазами женщины, найти в этих разных ракурсах видения и сходства, и различия». [4; С. 63]. Заметим, что установка на «двуполую культурную систему» органично вписывается в ориентации современной парадигмы, которая отрицает однозначность и унификацию. Проект интегративной онтологии «двуполой культурной системы» поддерживается такими средствами, как например, делением на дискурсивное и додискурсивное. Пол – это данность додискурсивная, а дискурс оказывается реальностью второго порядка. Другим таким же средством становится принцип приоритета «деятеля перед действием», предполагающий перенесение сущностных особенностей деятеля на его творение.

В настоящее время онтология *субъективности* значительно усложняется. Речь идет не о некоем едином универсально логическом Я. В этом полоструктурированном Я присутствуют возможности промысливания с позиций «я – она», «я – он», «я – мы», «я – другие» и пр. Тем самым задается некая совокупность структурных пластов, которые могут обуславливать специфические практики. Важно иметь в виду весьма гибкое соотношение этих вновь обнаруженных уровней. Для них также характерна высокая степень изменчивости. Базовая «Я-определенность» теперь уже по большей части выступает как базовая «Я-неопределенность» с учетом тех ролей, функций и репрезентаций, которыми переполнено бытие современной женщины. В структуре субъективности целесообразно выделять также и различия этнического свойства. Все это убедительно обосновывает необходимость введения «концепции различения», которая должна проявляться, начиная от первоначального уровня анализа. «Концепция различения» становится первой объективностью исследования. Таким образом, не обобщенные логико-универсальные стандарты и подходы, а очень тщательный анализ специфики предмета обуславливает совокупность методов работы с ним.

Размышляя о *методологическом* сопровождении интегративной онтологии «двуполой культурной системы», обратим внимание на использование М.М. Малышевой трех видов кодирования исследовательских данных: открытого, осевого и выборочного [5; С. 162]. Открытое кодирование предполагает изначально высокий уровень профессионализма и первичную интуитивную попытку кодифицировать материал по ключевым понятиям или проблемным заявкам. Его преимущество в том, что он позволяет выделять в материале инновационные темы и фокусироваться на фрагментарно схваченном материале. Причем эта первичная кодировка предполагает последующую детализацию, комбинирование, трансформацию и уточнение.

Второй тип – осевое кодирование, благодаря которому выстраивается логика исследований и происходит последовательная организация материала. Как правило, осевое кодирование предполагает объединение намеченных и соотносящихся маркеров и отвечает линейным характеристикам, не случайно оно на-

звано осевым. Однако оно может обладать сложной структурой, привязкой дополнительного материала либо с проведением выбранных тем в разных местах с усложнениями и наслоениями. Важным принципом является соблюдение последовательности в организации материала. При этом могут возникать как новые коды, так и изменяться принятые, ибо основными параметрами этого приема является доведение до целостности используемых объяснений, прояснение причин, исключение нестыковок и противоречий.

Следующий методологический прием – выборочное, или селективное кодирование – предполагает обнаружение центральной идеи или идей, которые были спрятаны в совокупности предшествующих кодов, выявление генеральных обобщений и концептуальных порождающих моделей. Потребность в данном приеме возникает по насыщению второго этапа и также может повлечь за собой переструктурирование всего материала, изменение предшествующих кодировок. Все эти три методологические ступени кодирования сопровождаются рефлексией ученого, его аналитическими пояснениями, теоретическими заключениями.

Таким образом, исследовательский интерес направлен на философское постижение и осмысление сущностной онтологии женского начала. В современном мире делается запрос к новой антропологической объективности, которая включает и учитывает качество и специфику самого субъекта деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уитбек К. Другая реальность: феминистская онтология // Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии / К. Уитбек; пер. с англ. О.В. Дворкиной. – М.: Росспэн, 2005.*
2. *Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с англ. и нем. – М.: Юрист, 1994.*
3. *Гавришина Т.Л. Женщина как субъект социогуманитарного познания // Онтология возможных миров в контекстах классической и неклассической рациональности / Т.Л. Гавришина. – СПб.: СПбГУ, 2001.*
4. *Пушкарева Н.А. Феминология и история женщин в контексте проблем гуманитарного знания // Женщины России на рубеже XIX-XX вв. / Н.А. Пушкарева. – Иваново: МЦГИ, 1998.*
5. *Малышева М.М. Анализ качественных данных в гендерных исследованиях // Гендерный калейдоскоп / М.М. Малышева. – М.: Academia, 2001.*

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Евсеева Людмила Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, Морская государственная академия имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск, diada65@mail.ru

Yevseyeva Ludmila, Candidate of Philosophy, associate professor of Culturology Department, “Admiral Ushakov Marine State Academy”, Novorossiysk, diada65@mail.ru

Научные интересы: философия, теория культуры, философская антропология, культурная антропология, социальная антропология, гендерология, феминология

Scientific interests: philosophy, the theory of culture, philosophical anthropology, cultural anthropology, social anthropology, genderology, feminology

УДК 101.1:316

М.В. Иванова
M. Ivanova

ИДЕОЛОГИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ABOUT CONSUMERISM IDEOLOGY AS A PHENOMENON OF THE MODERN LIBERAL DEMOCRATIC SOCIETY

Дана характеристика идеологии потребительства как феномена общественного сознания, рассмотрена ее связь с производством и потреблением, социальной сферой и государством современного либерально-демократического общества. Определена ее негативная роль в условиях экологического кризиса и глобализации. Обозначены те особенности российского общества, которые обуславливают его способность противостоять экспансии идеологии потребительства

A characteristic of the consumerism ideology as a phenomenon of the public conscience is given in this article. It also includes the analysis of the relation between this ideology and the production, the social sphere and the state of the modern liberal-democratic society. The negative role of this ideology in the modern society is defined. The ability of Russia in preventing the expansion of the consumerism ideology is marked

Ключевые слова: *идеология, производство, потребительство, общественное сознание, государство, современное либерально-демократическое общество*

Key words: *ideology, consumerism, production, public conscience, state, the modern liberal democratic society*

Идеология представляет собой тот идейный и социальный феномен, посредством которого люди, нации, государства решают свои проблемы. На рубеже XX-XXI вв. обнаружилось огромное количество экономических, политических, социальных, экологических и других проблем, решение которых оказалось невозможным в рамках традиционно существующих идеологий. Анализ их особенностей, обусловивших их несоответствие современной мировой ситуации, является необходимым условием формирования новой, адекватной существующим проблемам идеологии.

В число главных традиционных идеологий входит и идеология потребительства. Хотя сам термин «идеология потребительства» является весьма распространенным, он практически не встречается в качестве предмета социально-философского анализа. Подобный анализ идеологии потребительства имеет своим методологическим основанием теорию идеологии как таковой.

В истории общественной мысли понятие «идеология» существовало в нескольких смыслах:

1) как учение о законах формирования идей (Д. де Траси);

2) как идеалистическая (ложная) форма общественного сознания (К. Маркс и Ф. Энгельс);

3) как теоретический уровень общественного сознания, имеющий классовую природу (марксизм);

4) как рационализация витальных потребностей, желаний, надежд людей (Г. Шиллер, Л. Альтюссер);

5) как дискурс, выражающий волю к тотальности (С. Жижек, М. Пеше) и др.

Исследователи этого феномена выделяли две основные его функции:

1) функцию апологии существующего строя и манипуляции сознанием масс со стороны правящего класса (К. Манхейм, Г. Плеснер, М. Хоркхаймер);

2) функцию адаптации человека к общественной среде посредством формирования ценностей и норм его существования. (Е. Дюркгейм).

Современные отечественные и западные исследователи феномена идеологии занимают разные позиции по многим вопросам его теории. Но большинство из них признают важную роль идеологии в обществе. Идеологии, по их мнению, «размечают» незнакомое социальное пространство, помогая людям ориентироваться в нем, осознавать смысл своих действий и своего существования в целом (К. Гирц).

Идеология организует, регулирует, направляет, интегрирует деятельность личностей во всех сферах общества (В.С. Малицкий). В обществе, лишенном идеологии, люди «теряются», не понимают смысла происходящего, не видят перспективы, будущего.

Важную методологическую роль играет выделение двух уровней существования идеологии: теоретического и обыденного (В.С. Малицкий). Теоретический уровень образуют теории идеологов-профессионалов: философов, социологов, политиков. Обыденный уровень представлен идеологическими знаниями и представлениями широких масс людей. Их идеология может быть сформирована двумя путями:

1) через пропагандистскую деятельность профессиональных идеологов;

2) самостоятельно, в процессе диалоговой практики людей (М.М. Бахтин).

Социально-философский анализ феномена идеологии отличается от социологического более широким планом его исследования в социальной системе. Этот анализ предполагает исследование идеологии в двух аспектах:

1) гносеологическом;

2) онтологическом.

Гносеологический аспект исследования идеологии заключается в выяснении ее места в системе общественного сознания, ее предметного поля, степени адекватности общественной реальности.

Онтологический аспект анализа идеологии выражается в исследовании ее связи со всеми сферами общества, механизмов ее формирования и функционирования.

Эти особенности социально-философского анализа идеологии в целом определяют его основные направления в отношении идеологии потребительства. Прежде всего, следует признать, что эта идеология существует преимущественно на обыденном уровне. Она имеет теоретическое выражение только в качестве социологических и философских исследований потребительства, которые имеют нейтральный или критический характер. Но она не существует в виде определенного учения, в котором бы содержалось ее позитивное изложение и обоснование. Идеология потребительства осуществляет свое императивное воздействие через совокупность идей, отражающих, с одной стороны, и формирующих, с другой, потребительскую практику современного либерально-демократического общества, получившую название «консьюмеризма» (М. Майлс). Понятием консьюмеризма исследова-

тели объединяют два различных понятия: «потребление» и «потребительство» [2; С. 611]. Между тем, потребительство – это особый тип потребления, отличающийся от других его типов. Главная особенность потребительства в том, что оно ориентировано не на удовлетворение естественных материальных и духовных потребностей человека, а на сохранение его социального статуса или приобретение более высокого. Потребительство – это практика избыточного потребления, характеризующаяся тенденцией к бесконечному увеличению его объема.

Потребительство обусловлено, прежде всего, социальной природой потребления. В социологии потребления выявлено, что даже в индивидуальном потреблении человек обязательно соотносит свои действия с действиями представителей определенных социальных групп (В.В. Радаев). Более того, он становится «объектом пристального внимания и социального контроля со стороны этих групп, которые т.о. регулируют и масштаб, и формы потребления тех или иных благ»[4; С. 8].

Социальное воздействие на потребление индивида подчеркивается Х. Лейбенстайном в отмеченном им эффекте присоединения к большинству, когда человек покупает определенный товар потому, что его покупают другие люди. Как правило, потребители сравнивают свое потребление с потреблением других, более обеспеченных групп, которые тем самым оказывают на них влияние, понуждающее наращивать объем и качество потребления.

На этом фоне возникает практика демонстративного потребления (Т. Веблен). Она выражается в покупке дорогих предметов, которые явно превышают личные материальные потребности. Причем, практика демонстративного потребления не ограничивается высокообеспеченными социальными группами. Она распространена и среди людей, обладающих низким доходом. Такая практика, кажущаяся безрассудством, на деле оказывается принудительным средством сохранения социального статуса индивида. Потребление стало «средством присоединения индивида к определенному сообществу... и одновременно дистанцирования от других сообществ» [4; С. 9].

Но любые действия человека предварены его мысленным намерением, в конечном счете, его идеологией. Потребительство, как действительная практика потребления, возможно лишь при наличии соответствующей идеологии – идеологии потребительства.

А.Р. Тузиков определил содержание этой идеологии через три основных тезиса:

«а) социальные проблемы решаемы через стиль потребления и от него же напрямую зависит социальная идентичность («скажи мне, где и что ты покупаешь, и я скажу тебе, кто ты»);

б) современное общество позволяет приобрести всё, что нужно от здоровья и красоты до социального престижа и счастья на любой вкус;

в) рынок – это единственно возможная и естественная форма социальных отношений за пределами семьи» [5; С.129].

Мы предлагаем более лаконичное определение содержания идеологии потребительства двумя идеологемами:

1) человек есть то, что он потребляет, отсюда ценность человека и его социальный статус определяются стоимостью потребляемых им вещей;

2) материальные ценности (их потребление) являются целью и смыслом жизни.

Эти идеи формируют главную задачу существования человека: стать богатым любой ценой, даже безнравственными способами. То есть, идеология потребительства перерастает рамки потребительской практики человека, она превращается в идеологию его существования в целом, определяя его главные ценностные ориентации, жизненные установки и нормы.

Именно эта идеология является причиной всех основных негативных явлений современного общества: варварского уничтожения природы, войн, должностных преступлений чиновников, коррупции, криминала и др. Эта

идеология не только порочна, но и пагубна для человечества в условиях экологического кризиса, обусловившего необходимость экономии природных ресурсов и, следовательно, экономного потребления.

Практически все исследователи как современной мировой ситуации, так и феномена идеологии признают необходимость изменения отношения людей к материальным ценностям, необходимость «духовной революции» человечества, не соизмеримой по масштабу и значимости с научно-технической и иными революциями в истории общества (С.Г. Спасибенко, С.А. Губина и др.). Но сам механизм осуществления такой духовной революции остаётся неисследованным и потому до сих пор неизвестным. Единственное, с чем согласны все авторы, это с необходимостью формирования новой идеологии – идеологии гуманизма, приоритета духовных ценностей (В.С. Малицкий, В.Н. Кузнецов и др.). Для того чтобы выявить механизм замены идеологии потребительства идеологией гуманизма, необходимо сначала провести социально-философский анализ идеологии потребительства в онтологическом аспекте.

Идеология потребительства и производство. Хотя идеология потребительства распространена по всему миру, ведущая роль в её формировании принадлежит экономически развитым странам. В этих странах в результате научно-технического прогресса производство достигло высочайшей производительности, обусловившей перепроизводство основных потребительских благ. Если раньше главным был вопрос: «Как произвести?», то сейчас на первый план выдвинулась проблема: «Как продать?» (В.В. Радаев). В этих условиях идеология потребительства обеспечивает постоянный и бесконечный потребительский спрос, способствуя развитию материального производства.

Потребление всегда выступало движущей силой развития производства. Натуральное хозяйство и товарное производство – это производство, в конечном счёте, ради потребления.

Естественно, что в условиях дефицита основных материальных благ, обусловленного низким уровнем развития материального производства, потребление материальных благ выступало конечной целью трудовой деятельности индивида и смыслом его жизни.

Однако ориентация производства и трудовой деятельности человека только на потребление является исторически преходящей, поскольку сущность человека выражается не в потреблении, а в творческой деятельности. Пока материальных благ в обществе не хватает, человек живёт для того, чтобы потреблять. Но в условиях полного удовлетворения необходимых материальных потребностей он получает возможность потреблять для того, чтобы жить, а последнее означает прежде всего – заниматься творчеством.

В современном развитом капиталистическом обществе в результате автоматизации и роботизации производства человек перемещается из сферы материального производства в «третичную» сферу – сферу услуг, науки, образования, искусства, т.е. в сферу творческого труда. Таким образом, современный уровень развития материального производства в экономически развитых странах создаёт необходимость, с одной стороны, и возможность – с другой, творческой самореализации индивида.

Следовательно, при достижении высочайшей производительности труда идеология потребления должна кардинально измениться. Потребление материальных благ должно быть не целью и смыслом жизни человека, а лишь средством его творческой самореализации и удовлетворения его духовных потребностей.

Идеология потребительства и социальная сфера общества. Любая идеология отражает интересы определённых социальных групп, классов. Следует признать, что идеология потребительства выражает интересы всех социальных групп, кроме сравнительно немногочисленного слоя людей с духовно ценностной ориентацией, для которых потребление является лишь средством их существования,

вопреки распространённой в обществе идеологии потребительства.

В постоянном наращивании объёма потребления заинтересованы и собственники средств производства, и его управляющие, и все субъекты производственной деятельности, так как именно от продажи, а следовательно, от объёма потребления произведённых товаров зависят их прибыли и зарплата.

В увеличении объёма потребления заинтересованы и потребители, поскольку это потребление обеспечивает им комфорт и высокий социальный статус.

По-видимому, идеологию потребительства следует признать самой массовой идеологией либерально-демократического общества. Однако, несмотря на массовый «безграничный» характер этой идеологии, в наибольшей степени она выражает интересы класса крупных собственников.

Идеология потребительства и государство. Для того чтобы выяснить роль государства в существовании идеологии потребительства, необходимо сначала рассмотреть социальный механизм её формирования и функционирования. Этот механизм был достаточно подробно освещён А.Р. Тузиковым на основе работ западных социологов [5]. В свете его исследования главным средством формирования и функционирования идеологии в современном западном обществе предстают масс-медиа (СМИ). Идеологическая составляющая медиа-продукции выражается в создаваемых и интерпретируемых ею образах социальной жизни. При этом идеология не увязана полностью с миром политики, а имеет претензии на автономность [5; С. 123].

Масс-медиа предлагают обществу образцы взаимодействий и социального поведения, которые, будучи ежедневно воспроизводимыми, во многом определяют ценностные ориентации аудитории. Идеологическое влияние медиа проявляется не только в содержании сообщений, но и в систематическом отборе одной информации и исключении другой из сферы публичного обсуждения.

Из анализа идеологической функции масс-медиа следует не только их определение в качестве главного средства идеологического воздействия на современное общество, но и признание невозможности подобного воздействия без них.

Идеология проявляется в программах новостей, в голливудской продукции, даже в музыкальных передачах. Что касается идеологии потребительства, то главным средством её выражения является реклама. Как правило, рекламируется не товар, а стиль жизни, связанный с его потреблением. Реклама пропагандирует стандарт потребления, свойственный, прежде всего, верхушке среднего класса западного общества, представляя этот стандарт в качестве показателя социального успеха. Реализация жизненных целей и решение всех личных и социальных проблем оказываются неразрывно связанными с приобретением всё новых и новых товаров.

В результате из средства продвижения товаров на рынок реклама превратилась в механизм распространения идеологии потребительства, формирования соответствующей ей личности.

На первый взгляд, функционирование идеологии потребительства через масс-медиа не связано с государством, поскольку они не являются государственной структурой. Однако, учитывая тот факт, что идеология потребительства выражает, прежде всего, интересы правящего класса крупных собственников, следует признать, что идеологическая деятельность масс-медиа осуществляется в союзе с государством. Невозможно представить, чтобы власти установили запрет на существующий способ рекламы, обеспечивающий постоянный рост потребления. Также трудно вообразить принятие государственными чиновниками мер по формированию и распространению идеологии «антипотребительства», противоречащей интересам как собственников, так и практически всех социальных групп.

Следует учесть, что хотя идеология потребительства не является политической, она

включена в главные политические идеологии и представляет собой их «интегральную часть» [5; С. 130].

Сказанное заставляет признать участие государства в существовании идеологии потребительства. Даже если исключить «невидимый» контроль государства за идеологической стороной медиа-продукции, поддержка государством идеологии потребительства выражается уже в том, что оно не препятствует её существованию. Более того, оно не может ей препятствовать в принципе, учитывая ту роль, которую играет избыточное потребление в современном производстве экономически развитых западных стран.

Идеология потребительства и глобализация. С экономической точки зрения, глобализация представляет собой общепланетарную форму материального производства, основу которого составляют транснациональные корпорации. Процесс глобализации имеет направление от экономически развитых стран к развивающимся. Поэтому глобализация предстаёт ещё и в форме «американизации», «вестернизации» мирового сообщества не только в экономической, но и в политической, и в культурной его сферах.

В результате, происходит распространение по всему миру не только, например, американского капитала, но и американского стиля жизни и его идеологии. Средством распространения этой идеологии выступают те же масс-медиа. Целью распространения идеологии потребительства в глобальном масштабе является создание «глобального потребителя» [5; С. 131].

Распространению этой идеологии в значительной степени способствует замена традиционных связей между людьми, замыкавшихся, главным образом, в рамках локальных сообществ (семьи, поселения, этноса), связями глобального масштаба, множественными, безличными и функциональными. Тем самым, в процессе глобализации разрушается механизм передачи от поколения к поколению высших моральных ценностей, какими были именно непосредственные личностные связи.

Таким образом, можно констатировать, что глобализация сопровождается глобальным распространением идеологии потребительства, угрожая человечеству его гибелью в сравнительно недалёком будущем.

Идеология потребительства и либерализация российского общества. Встав на путь рыночной экономики, Россия с необходимостью должна была принять и идеологию либерализма. Эта идеология, как и на Западе, не существует в виде целостного учения, каким был марксизм, и так же, как и в западных странах, проводится через масс-медиа. Из экономических и политических дебатов, из программ новостей, из речей политических лидеров мы узнали о преимуществах рыночной экономики перед командно-административной, политики либерализма перед политикой тотального государственного контроля над всеми сферами гражданского общества. Подъём экономики ради достижения благосостояния всего народа воспринимается как достойная цель экономической политики государства.

Но необходимо учитывать, что идеология либерализма не находится в конфронтации с идеологией потребительства и способна мирно сосуществовать с ней. Поэтому идеология либерализма должна сопровождаться формированием идеологии «антипотребительства», т.е. такой идеологии потребления, в основе которой лежит тезис: «Потребление – не цель жизни, а лишь её средство. Ценность человека определяется его творчеством и нравственностью».

Особенностью России в этом плане является, *во-первых*, отсутствие перепроизводства товаров. Поэтому в идеологии потребительства как идеологии избыточного потребления нет сейчас экономической востребованности, а социальная в основном существует лишь в рамках сравнительно немногочисленной группы лиц, имеющих высокий доход.

Во-вторых, большое значение имеет семидесятилетний стаж коммунистической идеологии, которая, несмотря на её недостат-

ки, была направлена на формирование духовно ценностной ориентации личности (труд на благо общества, коллективизм, патриотизм, дружбу народов и т. п.). Для многих людей нашего общества эта ориентация сохранилась и до сих пор.

Необходимо также подчеркнуть, что идеология «антипотребительства» должна иметь статус государственной. Она должна возникнуть, прежде всего, на теоретическом уровне, на котором получила бы экономическое и философское обоснование. В качестве государственной идеологии она должна быть закреплена в конституции. Эта идеология должна лежать в основе школьного образования и воспитания, деятельности СМИ, искусства, всей культурной и производственной жизни людей.

У России есть шанс противостоять глобальному распространению идеологии потребительства и тем самым способствовать сохранению человечества и жизни на Земле. Возможно, в этом и заключается сейчас ее «национальная идея».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры: [пер. с фр.] / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика, 2006. – 269 с.*
2. *Кузнецов В.Н. Идеология: социологический аспект / В.Н. Кузнецов. – М.: Книга и бизнес, 2005. – 816 с.*
3. *Малицкий В.С. Идеология: сущность, структура, исторические типы: (соц.-филос. анализ): автореф. дис. д-ра филос. наук: 09.00.11 / Малицкий Валентин Семенович. – Ростов н/Д, 2006. – 41 с.*
4. *Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы / В.В. Радаев // Социологические исследования. – 2005. – № 1. – С. 5-17.*
5. *Тузиков А.Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая / А.Р. Тузиков // Политические исследования. – 2002. – № 5. – С. 123-133.*
6. *Miles M. Consumerism As a Way of Life / M. Miles. – London, 1995. – 224 с.*

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Иванова Мария Владимировна, ассистентка кафедры истории, Читинский государственный университет (ЧитГУ), http//verelan.from ru.su/

Ivanova Maria, assistant of the History Department, Chita State University (ChSU), http//verelan.from ru.su/

Научные интересы: идеология потребительства

Scientific interests: consumerism ideology

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 572.022

Т.С. Александрова
T. Aleksandrova

ПРИРОДНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

NATURAL AND SOCIAL COMPONENTS OF CULTURAL ENVIRONMENT OF EASTERN TRANSBAIKALIA PEOPLES

Рассматривается культурная среда как устойчивая совокупность вещественных и личностных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект. Из обширного комплекса элементов (на региональном материале) культурно-географического исследования детально изучены природный и социальный компоненты. Делается вывод о различных приоритетах поклонения (культах) у малочисленных и больших народов

This article considers cultural environment as stable scope of real-valued and personality elements which are interacted with social subject. Out of wide complex of cultural and geographic research elements natural and social components are coned on regional data.There is a conclusion about various priorities of worship (cults)among smaller and large peoples

Ключевые слова: *культурная среда*

Key words: *cultural environment*

Анализ современных подходов к культуре позволяет представить ее как сферу жизни общества, целевое назначение и функционирование которой непосредственно связано с развитием человека. Она также включает в себя духовный, политический и материальный аспекты.

В центре культуры находится человек как создатель и потребитель культурных ценностей, как цель и смысл развития культуры. Каждый человек живет в определенной культурной среде. Под *культурной средой* понимается устойчивая совокупность вещественных и личностных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект [2].

Но человека недостаточно рассматривать лишь как социальный субъект, его взаимодействие с обществом. Природное окружение человека оказывает сильное влияние на него как на социального субъекта и не менее

важно при характеристике культурной среды. Используемый в данном случае культурно-этнографический подход и проясняет, и создает новые вопросы. Разделить *социальное* и *природное* довольно сложно: эти категории как бы перетекают друг в друга. Трудно провести грань – насколько *природны* либо *социальны* наши физиология, психика, социальные связи, технологии, природопользование и т.д. [3].

Отношение к природе в культурах народов Восточного Забайкалья различно.

Для коренного населения – бурят и эвенков – культура представляет собой систему ценностей, существующих или создаваемых в непосредственной зависимости от природного окружения. Сохранение и воспроизводство историко-культурных ценностей обусловлены необходимостью функционирования в конкретном естественногеографическом окружении. В такой культурной среде вырабатывались, сохранялись и закреплялись нормы поведения и общения, обычаи, запреты, которые соблюдались в трудовой деятельности, быту. Культурные традиции имели высокую инертность, консервативность, т.к. формировались в естественно-природных ритмах.

Об этом свидетельствует отношение и качественный состав памятников культуры, и наследия бурят и эвенков. С давних времен культовые места у этих народов приурочены к природным объектам. Священными считались горные вершины – «обоо», одиноко стоящие деревья, некоторые животные. Самые знаменитые культовые места у бурят гора Алханай (Дульдургинский р-он), «Ламский городок» (Красночикойский р-он), «Каменный город» в среднем течении реки Деловун (Тунгокоченский р-он), ряд сакральных объектов эвенков (оз. Нитчатка, Каларский р-он). Они занимают значительное место в системе особо охраняемых территорий и планируемых национальных парков.

Гора Алханай – одна из знаменитейших святынь северного буддизма, которую ежегодно посещают тысячи людей. Алханай издревле считается местом особого поклонения, где в конкретных культовых объектах отчетливо прослеживается смена различных анимистических форм на теистические. «Ламаизация» достигалась путем замены шаманских символов предметами, строениями и символами, характерными именно для северного буддизма. Параллельно этому шел процесс вытеснения одних этнопсихологических стереотипов другими. Соответствующие изменения проводились в ландшафте – строительство дугана в начале XX в., постройка бурхана в 90-х гг. XX в. [4]. Таким образом, природно-культовый комплекс горы Алханай является результатом синкретического соединения религиозных традиций и представлений северного буддизма с автохтонными культами хоринских бурят. Здесь возносил молитвы глава буддистов всего мира – Далай-лама 14. Этот потухший вулкан собирает на природные культовые храмы буддистов-паломников и просто отдыхающих из разных уголков России и даже других стран мира. Лечебно-оздоровительные воды источников Алханая посещают более 20 тыс. чел. Сейчас гора Алханай – это центр национального парка [1].

Чрезвычайно важным, но малоизвестным пластом культурного наследия Забайкалья является наличие в Читинской области места хранения уникального литературного памятника буддийской культуры «Ганчжура» (с. Бурсалан, Красночикойского района).

Природно-культовые объекты Каларского района представляют собой «шаман-деревья» – лиственницы (Сюльбанский, Леприндинский, Олдекитский перевалы). Отдельную группу составляют кладбища. С 1994 по 1999 гг. А.Я. Янковым выявлено 18 культовых объектов каларских эвенков [4].

Названные природно-культовые комплексы, как в целом, так и отдельные объекты их составляющие, являются неотъемлемыми частями традиционного этнокультурного ландшафта эвенков, бурят и представляют большой интерес для ученых и туристов.

Бережная интуитивность и опытно-ориентированная экологически обоснованная хо-

зяйственная деятельность проявлялись в рациональном освоении угодий, подборе культур в соответствии с тепло- и влагообеспеченностью, утужном луговодстве.

Рассматривая культурное наследие русского населения Читинской области, следует отметить его «социальность», приуроченность к исторически значимым событиям или личностям. Достаточно вспомнить названия площадей областного центра – «Площадь революции», «Площадь декабристов», «Площадь им. В.И. Ленина». Религиозные места поклонения – соборы, храмы, церкви, строительство которых активизировалось в последние годы. В 2005 г. закончено строительство кафедрального собора во имя Казанской Иконы Божьей матери в г. Чита, построен Храм Спаса Нерукотворного в г. Краснокаменск.

Интерес к народным традициям, связанным с бережным отношением к природе, вызван тем, что взаимодействие современного человека с природной средой его обитания приобретает подчас обостренный и противоречивый характер. Это связано с активным преобразованием огромных территорий, увеличением мобильности населения, изменением естественногеографического окружения.

Нередко современная хозяйственная деятельность вступает в противоречие и с традиционным укладом жизни, этнокультурой, современное противопоставляется веками сложившемуся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонгоров Ц.Б. Хранители духовности (о дацанах Забайкалья) / Ц.Б. Гонгоров // Забайкалье: наука, культура, жизнь. – 2003. – № 2. – С. 20-24.

2. Культура народностей Севера: традиции и современность / Отв. ред. В.И. Бойко. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. – 157 с.

3. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез / М.В. Рагулина. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. – 171 с.

4. Реестр туристических ресурсов Читинской обл. и АБАО / Ред. Р.В. Ким. – Чита: ЧИПР СО РАН, 2004. – С. 5-30.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Александрова Татьяна Сергеевна, ассистентка кафедры административного права и таможенного дела юридического института, Читинский государственный университет (ЧитГУ), lesg@bk.ru

Aleksandrova Tatyana, instructor of Administrative Law and Customs Law Department of Law Institute, Chita State University, lesg@bk.ru

Научные интересы: региональные особенности культурной среды Читинской области и комплекса элементов культурно-географических исследований. Влияние географических условий региона на общий культурный уровень населения

Scientific interests: regional peculiarities of Chita Region cultural environment and complex of cultural and geographical research elements. Influence of geographical conditions of the region on general population standard of culture

ПЕДАГОГИКА

УДК 572.022

Т.В. Амельченко
T. Amelchenko

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

SYNERGETIC APPROACH TO THE INVESTIGATION OF PROFESSIONAL QUALIFICATIONS FORMATION OF OF A SPECIALIST

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи синергетического, философско-антропологического, гуманистического подходов к формированию профессиональной компетентности специалиста.

Синергетический подход акцентирует внимание на способности сложноорганизованных открытых динамических систем к самоорганизации, самосозиданию. Одной из таких систем является человек, и эта способность его должна быть в полной мере освоена и задействована в его профессиональном и личностном становлении

The article considers the problems of interconnection of synergetic, philosophical-anthropological and humanistic approach to formation of professional qualifications of a specialist.

Synergetic approach specificates the capability of open-ended dynamic complex systems to self-organization and self-creation. One of such systems is a human being, and such capability is to be fully studied and set in motion in his professional and personal development

Ключевые слова: *синергетический подход, философско-антропологический подход, гуманистический подход, профессиональная компетентность, самоорганизация, самосозидание*

Key words: *synergetic approach, philosophical-anthropological approach, humanistic approach, professional qualifications, self-organization, self-creation*

Междисциплинарный потенциал синергетики, общенаучная значимость предмета обусловили распространение ее исследовательских приемов на области гуманитарного знания. Основные идеи синергетического подхода к миру связаны с идеями системности, целостности мира, общности закономерностей развития материальной и духовной жизни, вариативности развития природы и общества, рассматриваемой с позиций двусторонних противоположных категорий: необходимость – случайность.

Как наука о процессах самоорганизации в природе и обществе синергетика предметом

своего исследования выделяет механизмы спонтанного образования и сохранения сложных систем, особенно находящихся в отношении устойчивого неравновесия со средой, характеризующихся нелинейными эффектами эволюции систем любого типа, кризисами и бифуркациями — неустойчивыми фазами существования, предполагающими множественность сценариев дальнейшего развития.

Особого внимания в этих поисках заслуживают попытки системно-синергетического моделирования педагогических систем, включения системно-синергетического подхода в арсенал методологических средств педагогических исследований.

Обращение к образованию как процессу эволюции форм знания способствует самоорганизации социального контекста жизнедеятельности человека, приводит к переосмыслению самой сущности образования. С позиции целостности процесса образования и методологических подходов синергетики, на наш взгляд, конструктивными являются идеи М. Шелера. Известным ученым критически рассматривается сама установка на возможность *получения* образования и возможность *дать* образование *извне.* Переосмысление этой установки трактуется как необходимость более глубоко проникнуть в проблемы, связанные с сущностью образования, с тем, какие виды и формы знания обуславливают и определяют процесс, посредством которого человек становится образованным [10; С. 20]. М. Шелером выделяется мысль о том, что знание служит становлению и развитию личности. Путь личностного становления таков: от знания, которое служит практическому изменению мира – к образовательному знанию, посредством которого мы развиваем в себе духовную личность, от «образовательного» знания «путь лежит к «спасительному знанию».

Философская антропология подчеркивает, что сущностное свойство человека в том, что он открыт миру, что у него есть мир, что он есть духовное существо, трансцендирующее себя за пределы наличного бытия. Человек сам делает свой выбор в той или иной ситуации своего бытия, обусловленный определенными ценностными ориентациями. Модель человека, где сущностными параметрами выступает дух, становление личности, развитие, требует и определенного простраивания образовательного процесса, процесса приобщения к знанию. Этот процесс невозможно заменить простой трансляцией знаний и контролем за их усвоением, здесь необходим индивидуальный подход в обучении и воспитании личности, способствующий личностному саморазвитию. Таким образом, можно сделать вывод, что «образованным» является не тот, кто «много» знает, или тот, кто может в соответствии с законами максимально предвидеть и управлять процессами. «Образованным является тот, кто *овладел структурой своей личности»* [10; С. 46].

Синергетический подход акцентирует внимание на способности сложноорганизованных открытых динамических систем к самоорганизации, самосозиданию. Одной из таких систем является человек, и эта способность его должна быть в полной мере освоена и задействована в его профессиональном и личностном становлении.

В.А. Сластенин отмечает основное противоречие становления специалиста субъектом собственного профессионального развития: «профессиональную подготовку осуществляют внешние (по отношению к человеку) структуры (институты, университеты), а профессиональное становление человека является в основном результатом его собственного внутреннего движения, когда профессионализм становится ценностью для личности» [9; С. 365].

Профессиональная компетентность является не только продуктом всего образовательного процесса, но в большей степени – результатом саморазвития, личностного роста, оптимизации личностного потенциала субъекта профессиональной деятельности.

Основные идеи М. Шелера о роли знания человека в его образовании созвучны иде-

ям известных российских психологов. Так, В.П. Зинченко отмечает личностную принадлежность знания, его личностную ориентированность, сравнивая знание с информацией: «Знание всегда чье-то, кому-то принадлежащее, его нельзя купить (как диплом), украсть у знающего (разве, что вместе с головой), а информация – это ничейная территория, она бессубъектна, ее можно купить, ею можно обменяться или украсть, что часто и происходит. Знание, становясь всеобщим достоянием, обогащает знающих, а информация в этом случае обесценивается. Соответственно, войти в мир знания, равно как и в мир искусства, много труднее, чем в мир информации. С психологической точки зрения понятно (хотя едва ли оправдано), что человек несравнимо больше стремится к информации, чем к осмысленному знанию. Граница между знанием и информацией пролегает именно по линии смысла…» [2; С. 11].

Приведенные цитаты дают возможность связать в едино часто противопоставляющиеся в последнее время понятия «знания/умения – компетенции/компетентность» на основе их личностной значимости для обучаемого и как ценностного ориентира в его жизни и профессии.

Многоаспектность определения понятия «профессиональная компетентность» существенно осложняет процедуру концептуализации данного понятия. Определение профессиональной компетентности зависит от дисциплинарных привязанностей авторов, от акцентуации внимания на различных сторонах этого феномена.

Согласно одной из точек зрения, профессиональная компетентность сводится к единству теоретической и практической готовности и способности личности осуществлять профессиональную деятельность (В.А. Сластенин). Трансформация структуры, то есть модели профессиональной компетентности, воплощенной в сочетании психических качеств и состояний, позволяющих действовать самостоятельно и компетентно, рассматривается другими исследователями как ее основная характеристика. Обращается внимание на неустойчивость, противоречивость, гибкий характер реагирования личностных структур (А.К. Маркова). Ряд исследователей отмечает, что профессиональную компетентность нельзя сводить только к ее структурной перестройке, но необходимо также учитывать акмеологический подход к обоснованию ее инвариантов. Сторонники данной точки зрения считают, что игнорирование акмеологических инвариантов, важных для функционирования системы в целом (например, достижение целей или выполнение определенных условий), делает исследование профессиональной компетентности односторонним (К.А. Абульханова-Славская, А.А. Деркач).

Итак, на основании проведенного анализа можно констатировать, что в современных научно-педагогических исследованиях проблема профессиональной компетентности не имеет однозначного решения.

С позиций нашего исследования, понятие «профессиональная компетентность» может быть определено как сложная динамическая интегральная система личностных и профессиональных качеств, определяемая диспозициями личности, действующая на основе ее нравственно-ценностных, жизненносмысловых ориентаций в ситуациях решения профессиональных задач.

Опираясь на теоретические позиции профессионального саморазвития личности, разработанные В.А. Сластениным, мы также рассматриваем его как «процесс интеграции внешней профессиональной подготовки и внутреннего движения, личностного становления человека» [8; С. 252].

Внутренняя работа личности по перекодированию поступающей извне информации и других воздействий в собственное личностное достояние – это сложные динамические изменения, приводящие к возникновению новых личностных образований, свойств и качеств разной степени устойчивости.

С позиций синергетики, определяющей

энергетический уровень активности личности, все профессионально значимые личностные образования можно разделить на относительно равновесные, устойчивые и образования неустойчивые, характеризующиеся соответственно более высоким или низким уровнем активности.

Возникновение неравновесных процессов, сопровождающихся «расшатыванием» прежнего порядка и структуры личностных свойств, определяется неравновесным состоянием профессиональной социализации.

Проблема профессионального становления личности требует раскрытия механизмов возникновения и закрепления в структуре личности таких новообразований, как знаний, значений, смыслов, образов «Я».

Психологический механизм возникновения и формирования новообразований в ходе становления личности Е.Г. Силяева описывает следующим образом: в типичном состоянии, включенном в функциональную структуру, всегда наблюдается доминирование одной или нескольких составляющих, обусловленных спецификой ситуации или деятельности субъекта, также структурой свойств личности [6; С. 31].

Динамика личностного развития связана, прежде всего, с мотивацией: мотив образует личностные смыслы жизненных обстоятельств и предполагаемых в них действий. Изменение потребностей, мотивов преобразует, деформирует все поле готовности личности к различным событиям (Р.М. Грановская, Ю.С. Крижанская). Личность выстраивает свой жизненный путь исходя из приоритетов собственных целей, ценностных ориентаций, мотивов. Представление о своем будущем, о перспективе личной жизни и профессиональной деятельности влияет на настоящее и формирует его. Законченное формирование мотива предполагает выбор конкретной цели, которая характеризуется уровнем притязаний личности.

К. Левин исследовал проблему ситуативного развития мотивации. Понятие цели как детерминации сил в динамическом поле личности является у него одним из центральных. Отвечая на вопрос: «Чем определяется поведение человека: прошлым, настоящим или будущим?», К. Левин отмечает: «Поведение не зависит ни от прошлого, ни от будущего, оно зависит от сегодняшнего состояния поля. Это поле в настоящий момент имеет известную временную «глубину». Оно заключает в себе «психологическое прошлое», «психологическое настоящее» и «психологическое будущее», поскольку составляет одно из измерений данного на определенный момент времени жизненного пространства»[4; С. 39]. Как прошлое, так и будущее личности, ее ожидания, желания, мечты влияют на силы, регулирующие поведение индивида в настоящий момент. Жизненное пространство личности является неким полем, на котором сталкиваются различные силы, детерминирующие тенденции, устремления.

Психологическая теория поля К. Левина находит точки пересечения с синергетическим подходом в изучении личности. Преемственность названных теорий отмечает в своей работе Е.Н. Князева. Исследователь рассматривает индивидуальные ландшафты личности как конфигурации внутреннего (собственного) пространства и внешнего окружения действующего и познающего субъекта. Отмечая, что эти конфигурации определяются распределенной целью, спектром структур-аттракторов креативной деятельности, выделяет две основные особенности индивидуального ландшафта личности:

1) его предопределенность скрытыми и явными установками, планами, целями и совокупностью путей, ведущих к их актуализации и реализации. Личность включается в «случайные блуждания по полю когнитивных возможностей, проделывая зигзагообразный путь, актуализирующий всякий раз одну из имеющихся возможностей»;

2) синхронизм, который характеризуется взаимосвязью возможных путей будущего развития и следов прошлой деятельности [3; С. 140].

По терминологии К. Левина, ландшафт имеет определенную временную глубину. Эта идея находит отражение в работах современных психологов, которые предлагают рассматривать будущее личности как один из возможных вариантов прошлого. А выбор этого варианта разворачивается в контексте настоящего. Какой вариант выберет личность в своем смыслоориентированном жизненном пространстве, зависит от степени актуализации личностью своих целей, устремлений в будущее на основе уже имеющегося прошлого жизненного опыта.

Проблема формирования профессиональной компетентности будущего специалиста связана, прежде всего, с этикой, нравственным поведением и нравственным выбором в его профессиональных позициях, в выстраивании своей жизненной стратегии.

Исследуя методологические аспекты синергетики, Д.С. Чернавский, в частности, обращается к проблемам этики, рассматривая их параллельно с двух противоположных позиций: с позиции порядка, или «чистого разума», и с позиции динамического хаоса, неустойчивости. В его рассуждениях мы находим следующее: «… в жизни каждого человека есть периоды, когда поведение предопределено и выбор делать не нужно. В эти периоды вопросы об ответственности и совести просто не встают.

Есть в жизни моменты, когда человек становится перед необходимостью выбора (жизнь теряет устойчивость). Тогда он оценивает возможные последствия выбора на последующем горизонте прогнозирования. Именно в эти, бифуркационные, моменты появляются понятия и совести, и ответственности за сделанный выбор, т.е. за поступок» [7; С. 63].

Далее Д.С. Чернавский определяет свойства человека, на основе которых был совершен его выбор: «Во-первых, объективном, не зависящем от человека свойстве потери устойчивости (бифуркации). Во-вторых, на субъективных способностях человека предвидеть последствия выбора в течение горизонта прогнозирования. Этим и определяется ответственность. В-третьих, человек, способный прогнозировать, делает выбор, взвешивая пользу или вред возможных последствий для себя, окружающих и общества в целом. Этим определяется этический статус человека, т.е. совесть» [7; С. 63].

Решение этических проблем очень важно для будущего специалиста. Вступая в личностные и профессиональные взаимодействия, ему всегда придется делать выбор, прогнозировать свое поведение и поведение окружающих его людей. События повседневной жизни, профессиональной деятельности и события на более высоком уровне – государственном, общественном (бифуркации) требуют принятия решения, проявления гражданской совести и ответственности. В моменты, когда общество теряет устойчивость и становится перед необходимостью выбора, роль каждого человека возрастает.

С позиций синергетики этические нормы не могут быть представлены как нечто абсолютное, они относительны и зависят от фазы развития общества. Очевидно, этот вывод должен найти реализацию разработки программ, технологий в формировании профессиональной компетентности.

Существо синергетического подхода можно свести к истолкованию динамики сложных открытых систем как процесса самоорганизации и саморазвития. В применении к изучению профессионального образования синергетический подход позволяет его рассматривать как сложную, нелинейную, самоорганизующуюся социальную систему. При этом синергетика обыкновенно описывает развитие феномена, выстраивая бифуркационную модель, характеризующую неравновесные ситуации развития. Постепенно устойчивое развитие сменяется нарастанием внутреннего неравновесия – ослаблением связей внутри системы, что ощущается как назревание кризиса. В ситуации максимума внутреннего неравновесия изучаемый феномен вступает в бифуркационную фазу развития, для которой харак-

терно исчезновение прежнего системного качества. Прежние детерминации теряют свою эффективность, новые еще не развернулись. В этих условиях возникает совокупность потенциальных путей (альтернативных сценариев) выхода на новые системные качества или распада (то есть перехода в состояние хаоса, в рамках которого начинается упорядочивание в соответствии с собственными имманентными механизмами). Именно преодоление кризиса развития, жизненный выбор конкретного человека того или иного пути в своем личностном или профессиональном развитии выводит его в новое системное качество. Причем выбор пути осуществляется им исходя из индивидуальных предпочтений и установок, что очень важно с позиций нашего исследования профессиональной компетентности молодого специалиста.

В целом порядок и хаос, неизбежность (детерминированность) и случайность, логика и диалектика находят в синергетике общую базу, что может служить методологической основой обоснования всех коллизий профессионального образования.

Формирование профессиональной компетентности специалиста сквозь призму синергетического подхода выглядит как скачкообразный и многомерный, а не непрерывный и детерминированный процесс в каждой точке своей траектории.

Идеи синергетического подхода к обоснованию внутриличностных изменений в когнитивной, креативной, в общем, в профессиональной деятельности экстраполируются на понятие профессиональной компетентности молодого специалиста, характеризуя достаточно сложное движение его в своем жизненном пространстве. Процесс овладения профессиональной компетентностью, даже ограниченный требованиями образовательного стандарта, квалификационных характеристик, не может ограничить механизмы активизации креативного мышления личности, упорядочить далеко не всегда предсказуемое движение личности, как сложной нелинейной системы, к самоорганизации.

Использование синергетического подхода в педагогической науке делает лишь первые шаги. Познавательный потенциал данного подхода явно не исчерпан. Затруднения в применении синергетического подхода вызывает исключительно высокая сложность изучаемых систем, наличие большого числа факторов, определяющих их динамику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала / А.А. Деркач. – М.: Изд-во Моск. психол.-социальн. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2004. – 752 с.

2. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики / В.П. Зинченко. – М., 2002. – 340 с.

3. Князева Е.Н. Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе / Е.Н. Князева // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 138-143.

4. Левин К. Психологическое поле / К. Левин // Психология социальных ситуаций. – СПб.: Питер, 2001 – С. 37-41.

5. Маркова А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М.: Знание, 1996. – 308 с.

6. Силяева Е.Г. Методология синергетики в исследовании профессионального становления личности // Научные труды МПГУ. Серия: психолого-педагогические науки. Сборник статей. – М.: Прометей, 2002.– С. 22-35.

7. Чернавский Д.С. О методологических аспектах синергетики / Д.С. Чернавский // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 50-66.

8. Сластенин В.А. Интегративные тенденции в психолого-педагогическом образовании // В.А. Сластенин. – М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. – С. 248-258.

9. Сластенин В.А. Профессиональное саморазвитие учителя / В.А. Сластенин. – М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. – С. 365-375.

10. Шелер М. Формы знания и образование / М. Шелер // Избр. произв. – М.: Гнозис, 1994. – С. 15-56.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Амельченко Татьяна Васильевна, канд. пед. наук, профессор кафедры социальной политики, Читинский государственный университет (ЧитГУ), AmelchenkoTV@mail.ru

Amelchenko Tatyana, Candidate of Education, professor of Social Policy Department, Chita State University (ChSU), AmelchenkoTV@mail.ru

Научные интересы: интеграционные процессы в профессиональной подготовке студентов; информатизация образовательного пространства, формирование профессиональной компетентности социального педагога

Scientific interests: integration processes in professional students' training; informatization of educational field, forming of professional qualifications of a social teacher

УДК 378

С.Е. Каплина
S. Kaplina

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

THE ROLE OF OCCUPATIONAL MOBILITY IN PROCESS OF ESTABLISHMENT OF UP-TO-DATE TECHNICAL EXPERT

Рассматривается роль профессиональной мобильности в процессе подготовки современного специалиста технического профиля. В качестве основы данного процесса выступает педагогический потенциал гуманитарных дисциплин. Раскрывается его специфика, особенности методологии гуманитарных дисциплин и их влияние на процесс формирования профессиональной мобильности современного специалиста

This article is about the role of occupational mobility in process of establishment of up-to-date technical expert. Educational potential of liberal arts stands as a foundation of this process. Its specificity, peculiarities of liberal arts methodology and their influence on process of establishment of up-to-date specialist occupational mobility are investigated

Ключевые слова: *профессиональная мобильность, возможности гуманитарных дисциплин, специалист технического профиля*

Key words: *occupational mobility, abilities of liberal arts, technical expert*

В 90-х гг. прошлого столетия российское инженерное академическое сообщество приступило к выработке новых подходов к инженерному образованию. Его развитие на современном этапе формулируется как инновационное инженерное образование. Инновационность образования задается новыми требованиями к специалисту технического профиля в эпоху информационного (постиндустриального) общества. Главной целью становится подготовка и воспитание не только интеллигентной, высокопрофессиональной, творческой, но и профессионально мобильной личности. Новому обществу необходим иной тип личности: гибкой, инициативной, самостоятельной, умеющей быстро приспосабливаться к любым изменениям в профессиональной деятельности. Динамичные структурные изменения в сфере занятости обуславливают потребность в повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, рост их профессиональной мобильности.

В качестве важнейших ресурсов модернизации отечественного инженерного образования рассматривается Болонская декларация. Согласно Болонской декларации и Пражскому коммюнике, качество результата инженерного образования характеризуется тремя гранями:

1) академическим качеством (профессиональный, общекультурный и личностно-развивающий компоненты);

2) конкурентоспособностью;

3) профессиональной мобильностью выпускника технического вуза на рынке труда.

Таким образом, интеграционные процессы, происходящие в мировом сообществе, проникают в систему высшего образования. Образование становится главной производительной силой общества. В основе социальной стратификации лежит образование, профессиональная компетентность и мобильность будущих специалистов. Вместе с этим возникает острая необходимость в создании и функционировании определенной системы профессиональной подготовки кадров, которая строилась бы на принципах непрерывности, преемственности, интегративности, гибкости, конкурентоспособности, информационной прозрачности, мобильности, ориентации на потребности личности и общества. Если предыдущие поколения приобретали профессию на всю жизнь, то нынешнее должно быть готово к смене профессиональной деятельности и обладать профессиональной мобильностью, поскольку быстро меняются производственные условия. Так, в соответствии с новым этапом развития общества, профессия не выступает больше как центр, вокруг которого разворачивается жизненный цикл человека, а как одна из возможных форм социальной адаптации и творческой самореализации личности.

В прежние эпохи техническое развитие общества приводило к тому, что профессиональные навыки сохраняли свою актуальность в течение длительных периодов времени, передаваясь от поколения к поколению, а человек, следуя традициям, продолжал заниматься тем делом, которое досталось ему от предков. В этих условиях профессиональная подготовка осуществлялась одновременно с социализацией и не требовала дальнейшей переквалификации.

По данным всероссийского исследования, проведенного под руководством Н.И. Лапина, число потенциально подвижных работников в 1994 г. составляло 19,3 %. Результаты социологических исследований за 1997 г. свидетельствуют о том, что сформированное и осознанное желание изменить место работы наблюдалось у 21,7 % работников, а за период 1999-2001 гг. оно увеличилось в среднем до 24,6 % у сотрудников технических предприятий и до 27 % – среди выпускников технических вузов [1].

Этот анализ дает основание сделать вывод, что ускорение темпов научно-технического прогресса, изменения производственных технологий происходит столь быстро, что полученные в высшей школе профессиональные знания устаревают за срок, гораздо меньший периода трудовой жизни человека. Кроме того, экономическая ситуация в стране требует наличия трудовых ресурсов, обладающих высокой степенью профессиональной мобильности. Теперь у каждого работника возникает необходимость обновить свои профессиональные знания применительно к изменившимся производственно-экономическим условиям или сменить квалификацию.

В соответствии с требованиями, предъявляемыми к уровню профессиональной подготовки специалистов технического профиля («Национальная доктрина инженерного образования в Российской Федерации», «Концепция модернизации российского образования до 2010 г.»), неотъемлемыми качествами инженера нового поколения являются самоорганизованность, высокий интеллект, профессиональная мобильность, ответственность за последствия собственной деятельности, готовность к межкультурному взаимодействию, стремление к саморазвитию, творческая интуиция [4].

В связи с этим в последнее время на актуальность проблемы развития профессиональной мобильности постоянно обращается внимание на российских и международных научно-практических конференциях. С каждым годом становится все более очевидным, что в XXI в. для России будут важны не природные ресурсы, а именно «человеческий капитал», уровень профессиональной квалификации и мобильности специалиста будут все более значимыми и определяющими для развития фирм и организаций.

Определение «профессиональная мобильность» традиционно включает в себя способность специалиста менять профессию, место и род деятельности. В то же время динамика общественной жизни вносит свои коррективы в данное понятие, не ограничивая профессиональную мобильность рамками одной отрасли и рассматривая возможность профессиональной и личностной самореализации в любой сфере социально-экономической деятельности. Подобную готовность будущий специалист может приобрести в образовательной системе, которая сама обладает характеристиками мобильности.

В педагогической науке под мобильными образовательными структурами подразумеваются организационные системы образования, компоненты которых имеют связи и отношения, допускающие возможность оперативного перестраивания в соответствии с динамично меняющимися потребностями общественной и индивидуальной практики.

В силу жесткости своей организационной структуры такая образовательная система, как технический вуз, не способна к быстрому перестраиванию. Следовательно, чтобы обеспечивать экономику специалистами, способными работать в условиях новых рыночных отношений, необходимо создавать, осваивать и развивать новые концепции и технологии формирования профессиональной мобильности в рамках сложившейся образовательной структуры.

В этой связи практическое решение задачи подготовки профессионально мобильных специалистов технического профиля требует глубокого теоретического анализа природы профессиональной мобильности, механизмов ее реализации, рассмотрения условий и факторов ее обуславливающих, а также детального изучения сложившейся ситуации с профессиональной мобильностью специалистов в России.

Интеграция России в открытое образовательное пространство через развитие международных контактов и связей в политике, экономике, науке и культуре создает предпосылки для признания идеи о гуманизации и гуманитаризации высшего профессионального образования через реализацию гуманитарного образования в неразрывной связи с естественнонаучным, общетеоретическим и профессиональным образованием. Это объясняется тем, что в обществе имеется ясное понимание того, что образование должно не только включать специальную подготовку, но и формировать личность, воспитывая у нее гражданские качества, а также учить человека успешно адаптироваться в быстро меняющемся мире, развивать у него способность своевременно осваивать новую информацию и находить эффективные пути решения тех или иных производственных проблем. Решение данной проблемы требует интеграции знаний, которая обеспечит целостность общепрофессиональной подготовки современных инженеров.

Учитывая традиции отечественного образования и тенденции развития образования за рубежом, в качестве основы интеграции знаний выдвигаются гуманитарные знания, раскрывающие закономерности развития и реализации личности в современном мире, профессиональной деятельности. Не давая, казалось бы, конкретных трудовых навыков, гуманитарные дисциплины формируют личностные черты, необходимые профессионалу для успешного выполнения профессиональных функций в условиях рыночных отношений. Кроме того, международный опыт показывает, что в последние десятилетия возрастает роль гуманитарного образования, увеличивается культуроемкость знания как основы развития личности. Известно, что ценностно-смысловой характеристикой гуманитаризации инженерного образования является обеспечение гармоничного единства естественнонаучной и гуманитарной культуры познания и деятельности, единства, основанного на взаимопонимании и диалоге. Только в процессе изучения гуманитарных дисциплин студенты осваивают будущую профессиональную деятельность как совокупность физических, экономических, соци-

альных, социально-психологических закономерностей и оценки полезности создаваемых искусственных сред с позиции историзма, приоритета общечеловеческих ценностей, гуманизма, общецивилизованного подхода.

Чтобы будущий инженер стал профессионально мобильным, ему необходимо выйти из пространства знаний в пространство деятельности и жизненных смыслов. Знания и методы деятельности необходимо соединить в органическую целостность, системообразующим фактором которой служат определенные ценности. Следовательно, задача ученых заключается в изменении внутренней установки технической науки и инженерной деятельности, что можно осуществить только через переориентирование инженерного мышления, которое формируется в процессе инженерного образования. Гуманитаризация высшего технического образования позволяет осуществить такой переход и создать основы формирования профессиональной мобильности инженеров.

Гуманитарная составляющая социально-гуманитарного знания представлена циклом мировоззренческих дисциплин, направленных на изучение истории и теории человека как особого духовного существа, на воспитание личности. Изучение в ходе вузовской профессиональной подготовки наряду со специальными дисциплинами истории, культурологии, религиоведения, иностранного языка, разнообразных философских наук – истории и теории философии, этики и эстетики, антропологии и т.д. – призваны способствовать интеллектуальному, нравственному и эстетическому развитию личности будущих профессионалов (табл. 1).

При выделении компонентного состава гуманитарного знания, необходимого будущему инженеру для формирования профессиональной мобильности, мы использовали принцип выводного знания, предложенный Е.В. Гринько [2; С. 39]. Важно заметить, что структура гуманитарного знания при этом отражает основные направления человеческой деятельности.

Таблица 1

Предполагаемый результат воздействия педагогического потенциала гуманитарных дисциплин на формирование профессионально мобильной личности инженера

Наименование гуманитарных дисциплин	***Возможности воздействия гуманитарных дисциплин на формирование профессионально мобильной личности инженера***	***Результат воздействия педагогического потенциала гуманитарных дисциплин на формирование профессионально мобильной личности инженера***
История	Прошлое человечества в его неповторимости и многообразии Развитие ценностных ориентаций Умение решать морально-нравственные проблемы	Познавательная компетентность Социальная компетентность Полифункциональные метапрофессиональные качества Экстрафункциональные метапрофессиональные качества

Продолжение табл. 1

Наименование гуманитарных дисциплин	*Возможности воздействия гуманитарных дисциплин на формирование профессионально мобильной личности инженера*	*Результат воздействия педагогического потенциала гуманитарных дисциплин на формирование профессионально мобильной личности инженера*
Культурология	Духовная сфера жизни общества Постижение культурного потенциала общества Изучение опыта деятельности, включающего ее творческий момент Виды и способы преобразовательной деятельности общества	Социокультурная компетентность Познавательная компетентность Методическая компетентность Организационная компетентность Полифункциональные метапрофессиональные качества Экстрафункциональные метапрофессиональные качества
Политология	Объективно-исторические основы политики и власти Суть деятельности лидеров и партий Поведение отдельных групп и классов общества	Социально-правовая компетентность Специальная компетентность Полифункциональные метапрофессиональные качества Экстрафункциональные метапрофессиональные качества
Правоведение	Гражданская культура Воспитание толерантности Возможности правовой системы государства	Социально-правовая компетентность Специальная компетентность Полифункциональные метапрофессиональные качества Полифункциональные метапрофессиональные качества Экстрафункциональные метапрофессиональные качества
Экономика	Экономическая сфера жизни общества	Познавательная компетентность Социальная компетентность Профессиональная адаптация Полифункциональные метапрофессиональные качества Экстрафункциональные метапрофессиональные качества
Социология	Социальная сфера жизни общества Социальные отношения Механизмы функционирования и развития социальных общностей	Социальная компетентность Полифункциональные метапрофессиональные качества Профессиональная адаптация Экстрафункциональные метапрофессиональные качества

Продолжение табл. 1

Наименование гуманитарных дисциплин	*Возможности воздействия гуманитарных дисциплин на формирование профессионально мобильной личности инженера*	*Результат воздействия педагогического потенциала гуманитарных дисциплин на формирование профессионально мобильной личности инженера*
Философия	Духовная сфера жизни общества Философско-мировоззренческие положения	Персональная компетентность Познавательная компетентность Полифункциональные метапрофессиональные качества Экстрафункциональные метапрофессиональные качества
Психология	Личность как целостная система Психосоциальная, психопрактическая проблематика	Персональная компетентность Методическая компетентность Организационная компетентность Профессиональная адаптация Полифункциональные метапрофессиональные качества Экстрафункциональные метапрофессиональные качества
Педагогика	Сущность, цели, задачи воспитания Роль воспитания в развитии общества и личности	Персональная компетентность Методическая компетентность Организационная компетентность Профессиональная адаптация Экстрафункциональные метапрофессиональные качества
Этика и эстетика	Элементы духовной сферы общества Развитие гуманитарной культуры Владение этическими нормами профессии	Познавательная компетентность Социальная компетентность Методическая компетентность Экстрафункциональные метапрофессиональные качества
Русский язык	Способность использовать и преобразовывать языковые формы в соответствии с ситуацией Культура речи Умение вести диалог	Лингвистическая компетентность Социолингвистическая компетентность Коммуникативная компетентность Экстрафункциональные метапрофессиональные качества
Логика	Формы и средства мысли, необходимые для познания	Дискурсивная компетентность Социальная компетентность Экстрафункциональные метапрофессиональные качества

Окончание табл. 1

Наименование гуманитарных дисциплин	*Возможности воздействия гуманитарных дисциплин на формирование профессионально мобильной личности инженера*	*Результат воздействия педагогического потенциала гуманитарных дисциплин на формирование профессионально мобильной личности инженера*
Иностранный язык	Коммуникативные умения Развитие межкультурной коммуникации	Лингвистическая компетентность Социолингвистическая компетентность Коммуникативная компетентность Экстрафункциональные метапрофессиональные качества

К структурным компонентам гуманитарного знания можно отнести следующие:

1) мировоззренческий, включающий проблемы философского характера, как особой грани культуры человека, каждая составляющая которой в определенной мере согласована с основными функциями культуры деятельности человека;

2) социальный, предполагающий осмысливание места человека в природе и обществе в историческом контексте, связь личности с обществом;

3) коммуникативный, отвечающий за взаимоотношения между разными людьми и культурами;

4) эвристический, связанный с наличием знаний, необходимых для развития творческого потенциала интеллекта человека, для обновления приобретенных знаний, продуктивной личной, общественной и профессиональной деятельности;

5) нравственный, объединяющий наиболее общие принципы культуры деятельности вообще и профессиональной в частности, обеспечивающий надежность и предсказуемость действий;

6) эстетический компонент, включающий знания, определяющие эстетическую активность человека, его взаимодействия с миром «прекрасного»;

7) практический, основывающийся на знаниях, необходимых для моделирования и познания процессов и явлений окружающей действительности [2; С. 39-40].

Применив выделенные компоненты к структуре инженерной деятельности, получим блоки гуманитарного знания, реализующие педагогический потенциал гуманитарных дисциплин в процессе формирования профессионально мобильной личности будущего инженера (табл. 2).

Таблица 2

Блоки гуманитарного знания в инженерии, реализующие педагогический потенциал гуманитарных дисциплин в процессе формирования профессионально мобильной личности будущего инженера

Раздел инженерии	***Основные гуманитарные аспекты раздела***	***Гуманитарные дисциплины, реализующие аспект раздела***
Инженерия в системе научного знания	Понятие «инженерия», объект инженерии, ее цель и задачи, ее структура, причины возникновения инженерии и основные этапы ее развития, особенности развития отечественной и зарубежной инженерии, ее интегративные связи и перспективы развития	История Культурология Экономика Философия Иностранный язык
Инженерия как общенаучная категория	Концепция понятия «инженерная деятельность», субъекты и объекты инженерной деятельности, технические и технологические процессы в природе и обществе, специфика инженерной деятельности человека, качественные и количественные характеристики инженерии, классификация видов инженерной деятельности	История Экономика Философия Социология Логика Иностранный язык
Основы инженерного моделирования	Понятия «модель» и «моделирование», адекватность модели объекту, философские аспекты моделирования, особенности инженерного моделирования	Экономика Философия Логика Иностранный язык
Инженерные технологии	Инженерные технологии, техническое обеспечение, организация, деятельность, задача, принятие решения, система, управление, управленческая функция, управленческие решения, уровни управления	Философия Социология Логика Психология Иностранный язык
Инженерная техника	Эволюция инженерной техники, инженерная экология, антропологическое измерение (эргономика, дизайн и др.), социальное и социокультурное измерение инженерной техники (технологии анализа последствий создания и функционирования технических систем, человек и техника в аспекте взаимоотношений и т.д.)	История Философия Социология Логика Психология Иностранный язык
Инженерное производство	Тенденции и перспективы развития инженерного производства, его основные научно-технические проблемы, принципы и методы менеджмента и маркетинга, навыки организации производства и эффективной работы трудового коллектива на основе прогрессивных методов управления, контроля за технологической и трудовой дисциплиной в условиях производства, основные положения логистики как теории управления материальными и информационными потоками, основы гражданского законодательства России, муниципальное право	История Социология Политология Правоведение Экономика Логика Психология Иностранный язык

Окончание табл. 2

Раздел инженерии	*Основные гуманитарные аспекты раздела*	*Гуманитарные дисциплины, реализующие аспект раздела*
Инженерия знаний	История развития техники и искусственного интеллекта, модели представления знаний, психологический аспект извлечения знаний (модель общения, психологические особенности участников общения, механизмы познания окружающего мира человеком), лингвистический аспект (использование и преобразование языковых форм в соответствии с ситуацией, культура речи, умение вести диалог), гносеологический аспект (критерии научности знания, структура познания), методы извлечения знаний (интервью, свободный диалог и др.), приобретение знаний	История Культурология Социология Психология Педагогика Логика Этика и эстетика Русский язык Иностранный язык
Методология создания инженерных проектов	Основы проектирования, этапы создания инженерного проекта, ввод его в действие, диагностика проектов, юридические и этические аспекты защиты инженерных проектов	Социология Правоведение Логика Этика и эстетика Иностранный язык
Социальная инженерия	Техногенная цивилизация, технократичное общество, экономические, политические и культурно-духовные аспекты инженерной профессии, инженерная культура	Социология Культурология Философия Экономика Политология Этика и эстетика Иностранный язык

Как видно из табл. 2, гуманитарное знание является неотъемлемым атрибутом инженерной деятельности. Социальный характер деятельности инженера связан с удовлетворением запросов людей, при этом имеется в виду не только активная деятельность инженера в рамках новых проектов, но и деятельность, направленная на нравственно-эстетическое развитие общества. Инженерное мышление требует интеграции естественнонаучного, технического и гуманитарного знания. Педагогический потенциал гуманитарных дисциплин необходим для формирования профессиональной мобильности специалиста технического профиля на всех этапах любой профессиональной деятельности:

1) на этапе стратегического планирования и анализа требований к инженерному объекту гуманитарное знание позволяет инженеру осознать социальный заказ, т.е. общественную производственно-техническую потребность в данном продукте инженерной деятельности, возможные положительные и отрицательные социальные, экономические, экологические и технические последствия его внедрения;

2) на этапе создания инженерного про-

екта осуществляется проектирование, реализация, тестирование разрабатываемого проекта. Успешное выполнение данных процессов требует актуализации следующих компонентов гуманитарного знания: методологии проектирования, научного поиска, психологии мышления и восприятия, структурной и прикладной лингвистики, инженерии знаний, системного анализа, теории принятия решений;

3) этап внедрения инженерного объекта включает процессы эксплуатации разработанного объекта и устранение возможных незначительных ошибок. Гуманитарное знание на данном этапе позволяет инженеру оценить возможную экономию человеческих и материальных ресурсов, их оптимизацию, учесть физиологические и гигиенические особенности труда пользователей, юридические и этические аспекты защиты инженерного проекта.

В процессе формирования профессиональной мобильности будущего инженера гуманитарные дисциплины:

1) оказывают влияние на формирование ценностных ориентаций специалиста технического профиля, его профессиональных и личностных качеств;

2) активизируют внутренние побуждения личности (мотивы), определяющие возникновение, направление, а также способы осуществления профессиональной мобильности;

3) оказывают положительное воздействие на формирование межличностных взаимодействий будущих инженеров;

4) являются основой формирования ключевых компетенций;

5) обладают соответствующим содержанием материала, особым спектром форм, методов и средств, необходимых для формирования профессиональной мобильности будущего инженера;

6) особенности методики преподавания гуманитарных дисциплин способствуют становлению осознанного отношения личности инженера к процессам самообразования и самосовершенствования [3].

На основании изложенного можно говорить о том, что гуманитарное образование обладает необходимыми возможностями для обеспечения нового уровня профессиональной подготовки специалистов технического профиля, предлагает отказаться от узкопрактического и технократического подхода к обучению студентов при формировании их профессиональной мобильности. Гуманитарная образованность способствует эмоциональной полифоничности людей, делает их более открытыми для разнообразной информации, активизирует деятельность интеллекта, характеризует возвышенность мыслей, желаний, облегчает усвоение любой профессии [5].

Как показала практика, люди с гуманитарным образованием оказались более приспособленными к смене профессий, чем специалисты технического профиля. Это еще раз доказывает справедливость нашего обращения к принципу гуманитаризации технического образования при формировании профессиональной мобильности будущего инженера.

По нашему мнению, на современном этапе развития высшего инженерного образования формированию профессиональной мобильности инженера будет способствовать введение обновленного гуманитарного блока дисциплин в инженерное образование, их логическая преемственность, содержательная наполненность с целью расширения диапазона образованности, мобильности, степени интеллигентности выпускаемых вузом специалистов. Увеличение номенклатуры учебных дисциплин гуманитарного цикла будет способствовать раскрытию зависимости социально-экономического и научно-технического прогресса от личностных, нравственных качеств человека, его творческих способностей.

Таким образом, в учебном плане подготовка по гуманитарным предметам является не только регулятором и механизмом реализации социального заказа общества на тот или иной тип профессионально мобильного инженера, но также и воплощением определенной педагогической концепции [5; С. 140].

Значение профессиональной мобильно-

сти в процессе становления современного специалиста заставляет ученых все чаще обращаться к поиску оптимальных решений в направлении разработки интегративных подходов к эффективному формированию профессиональной мобильности будущих инженеров. Кроме того, положение на рынке труда в области инженерной деятельности усиливает необходимость смены широкого диапазона частных методов, алгоритмов, дифференцированных по отраслям, разработкой концептуальных и технологических основ по подготовке специалистов нового типа, обладающих высокой профессиональной гибкостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобриков В.Н. Формирование профессионального самоопределения личности при профильном обучении в системе непрерывного технического образования / В.Н. Бобриков // Интеграция образования. − 2003. − № 1. − С. 70-76.*
2. *Гринько Е.В. Гуманитаризация высшего технического образования средствами иностранного языка: дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Е.В. Гринько. − М., 2007. − 196 с.*
3. *Каплина С.Е. Концептуальные и технологические основы формирования профессиональной мобильности будущих специалистов при изучении гуманитарных дисциплин / С.Е. Каплина. − Чита: ЧитГУ, 2007. – 311 с.*
4. *Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года: распоряжение правительства РФ от 29 декабря 2001 года № 1756-р. // Российская газета. − 2001. − 31 дек. − 7 с.*
5. *Яковлева И.В. Социально-философский анализ проблем развития российского высшего образования: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / И.В. Яковлева. − Красноярск, 2004. − 148 с.*

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Каплина Светлана Евгеньевна, к. пед. н., доцент кафедры иностранных языков, Читинский государственный университет (ЧитГУ), kse2000@list.ru

Kaplina Svetlana, Candidate of Education, associate professor of Foreign Languages Subdepartment, Chita State University, (ChSU), kse2000@list.ru

Научные интересы: методика преподавания иностранного языка; изучение роли и возможностей иностранного языка в процессе формирования профессиональной направленности будущего специалиста

Scientific interests: English language teaching methods, study of the role and abilities of foreign language in the process of establishment of future specialists vocational guidance

УДК 37 (091)

Е.Г. Поликанова
E. Polikanova

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ

HISTORICAL ASPECT OF COMPETENCE APPROACH DEVELOPMENT IN EDUCATION

Дано определение исторического аспекта развития компетентностного подхода в образовании. Проведен анализ литературы по данной проблеме. Выделены три основных этапа становления развития компетентностного подхода. Данный подход рассматривается в контексте Болонских реформ

There is a definition of historical aspect of competence approach development in education. The literature about this problem is analyzed. The article marks out three main stages of competence approach development. The given approach is considered in context of Bologna reforms

Ключевые слова: *компетентностный подход, этапы становления, Болонские реформы*

Key words: *competence approach, stages of development, Bologna reforms*

Формирование компетентности учащихся является одной из наиболее актуальных проблем образования, а компетентностный подход может рассматриваться как выход из проблемной ситуации, возникшей из-за противоречия между необходимостью обеспечивать качество образования и невозможностью решить эту задачу традиционным путем за счет дальнейшего увеличения объема информации, подлежащей усвоению. Мы рассматриваем компетентность как единицу измерения образованности человека. При этом внимание акцентируем на результатах обучения, в качестве которых представляется не сумма заученных знаний, умений, навыков, а способность действовать в различных проблемных ситуациях.

Тема компетентностного подхода в образовании стала активно обсуждаться в отечественной педагогике после выхода в свет в 2001 г. «Концепции модернизации российского образования до 2010 года», где подчеркивалось, что общеобразовательная школа должна формировать ключевые компетенции учащихся, определяющие современное качество образования.

В России появились научно-теоретические и научно-методические работы, в которых анализируются сущность компетентностного подхода и проблемы формирования ключевых компетенций (Л.Ф. Иванова, А.Г. Каспржак, А.В. Хуторской). Разработкой данной проблемы также занимаются такие российские исследователи, как В.И. Байденко, П.П. Борисов, Н.С. Веселовская, А.А. Вербицкий, А.Н. Дахин, А.А. Деркач, И.А. Зимняя, В.П. Зинченко, А.К. Маркова, А.И. Сурыгин, Ю.Г. Татур, Т.Б. Табарданова, И.Д. Фрумин, Г.А. Цукерман и др. и

зарубежные ученые: Р. Барнетт, Дж. Равен (Великобритания), В. Вестера (Голландия).

Страны, усилия которых направлены на переустройство системы высшего образования по Болонскому типу, апеллируют к компетенциям и компетентностям как к ведущему критерию подготовленности современного выпускника высшей школы, к нестабильным и стереоскопичным условиям труда и социальной жизни. Если традиционная *квалификация* специалиста подразумевала функциональное соответствие между требованиями рабочего места и целями образования, а подготовка сводилась к усвоению учащимися стандартного набора знаний, умений и навыков, то *компетенция* предполагает развитие в человеке способности ориентироваться в разнообразии сложных и непредсказуемых рабочих ситуаций, иметь представления о последствиях своей деятельности, а также нести за них ответственность. Компетентностный подход ориентирует на построение учебного процесса сообразно результату образования: в учебную программу или курс изначально закладываются дескрипторы того, что студент будет знать и уметь в результате обучения.

Данная тенденция переориентации образовательной парадигмы возникла ещё до Болонских соглашений и, по-видимому, носит объективный характер – характер вызова, который социальные и экономические изменения бросают системе образования. Так, Лиссабонская конвенция «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе» 1997 г. (к которой Россия присоединилась в 2000 г.) сформулировала концепцию международного признания результатов образования и выдвигала требование к академическому сообществу выработать конвертируемые общепонятные критерии такого признания. Уже позднее, в ходе Болонского процесса, стали активно разрабатываться различные версии подобных критериев, и эта новая методология получила название *компетентностного подхода*.

Компетентностный подход в России имеет свою, доболонскую историю и, по мнению большинства специалистов, именно российский опыт в этом плане способен существенно обогатить практику Болонских реформ.

Поскольку компетентностный подход напрямую связан с идеей всесторонней подготовки и воспитания индивида не только в качестве специалиста, профессионала своего дела, но и как личности и члена коллектива, и социума, он является гуманитарным в своей основе. Цель гуманитарного образования сводится, как известно, не только к передаче студенту совокупности знаний, умений и навыков в определённой сфере, но и к развитию кругозора, междисциплинарного чутья, способности к индивидуальным креативным решениям, самообучению, а также формированию гуманистических ценностей. Всё это составляет специфику компетентностного подхода.

Компетентностный подход апеллирует к современной парадигме междисциплинарных (постдисциплинарных) науки и образования. Поэтому не удивительно, что сам принцип компетенции зародился в рамках одной из конкретных наук и был впоследствии экстраполирован в качестве научного метода, применимого к различным сферам знания, включая педагогику. Его возникновение принято возводить к исследованиям известного американского лингвиста Н. Хомского, сформулировавшего понятие «компетенция» применительно к теории языка, трансформационной (генеративной) грамматике. Н. Хомский отмечал, что он проводит фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим – слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Согласно Хомскому, только в идеализированном случае… употребление является непосредственным отражением компетенции. В действительности же оно не может непосредственно отражать компетенцию… противопоставление, вводимое автором, связано с соссюровским противопоставлением языка и речи, но необходимо… скорее вернуться к гумбольд-

товской концепции скрытой компетенции как системы порождающих процессов.

Обратим внимание на то, что именно «употребление» есть актуальное проявление компетенции как «скрытого», потенциального. Употребление, по Н. Хомскому, «в действительности» в реальности связано с мышлением, реакцией на использование языка, с навыками и т.д., т.е. с самим говорящим, с опытом самого человека.

В то же время (1959) в работе Р. Уайта «Motivation reconsidered: the concept of competence» категория компетенции содержательно наполняется собственно личностными составляющими, включая мотивацию.

Проведенный анализ работ (Н. Хомский, Р. Уайт, Дж. Равен, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.Н. Куницина, Г.Э. Белицкая, Л.И. Берестова, В.И. Байденко, А.В. Хуторской, Н.А. Гришанова и др.) позволил условно выделить три этапа становления компетентностного подхода в образовании.

Первый этап – 1960–1970 гг. – характеризуется введением в научный аппарат категории «компетенция», созданием предпосылок разграничения понятий «компетенция-/компетентность». С этого времени в русле трансформационной грамматики и теории обучения языкам начинается исследование разных видов языковой компетенции, введение понятия «коммуникативная компетентность» (Д. Хаймс).

Второй этап – 1970–1990 гг. – характеризуется использованием категории «компетенция/компетентность» в теории и практике обучения языку (особенно неродному), профессионализма в управлении, руководстве, менеджменте, в обучении общению. В это время разрабатывается содержание понятия «социальные компетенции/компетентности». В работе Дж. Равена «Компетентность в современном обществе», появившейся в Лондоне в 1984 г., дается развернутое толкование компетентности. Это такое явление, которое состоит из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга, … некоторые компоненты относятся, скорее, к когнитивной сфере, а другие – к эмоциональной, … эти компоненты могут заменять друг друга в качестве составляющих эффективного поведения». При этом, как подчеркивает Дж. Равен, «виды компетентности» суть «мотивированные способности».

Третий этап – 1990–2000 гг. – характеризуется появлением работ А.К. Марковой (1993,1996), где в общем контексте психологии труда профессиональная компетентность становится предметом специального всестороннего рассмотрения.

Третий этап развития компетентностного подхода характеризуется тем, что в материалах ЮНЕСКО очерчивается круг компетенций, которые уже должны рассматриваться всеми как желаемый результат образования.

На симпозиуме в Берне (27-30 марта 1996 г.) по программе Совета Европы был поставлен вопрос о том, что для реформ образования существенным является определение ключевых компетенций, которые должны приобрести обучающиеся как для успешной работы, так и для дальнейшего образования.

Еще за несколько лет до подписания Россией Болонской декларации в проектах государственных образовательных стандартов основного, общего и среднего (полного) общего образования появился и активно использовался термин «компетенция». Все чаще это понятие встречается в публикациях, посвященных вопросам модернизации начального и среднего профессионального образования.

Словом, многие почувствовали недостаточность триады «знания–умения–навыки» (ЗУН) для описания интегрированного результата образовательного процесса.

Компетенция – понятие, пришедшее в Россию из англосаксонской традиции образования. Вероятно, формирование моделей деятельности специалиста и разработка профиля специалиста в исследованиях советских учёных (Н.Ф. Талызина, Н.Г. Печенюк, Л.Б. Хихловский), выполненные в системно-деятельностной методологии, были опережающими

решениями отечественных методистов-исследователей.

В последнее десятилетие и особенно после принятия «Стратегии модернизации содержания общего образования» и «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» в России происходит резкая переориентация оценки результата образования с понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность», на понятия «компетенция», «компетентность» обучающихся. То есть делается существенная ставка на компетентностный подход в образовании. В то же время анализ литературы по этой проблеме, особенно истории ее становления, показывает всю сложность, многомерность и неоднозначность трактовки как самих понятий «компетенция», «компетентность», так и основанного на них подхода к процессу и результату образования. В связи с этим нельзя не согласиться со справедливым замечанием разработчиков «Стратегии модернизации содержания общего образования», что «речь не должна идти о быстром и тотальном переходе российской школы на компетентностный подход. Следует ставить вопрос о среднесрочной (3…5 лет) перспективе, связанной с проведением необходимых исследований и разработок».

Как уже отмечалось, тенденция движения «от понятия квалификации к понятию компетенции» является общеевропейской и даже общемировой. Эта тенденция выражается в том, что усиление познавательных и информационных начал в современном производстве не «покрывается» традиционным понятием профессиональной квалификации. Более адекватным становится понятие «компетентность». Нельзя оспаривать тот факт, что новый тип экономики вызывает новые требования, предъявляемые к выпускникам вузов, среди которых все больший приоритет получают требования системно организованных интеллектуальных, коммуникативных, рефлексирующих, самоорганизующих, моральных начал, позволяющих успешно организовывать деятельность в широком социальном, экономическом, культурном контекстах. В докладе ЮНЕСКО говорится, что все чаще предпринимателям нужна не квалификация, которая с их точки зрения слишком часто ассоциируется с умением осуществлять те или иные операции материального характера, а компетентность, которая рассматривается как своего рода коктейль навыков, свойственных каждому индивиду, в котором сочетаются квалификация, в строгом смысле этого слова..., социальное поведение, способность работать в группе, инициативность и любовь к риску.

Особенно интенсивно проблемы выработки гибких критериев для описания результатов образования обсуждаются в европейских странах в контексте текущих Болонских реформ. Представления о компетенциях/компетентностях соотносятся с языком кредитно-модульной системы, что позволяет установить взаимосвязь с такими аспектами построения учебного процесса, как многоуровневое и нелинейное развёртывание обучения, сборка образовательных программ с учётом индивидуальной образовательной траектории, фиксация результатов обучения с помощью накопительных и переносимых единиц.

Подводя итог, можно отметить, что согласно Болонской декларации, компетентностный подход к результату образования стал определяющим. Происходящие в мире и России изменения в области образования вызывают необходимость обеспечения системой образования личностно- и социально-интегрированного результата. И.А. Зимняя отмечает, что в качестве общего определения такого интегрального социально-личностно-поведенческого феномена, как результат образования в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих, и выступило понятие «компетенция/компетен-ность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессиональ-

ного образования (методологические и методические вопросы): метод. пособие / В.И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 114 с.

2. Доклад международной комиссии по образованию, представленный ЮНЕСКО «Образование: сокрытое сокровище». – М.: ЮНЕСКО, 1997.

3. Дондокова Н.Б. Педагогические условия формирования базовых компетенций в процессе подготовки будущих специалистов: автореф. / Н.Б. Дондокова. – Улан-Удэ, 2006. – С. 5-6.

4. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: авторская версия / И.А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.

5. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И.А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34-42.

6. Пестерева Ю.В. Реализация компетентностного подхода в процессе построения содержания образования в начальной школе: автореф. / Ю.В. Пестерева. – Майкоп, 2007.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Поликанова Елена Геннадьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Polikanova Elena, assistant professor of Foreign languages department, Chita State university

Научные интересы: компетентностный подход в образовании

Scientific interests: competence approach in education

УДК 37.015.3

С.В. Сергеева
S. Sergeeva

ВАРИАНТ ВНУТРИДИСЦИПЛИНАРНОЙ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ И МЕЖНАУЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ УЧЕБНЫХ КУРСОВ ПО ПЕДАГОГИКЕ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

VARIANT OF INTRADISCIPLINARY, INTERDISCIPLINARY AND INTERSCIENTIFIC INTEGRATION OF PEDAGOGICS APPRENTICESHIP COURSES IN HIGHER VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM

Представлен вариант внутридисциплинарной интеграции содержания курсов педагогических дисциплин, рассматриваются междисциплинарные и межнаучные интегративные процессы учебных курсов по педагогике

The variant of intradisciplinary integration of teaching disciplines courses intension is represented in this article, interdisciplinary and interscientific integrative processes of apprenticeship courses of pedagogics are considered

Ключевые слова: *внутридисциплинарная интеграция, интегративные процессы*

Key words: *intradisciplinary integration, integrative processes*

Актуальными проблемами высшего профессионального педагогического образования, озвученными на совещании «Научно-методическое обеспечение реализации приоритетных направлений развития образовательной системы Российской Федерации» (2005 г.), стали повышение качества подготовки специалистов; совершенствование содержания и форм организации педагогической практики; основные направления развития инновационной и научно-исследовательской деятельности; качество учебной и учебно-методической литературы для вузов; развитие дистанционного обучения; улучшение материально-технической базы учреждений всей системы отечественного образования и ряд других [1; С. 272].

В этой связи объективным требованием современного российского общества становится формирование такого качества, как профессиональный универсализм – способность менять сферы и способы деятельности.

Это объективно необходимое качество предполагает смещение акцента на рынке труда со специалиста на сотрудника, обладающего определенной специальной профессиональной подготовкой, умеющего делать выбор, принимать самостоятельные решения, инициативного, способного к инновациям, готового к переменам (то есть к жизни в услови-

ях перехода к гражданскому обществу с рыночной экономикой).

Приоритет в сфере образования определяется и мировыми тенденциями, в частности, целью формирования единого образовательного пространства, поставленной Европейским сообществом и отраженной в Лиссабонской Конвенции, документах Болонского процесса.

Приоритет в разработке нормативных требований в сфере высшего образования европейские государства отдают компетентности выпускника высшего учебного заведения, под которой понимаются интегрированные характеристики качества подготовки специалистов.

Компетентностная модель предполагает смещение акцента с академических норм оценки к внешней оценке профессиональной, личностной и социальной подготовки (Т.С. Просветова) [2; С. 3-4].

Стратегической идее развития информационной цивилизации в современных условиях способствует интеграция образования в целом и интеграция непрерывного педагогического образования, в частности, во всем многообразии его проявления. Это интеграция России в мировое образовательное пространство, интеграция образовательных потребностей человека на различных ступенях образования (от дошкольного до постдипломного), интеграция знаний об изучаемом предмете и методах его изучения.

В настоящей статье речь пойдет об интеграции содержания курсов педагогических дисциплин в условиях высшего профессионального педагогического образования.

Конструирование и обновление предметной области «педагогика» в Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования 3-го поколения объективно требуют методологической рефлексии по поводу педагогики как науки и как учебной дисциплины. В этой связи в современном педагогическом знании еще более активно должны быть «задействованы» все функции философии – онтологическая, гносеологическая, методологическая, мировоззренческая, аксиологическая и др.

Одновременно реформирование отечественного образования и развитие педагогической науки с учетом мировых тенденций в сфере образования объективно определяют актуальность компетентностного подхода (А.В. Хуторской, И.А. Зимняя, Б.Н. Боденко, О.Е. Лебедев, А.М. Князев и др.). Акцент на компетентностный подход отражен и в «Концепции модернизации образования в период до 2010 года».

Компетентностное образование, по мнению известного отечественного методолога В.В. Краевского, отражает «новые реалии и задачи, возникающие в связи с гуманизацией образования и необходимостью подготовки к активному и компетентностному участию в жизни общества» [3; С. 34].

Образовательная компетенция, в трактовке А.В. Хуторского, – это совокупность смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности по отношению к определенному кругу объектов деятельности, необходимых для осуществления личностно и социально значимой продуктивной деятельности [4; С. 34].

Для преподавателей высшей школы, занимающихся подготовкой будущих педагогов, это означает «восхождение» от проблем повседневных к поиску первооснов педагогического знания. Одновременно это стремление отыскать собственные ответы на вопросы о том, в чем суть и смысл процесса обучения, кто имеет моральное право быть наставником юношества и студенчества, какими качествами для этого надо обладать? Имеет ли право вузовский педагог быть только «ретранслятором» готового научного знания или обязан принимать участие в процессе его «добывания» как ученый, активно взаимодействовать с коллегами в поле интеграции межпредметных и междисциплинарных знаний, преподаваемых студентам?

В «Энциклопедии профессионального образования» под интеграцией современной

науки понимается «диалектически взаимосвязанный с дифференциацией процесс взаимопроникновения на общей социально-гносеологической и логико-методологической основе структурных элементов (научной деятельности, информации и методологии) различных отраслей знания, сопровождающийся ростом их обобщенности и комплексности, уплотненности и организованности» [5; С. 385].

Исходя из методологического положения о том, что объем и содержание образования определяются взаимосвязанными социально-экономическими, производственно-техническими, психолого-физиологическими и медицинскими факторами, единый обязательный уровень содержания высшего профессионального образования (стандарт) моделируется как необходимый базисный профессионально-квалификационный потенциал, без которого невозможно овладение педагогической специальностью на современном и перспективном уровнях общественного развития.

Профессиональное педагогическое образование должно учитывать и обеспечивать интегративные процессы науки и практики с самых начальных этапов обучения и на индивидуальном уровне воплощения.

В отборе содержательного образования общеприняты три типа интегративных процессов (Т.А. Стефановская) [6; С. 7]:

1) внутридисциплинарные;
2) междисциплинарные;
3) межнаучные.

Варианты внутридисциплинарной интеграции педагогических дисциплин могут быть различны: теория – история педагогики, педагогика – методика, педагогика (или методика) – основы педагогического мастерства и др.

Оптимальный вариант такого сближения мы видим в следующей парадигме: история вопроса – его теория – методика и технология реализации теории – педагогическая практика. На наш взгляд, такая логика изучения педагогических дисциплин позволяет избежать дублирования, увидеть действенность теории, позволяет на деле реализовать принцип связи теории с практикой, актуализировать профессиональные знания в деятельности, не ожидая накопления опыта десятилетиями.

История педагогики приобретает новый статус: из репродуктивной учебной дисциплины она превращается в источник экспликации различных педагогических проблем, становится инновационной в разъяснении современных тенденций развития педагогической теории, делается более значимой для развития педагогического мышления будущего учителя.

Научность теории педагогики становится для студентов неоспоримой с точки зрения веков ее создания и развития, ибо наука – это специфическая сфера человеческой деятельности, функцией которой является получение и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности [8; С. 112].

Знакомство с мировым педагогическим наследием способствует решению следующих задач:

– формированию представлений о предпосылках, условиях, факторах, движущих силах и тенденциях развития всемирного историко-педагогического процесса, о его единстве и многообразии, а также об источниках и методах изучения и понимания педагогических феноменов прошлого;

– обогащению имеющихся представлений о сущности, возможностях и границах образования, о различных путях и средствах его осуществления, о степени и условиях его эффективности, о различных трактовках природы педагогического знания, о способах постановки и решения проблем воспитания и обучения новых поколений в различные исторические эпохи у разных народов;

– созданию условий для активного включения будущих педагогов в процесс осознанного формирования ценностных ориентаций в образовательно-профессиональной области, выработки у студентов системы педагогических ценностей, умения сознательно ориентироваться в многообразных подходах к постановке целей и организации образования, идентифицировать их с конкретными педагогическими

традициями, соотносить с различными представлениями о природе человека, общества, познания, с нравственными императивами и эстетическими идеалами [9; С. 3].

Методика реализации педагогических теорий логически продолжает цикл изучения педагогических явлений и отвечает на вопрос «как реализовать теоретические идеи на практике?».

Согласно «Педагогическому энциклопедическому словарю», методика учебного предмета – это частная дидактика, теория обучения определенному учебному предмету. На основе изучения разных форм взаимодействия преподавания и учения в обучении конкретному учебному предмету методика учебного предмета разрабатывает и предлагает преподавателю определенные системы обучающих воздействий. Эти системы воплощаются в содержании образования, раскрываемом в программах и учебниках; реализуются в методах, средствах и организационных формах обучения [10; С. 141].

Забегая вперед, следует сказать о межпредметных и внутрипредметных связях. Методика учебного предмета тесно связана с дидактикой и опирается на ее общие положения. Основываясь на принципах воспитания, методика раскрывает цели обучения предмету, его значение для развития личности школьника. Для разработки эффективной системы педагогического воздействия методика учебного предмета опирается на данные педагогической психологии, физиологии высшей нервной деятельности, логики, кибернетики (особенно при разработке элементов программированного обучения). При обосновании системы школьного курса используются знания по логике и истории науки, науковедению.

Педагогическая техника (форма организации поведения учителя) и педагогическая технология «пронизывают» все практические занятия и готовят будущего педагога к взаимодействию с обучающимися, их родителями, коллегами в различных ситуациях.

Конкретность и множественность способов действия описываются в методике и технологии, программа же по технологии обучения будущих педагогов должна содержать свернутую информацию о нормативных процедурах управления учебным процессом студентов. Мы согласны с мнением М.М. Левиной, что именно об управлении, научении способам, методикам и о их научном обосновании должна идти речь [11; С. 46]. В действительности методические учебные программы, заменяющие технологические карты обучения, выступают главным образом в аспекте обучения будущих педагогов грамотной передаче предметного знания, что важно, но в них не прослеживается психолого-педагогическая задача управления учебной деятельностью в целях развития учащихся.

Технология обучения будущих педагогов должна быть основана на принципах детерминизма и развития, ориентировать на последовательное, поэтапное включение студентов в профессиональную деятельность, способствовать процессу перевода студента из объекта педагогического воздействия в субъективную позицию, замене управления извне на самоуправление.

Завершая рассматривать предложенный в начале настоящей статьи вариант внутридисциплинарной интеграции педагогических дисциплин, особо скажем о педагогической практике. Педагогическая практика является одним из важнейших звеньев профессиональной подготовки будущего учителя, формирования таких его индивидуальных творческих возможностей, которые позволили бы ему в дальнейшем успешно осуществлять учебно-воспитательную работу с учащимися в современных учебных заведениях различного типа. Она выступает связующим звеном между теоретической и практической подготовкой студентов, важнейшим условием повышения качества их обучения и предпосылкой успешного формирования профессионально-педагогических умений и навыков.

М.М. Левина считает, что в современных условиях профессионального педагогического

образования необходима единая программа по руководству студентами во время педагогической практики. Она придерживается той точки зрения, что центральным разделом этой программы должно стать обучение студентов управлению учебной деятельностью на уроке. В этой связи в программе предлагается предусмотреть [11; С. 46-47]:

– анализ многофункциональности педагогического процесса;

– обучение коммуникативным связям;

– техническое оснащение педагогического процесса;

– логический и семантический анализ процесса обучения;

– изучение уровней организации учебного процесса;

– выявление факторов, благоприятствующих и блокирующих развитие учебного процесса;

– изучение процесса обучения как информационного процесса;

– проблемы прогнозирования (проектирования и планирования) урока;

– способы педагогической интерпретации полученных результатов в свете проблемы эффективности;

– ознакомление студентов с диагностическими методиками;

– решение задач адаптации педагогического управления к персонализированным условиям обучения;

– изучение проблем педагогической инженерии, ориентированных на конкретные цели и условия;

– различные стратегии и тактики обучения и многие другие вопросы.

Сложившаяся в педагогических вузах система педагогической практики в средних общеобразовательных заведениях убедительно доказала свою надежность, обеспечивая довольно высокий уровень профессионально-педагогической подготовки будущих учителей. Различные виды педагогической практики (психолого-педагогическая, в летних воспитательно-оздоровительных лагерях, преддипломная, общественная, творческая и др.), обеспечивая последовательность в ее содержании, смену и усложнение видов деятельности будущих учителей, направлены на формирование у них конкретных профессионально-педагогических умений и навыков.

В целом система организации педагогической практики позволяет ввести будущих педагогов в научно-методическую лабораторию учителя и помогает им овладеть опытом профессионально-педагогической деятельности, решить комплекс педагогических задач: аналитико-рефлексивных, конструктивно-прогностических, организационно-деятельностных, оценочно-информационных, корректионно-регулирующих.

К сказанному следует добавить следующее: чтобы сформировать у будущих учителей современное профессиональное мышление, обучать их следует не столько методике, сколько методологии решения педагогических задач. Методологические знания – надежный инструмент теоретической и практико-преобразующей деятельности учителя, позволяющий самостоятельно ориентироваться в сложнейших и динамично развивающихся процессах модернизации образования. Даже самая продвинутая методическая и техническая выучка не избавляет учителя от необходимости владеть методологией целостного педагогического процесса, его закономерностями, движущими силами, т.е. всем тем, что дает ключ к принятию профессионально обоснованных, нестандартных и новаторских решений.

Таким образом, внутридисциплинарная логика изучения педагогических дисциплин может быть предусмотрена (по возможности) при изучении каждого перечня научных дисциплин (в нашем случае «истории – теории – методики и технологии – практики»), она способствует реализации поставленной цели – качественно повысить уровень педагогической подготовки будущего учителя, сочетая теоретическое и методическое обучение с разнообразными видами практики – от педагогической в учебно-воспитательном учреждении до прак-

тики общественной и творческой деятельности.

Следует обратить особое внимание на типы и способы междисциплинарных (межпредметных) связей как педагогическое средство обобщения и систематизации знаний.

Однако прежде вновь обратимся к «Педагогическому энциклопедическому словарю» и раскроем сущность понятия «межпредметные связи в обучении».

Межпредметные связи в обучении «отражают комплексный подход к воспитанию и обучению, позволяют вычленить как главные элементы содержания образования, так и взаимосвязи между предметами. Межпредметные связи формируют конкретные знания учащихся, раскрывают гносеологические проблемы, без которых невозможно системное усвоение основ наук. Межпредметные связи включают учащихся в оперирование познавательными методами, имеющими общенаучный характер (абстрагирование, моделирование, аналогия, обобщение и пр.). Организация учебно-воспитательного процесса на основе межпредметных связей может касаться отдельных уроков (чаще обобщающих), темы, подчиненной решению межпредметной проблемы, нескольких тем различных курсов, целого цикла учебных предметов или устанавливать взаимосвязь между циклами» [9; С. 140]. По типам межпредметные связи могут быть представлены следующим образом: по содержанию изучаемого материала, по формируемым умениям и навыкам, по методам и средствам обучения, воспитания, развития. В.А. Скакун считает, что каждому из названных типов соответствуют способы междисциплинарных связей. Соглашаясь с этим утверждением, представим их в последовательности, предложенной автором [12; С. 19].

По содержанию изучаемого материала

1. Использование знаний студентов по другим учебным дисциплинам, их практического и жизненного опыта для более глубокого усвоения знаний по данному предмету.

2. Единство законов и теорий, применяемых для объяснения аналогичных явлений, процессов, изучаемых в разных учебных дисциплинах.

3. Единство трактовок аналогичных понятий, явлений, процессов, изучаемых в разных учебных дисциплинах.

4. Рациональный отбор изучаемого материала разных учебных дисциплин в зависимости от значимости его в системе знаний и умений будущих учителей по учебной дисциплине.

5. Комплексное применение знаний и умений студентами, усвоенных ими при изучении разных учебных дисциплин.

По формируемым умениям и навыкам

1. Координация способов обучения студентов умению планировать свою профессиональную педагогическую деятельность.

2. Согласование приемов формирования интеллектуальных умений: аргументированность ответов, умение анализировать, сопоставлять, делать выводы и др.

3. Единство подходов к формированию практических умений и навыков: использования средств обучения (натуральных объектов, изображений и отображений, описаний предметов и явлений, технических средств обучения и т.п.).

4. Согласование приемов и способов обучения работе с основной и вспомогательной литературой.

По методам и средствам обучения, воспитания, развития

1. Координация методов и методических приемов учебной работы, применяемых преподавателями разных учебных дисциплин.

2. Координация средств обучения и способов их применения при изучении разных учебных дисциплин.

3. Координация методов и средств развития познавательной активности и самостоятельности при изучении разных учебных дисциплин.

4. Единство педагогических требований к студентам со стороны всех преподавателей различных учебных дисциплин учреждения.

5. Единство использования коллективных, групповых и индивидуальных форм обучения, воспитания и развития будущих учителей педагогами разных учебных дисциплин.

Важную роль в интегративных процессах в отборе содержательного образования имеет межнаучный, в нашем случае частично-научный тип интеграции знаний будущего педагога.

Очевидно, что данная работа должна осуществляться совместными усилиями всего профессорско-преподавательского состава высшего учебного учреждения. В настоящей статье назовем лишь возможные формы и методы частично-научной интеграции – процесса, ведущего к состоянию связанности отдельных частей, к их сближению в единое целое. Это:

– проведение открытых показательных учебных занятий по разным учебным дисциплинам опытными педагогами высшей школы;

– описание опыта работы профессорско-преподавательским составом в методических разработках;

– разработка и введение в учебный процесс высшей школы новых спецкурсов, через которые будет осуществляться частично-научная интеграция знаний с целью подготовки будущих учителей;

– демонстрация успешной организации работы преподавателей разных учебных дисциплин в опорных общеобразовательных учреждениях в регионе;

– организация научной и методической работы в учебном заведении преподавателей разных учебных дисциплин по единой педагогической теме;

– педагогические консультации; педагогическое наставничество и др.;

– педагогические чтения; учебно-методические и научно-практические конференции; проблемные семинары; школы передового опыта и др.;

– методические выставки; смотры-конкурсы учебных и учебно-методических кабинетов, лабораторий, учебных мастерских и т.п.

Пределов в содержании профессиональной педагогической деятельности не существует (не случайно педагогика рассматривается и как наука, и как искусство), поэтому следует признать проблему интеграции как системообразующую идею в рамках преподавания педагогических дисциплин, интеграцию междисциплинарного и частично-научного содержания образования в условиях развития высшего профессионального образования.

Мы считаем, что интегративная система способствует решению вопросов повышения качества непрерывного профессионального образования, получению системного, глубокого гуманистического образования, на основе которого будущий педагог способен понимать и решать комплексные профессиональные задачи.

Готовность специалиста к профессиональной деятельности заключается в усвоении им полного состава специальных знаний, профессиональных действий и социальных отношений, в сформированности и зрелости профессионально значимых качеств личности. Профессиональная квалификация заключается в умении прогнозировать цели и результат педагогического влияния, в прогнозировании информационных моделей и принятии самостоятельных решений. Владеть педагогической специальностью означает иметь многокомпонентный состав интегрированных профессиональных знаний и умений, обеспечивающий осознание волевых решений, выполнение творческих действий по информационному конструированию процесса обучения и моделированию коммуникативных связей; умение проводить логический анализ учебного материала, проводить его информационное структурирование, интеграцию межпредметных связей, определять вербально-графическую структуру учебной информации, развивать активность и самостоятельность учебных действий учащихся.

Рассмотренная в настоящей статье проблема интеграции содержания педагогических дисциплин в высшем профессиональном педагогическом образовании может являться одним из условий развития и саморазвития личности,

для постоянного всестороннего ее самосовершенствования; способствовать реализации главной установки гуманистического педагогического взаимодействия: высшая цель – человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рекомендации совещания «Научно-методическое обеспечение реализации приоритетных направлений развития образовательной системы Российской Федерации» // Народное образование. – 2005. – № 5. – С. 272-274.

2. Просветова Т.С. Компетентностный подход как методологическая составляющая профессиональной подготовки / Т.С. Просветова // Профессиональная подготовка учительства: история, теория, практика: труды Всероссийской научно-практической конференции (26-27 января 2006 г.). – Пенза: ПГПУ, 2006. – 460 с.

3. Краевский В.В. Общие основы педагогики / В.В. Краевский. – М.: Академия, 2003. – 256 с.

4. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58-64.

5. Энциклопедия профессионального образования: в 3-х томах / Под ред. С.Я. Батышева. – М.: АПО, 1998. – Т. 1. А-Л. – 568 с.

6. Стефановская Т.А. Педагогика и лингводидактика: авторская программа экспериментального интегрированного курса / Т.А. Стефановская, Э.И. Попова. – Иркутск: Наука, 1998. – 158 с.

7. Стефановская, Т.А. Технология обучения педагогике в вузе / Т.А. Стефановская. – М.: Высшая школа, 2000. – 264 с.

8. Энциклопедия профессионального образования: в 3-х томах / Под ред. С.Я. Батышева. – М.: АПО, 1999. – Т. 2. М-П. – 440 с.

9. История образования и педагогической мысли: учебно-методический комплекс / Авторы-сост.: С.В. Сергеева, О.А. Воскрекасенко, О.В. Дунаева / Под ред. В.В. Полукарова. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2003. – 115 с.

10. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 528 с.

11. Левина М.М. Технологии профессионального педагогического образования / М.М. Левина. – М.: Академия, 2001. – 272 с.

12. Скакун В.А. Методика преподавания специальных и общетехнических предметов / В.А. Скакун. – М.: Академия, 2005. – 128 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Сергеева Светлана Васильевна, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии высшей школы, Пензенская государственная технологическая академия

Научные интересы: философия и история образования; методология педагогики; подготовка, переподготовка и повышение квалификации в учреждениях непрерывного профессионального образования

Sergeyeva Svetlana, Doctor of Education, professor of Pedagogics and Psychology Department of Higher School, Penza state Technological Academy

Scientific interests: philosophy and history of education, pedagogics methodolgy, training, retraining in institutions of continuing professional education

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 152.22

Н.М. Сараева
N. Sarayeva

СНИЖЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ НА ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

DECREASE IN MENTAL ACTIVITY OF CHILDREN IN ENVIRONMENTALLY VULNERABLE TERRAINS OF TRANS-BAIKAL TERRITORY

Рассматриваются вопросы влияния экологически неблагополучной жизненной среды на психическую активность детей. По параметрам психологического статуса выявлена тенденция к снижению психической активности детей, проживающих на территориях экологического неблагополучия

The questions of influence of ecologically vulnerable environment on children's mental activity are investigated in this article. In accordance with parameters of psychological status a tendency to decrease of mental activity of children living in environmentally vulnerable terrains is identified

Ключевые слова: *психическая активность, психологический статус, влияние экологического неблагополучия*

Key words: *mental activity, psychological status, influence of ecological trouble*

В условиях глобального экологического кризиса актуализируется проблема сохранения физических и психических возможностей человека, составляющих, по большому счету, основной ресурс развития любой страны, основу и гарантию ее социальной безопасности. Утрата или ослабление этих возможностей происходит не только в результате мощного «разового» поражения человека средовыми факторами экстремального характера во время природных или техногенных катастроф. Более 60 % населения России [4] проживает в регионах экологического неблагополучия, где естественные и антропогенные «загрязнения» (загрязнитель (вредный агент) – токсичное, вредное или опасное вещество. Любой фактор: физический агент, химическое вещество или биологический вид, способный причинить вред здоровью людей или окружающей среде (http://www.znay.ru/dictionary-/0547.shtml), не являясь по своей интенсивности экстремальным, настолько серьезен, что приводит к деформации природной (физической) среды, которая составляет вместе с социальными условиями жизненную среду человека [9]. Последствия длительного воздействия на человека деформированной природной (физической) среды на территориях, экологи-

ческое неблагополучие которых связано с природно-климатическими условиями и профилем хозяйственной деятельности, нуждаются в специальном анализе.

Особенно подвержена влиянию экологически неблагополучной среды психика детей: психические функции в детском возрасте переживают период интенсивного формирования, будучи особенно сенситивными к воздействиям извне. Детское население в регионах (или на отдельных их территориях) экологического неблагополучия оказывается в условиях повышенного риска.

Однако на сегодняшний день в достаточной мере разработаны лишь медико-биологические аспекты данной проблемы, на указанных территориях осуществлен анализ отклонений в здоровье детей и взрослых, в том числе психическом [3; С. 5]. Психологических работ, в которых специально исследуются особенности психической активности (в границах нормального развития), характерных для жителей территорий экологического неблагополучия, явно недостаточно. Выполнены исследования влияния на отдельные психические процессы, состояния человека отдельных вредных агентов физической среды: в первую очередь, больших и малых доз радиации различного генеза [2; С. 6], сложных химических соединений [12], других «загрязнителей». Однако вопросы воздействия на целостную психику человека экологически неблагополучной жизненной среды (в единстве ее природной и социальной составляющих) остаются, как правило, за рамками исследований. Преимущественно монофакторный подход к изучению негативных влияний экологического неблагополучия на психику человека (оправданный задачами конкретных исследований), реализуемый нередко без учета социальной опосредованности этих влияний и возможности их социальной компенсации, приводит к раздробленности, нередко – к противоречивости известных фактов о сути и последствиях таких влияний. Сам факт влияния эмпирически фиксируется, иногда с оговорками. Но факторы, «мишени» такого влияния, степень влияния и, соответственно, последствия представляются исследователями по-разному [7; 13; 14].

Необходимо рассмотреть комплексное воздействие на целостную психику человека экологически неблагополучной жизненной среды, что требует уточнения экспликации психики как объекта экопсихологического исследования. Мы рассматриваем психику не как самостоятельный объект исследования, а во-первых, опираясь на идеи А.Н. Леонтьева [8], как подсистему организации целостного человека, реализующего на психологическом и социальном уровнях этой организации (неразрывно связанных с биологическим уровнем) разные отношения со средой; и далее, как компонент системы «человек – среда (природная и социальная)».

Представление психики, как подсистемы в системе «человек-среда», заставляет признать неизбежность изменения ее состояния вследствие экологической деформации жизненной среды. Психика как подсистема, неразрывно связанная с биологическим уровнем организации целостного человека, и одновременно в качестве таковой, единая со средой, природной и социальной, должна закономерно изменяться вслед за деформацией среды природной.

Выявить названные изменения психики в результате влияния экологического неблагополучия возможно лишь по состоянию психической активности человека, ибо другой формы реализации психической сущности человека не существует.

Психическая активность – это и есть состояние психики во взаимодействии со средой. Для фиксации этого состояния мы используем понятие «психологический статус», трактуя его как характеристику системы «человек – жизненная среда». Психологический статус – это интегральная характеристика уровня психической активности человека в данный период в ее соотношении с конкретными факторами жизненной среды. «Интегральная» в том смысле, что она объединяет, «суммирует»

разные проявления психики, с одной стороны, и особенности жизненной среды, с другой.

В Лаборатории региональных исследований психики ЗабГГПУ под руководством автора в течение ряда лет изучается психологический статус детей, родившихся и живущих на экологически неблагополучных территориях Забайкальского края (в работе принимали участие преподаватели ЗабГГПУ Н.М. Дьячкова, Т.И. Ежевская, А.А. Суханов, О.П. Михайлова, М.В. Можаева, а также студенты психологического факультета). Проживание и деятельность человека здесь требуют повышенных энергозатрат, напряжения адаптивных систем. По уровню индекса потенциальной жизнеспособности Забайкалье относят к регионам с наиболее низким показателем [1]. Медицинские исследования фиксируют, что в условиях экологического неблагополучия у детей происходит нарушение энергетического метаболизма, падение энергообразования, что влечет за собой изменения в основных системах организма человека: кардиореспираторной, иммунной, эндокринной и нервной [11].

Психика, формирующаяся на такой ослабленной биологической базе, может (должна) иметь сниженные параметры функционирования. В условиях экологического неблагополучия уровень активации психической деятельности недостаточен из-за того, что биологический базис «оттягивает» на себя большее количество энергии, необходимое для поддержания жизни и адаптации человека в деформированной среде. Происходит то, что А.В. Семенович назвала «энергетическим обкрадыванием» психической деятельности [10].

Наши эмпирические исследования были проведены на различных по степени экологического «загрязнения» и социальным условиям территориях Забайкальского края. «Загрязненные» территории: города Чита (краевой центр), Балей (районный центр), села Балейского района); «чистые территории»: поселок Красный Чикой (районный центр), села Красночикойского района, а также г. Дивногорск Красноярского края.

В статье представлены результаты основного этапа исследования, выборку которого составили 825 младших школьников. Основным методом исследования было тестирование. Для оценки достоверности различий между показателями выборок применялся критерий φ* – угловое преобразование Фишера.

Установлено, что в результате хронического влияния деформированной» природной (физической) среды – компонента жизненной среды – возникает тенденция к общему снижению психической активности детей, родившихся и проживающих на территориях экологического неблагополучия. Это проявляется в смещении разноуровневых параметров психологического статуса детей с границ так называемой «средней» нормы на нижненормативные диапазоны (в границы показателей «сниженной нормы», «ниже среднего уровня», «слабые», «пограничные»).

В качестве основных параметров психологического статуса человека были выделены:

1) умственная работоспособность, выступающая как интегральная характеристика общей активации психической деятельности и представляющая первый (психофизиологический) уровень психологического статуса;

2) актуальное развитие интеллекта как системного образования, обеспечивающего внутрипсихическую интеграцию и связи со средой, адаптацию к ней и представляющего второй (промежуточный) уровень психологического статуса;

3) некоторые личностные (эмоционально-личностные) свойства, представляющие высший уровень психологического статуса.

Наиболее отчетливо названная тенденция проявляется в снижении показателей умственной работоспособности. По большому числу характеристик памяти, внимания, утомляемости полушарий мозга, межполушарному переносу информации установлено, что практически все показатели умственной работоспособности детей, проживающих на экологически неблагополучных территориях, ниже, чем у их сверстников, проживающих на эколо-

гически благополучных территориях. Отличия значимы в диапазоне $p < 0,001$; $p < 0,07$ по разным методикам. У детей, проживающих в условиях экологического неблагополучия, чаще наблюдается истощаемость психической активности, сужение и значительные колебания объема перерабатываемой информации, трудности включения в деятельность, снижение скорости и точности выполнения заданий, уровня произвольной регуляции деятельности и другие проявления названной тенденции.

Она проявляется и в таком параметре психологического статуса, как актуальное развитие интеллекта. Показатели развития интеллекта детей, проживающих на территориях экологического неблагополучия, снижены по сравнению с показателями интеллектуального развития детей, проживающих на «чистых» территориях. Отличия значимы в диапазоне $p < 0,001$; $p < 0,06$. Анализ значений усредненных профилей структуры интеллекта детей, живущих на отличающихся по условиям жизненной среды территориях, показал, что с увеличением степени «загрязнения» природной (физической) среды территорий снижаются показатели развития интеллекта детей. На экологически неблагополучных территориях, независимо от их социального статуса (особенно в городе экологического кризиса Балей), эти показатели смещаются к нижним границам нормы, в ряде субтестов выходя за ее пределы, то есть представляют собой проявление сниженной нормы развития интеллекта.

На личностном (высшем) уровне психологического статуса тенденция обнаружена в некоторых эмоционально-личностных свойствах детей – коренных жителей экологически неблагополучных территорий. Выявлены значимые отличия в показателях полярных – высокого и пониженного – уровней тревожности детей, проживающих на отличающихся по экологическим условиям территориях, в пользу жителей «чистой» территории. Зафиксировано, что при общем положительном эмоциональном фоне жизнедеятельности, независимо от места проживания, у детей, живущих в условиях экологического неблагополучия жизненной среды, знак эмоционального фона смещен к отрицательному полюсу, что позволяет говорить об ослаблении активных форм жизнедеятельности, особом (энергосберегающем) характере адаптационных процессов.

Установлена асимметрия в показателях усредненных личностных профилей детей, проживающих на экологически неблагополучных территориях. Частью значений профили жителей «загрязненных» территорий смещены вниз относительно профиля жителей «чистых» территорий. Нельзя сказать, что эта тенденция резкая и заявляет о себе какими-то выраженными «падениями» показателей, выводящими детей за грань нормы. Показатели детей остаются в нормативных границах, но смещаются к нижнему пределу нормы.

По ряду тестовых показателей установить ожидаемую взаимосвязь соответствующих личностных характеристик именно с экологическим «загрязнением» среды не удалось. Однако в усредненном личностном профиле детей, проживающих в условиях экологического неблагополучия, выделен эмоционально-личностный комплекс, который свидетельствует о сниженном уровне психической активности и на этом уровне психологического статуса. Сниженные значения ряда факторов (открытости/закрытости, развития интеллекта, независимости, стремления к самоутверждению/зависимости) в сочетании с фактором, отражающим меньшую энергичность, активность детей, проживающих на экологически неблагополучных территориях, образуют ядро личностных черт в их усредненном профиле. Именно в этих характеристиках дети, живущие на различных территориях экологического неблагополучия, сходны между собой и именно по этим характеристикам они отличаются от детей – жителей «чистой» территории. Именно показатели названных факторов снижаются по мере увеличения степени «загрязнения» физической среды территории.

В эмоционально-личностной сфере отличие статуса детей, проживающих на «за-

грязненных» территориях, от статуса жителей «чистых» территорий, состоит не столько в содержательных, сколько в динамических (активационных) характеристиках личностных черт. У первой категории детей эмоционально-личностные черты отличаются не «качественно» (они такие же), но по-другому проявляются – с меньшей степенью энергичности, интенсивности.

Установлено, что наиболее отчетливо тенденция к снижению параметров психологического статуса детей в условиях экологического неблагополучия проявляет себя в показателях, отклоняющихся от нормы, или в «крайних» показателях нормы. На «загрязненных» территориях значительно больше детей с «патологическими» показателями выполнения заданий, уровнем «пограничной», «слабой» нормы и намного меньше детей с показателями высокого уровня психической деятельности.

Показано, что хотя названная тенденция на разных уровнях психологического статуса проявляется с разной степенью отчетливости (в умственной работоспособности совершенно явно, в показателях развития интеллекта – более «зашумленно», не столь открыто, в эмоционально-личностных характеристиках – наиболее сложно), она обнаруживает себя при изучении различных аспектов, характеристик психологического статуса, при применении разных методов изучения. Наконец, она обнаруживается в психологическом статусе детей, проживающих на экологически неблагополучных территориях различного социального статуса.

Социальная среда региона экологического неблагополучия может компенсировать негативные влияния среды физической, но при значительной степени «загрязненности» природной (физической) среды социальные воздействия оказываются недостаточными для полной компенсации ее влияний.

В системной детерминации психологического статуса людей, проживающих на территориях с экологически неблагополучной жизненной средой, существует следующая особенность: при значительном «загрязнении» природной (физической) среды территории в соотношении природного и социального факторов, обусловливающих психологический статус людей на территориях экологического неблагополучия, усиливается роль и значение влияний природного фактора.

В сниженных показателях, составляющих параметры психологического статуса коренного жителя территорий экологического неблагополучия, необходимо видеть позитивное проявление адаптационных процессов. Эти сниженные показатели есть вариант региональной нормы, позволяющей человеку пусть и не в самых оптимальных пределах, но адаптироваться к исходно неадекватным условиям среды. Такова цена (в том числе энергетическая) психологической адаптации людей на данных территориях.

Таким образом, исследование показало, что в результате хронического воздействия на психику детей экологически неблагополучной жизненной среды возникает тенденция к общему снижению их психической активности. В связи с этим необходима смена педагогической парадигмы по отношению к детям, родившимся и проживающим в условиях влияния экологически неблагополучной жизненной среды и имеющим сниженные показатели психологического статуса. На территориях экологического неблагополучия требуется установление соответствия предлагаемых образовательных программ и технологий (особенно инновационных) возможностям усвоения детей с целью соблюдения принципов экологосообразности и здоровьесбережения в обучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджанян Н.А. Адаптация, экология и здоровье населения различных этнических групп Восточного Забайкалья: Научное издание / Н.А. Агаджанян, Н.Г. Гомбоева. – Новосибирск: СО РАН; Чита: ЗабГПУ, 2005. – 152 с.

2. Базылевич Т.Ф. Структуры индивидуальных свойств личности и влияние радиацион-

ных факторов в процессе адаптации / Т.Ф. Базылевич и др. // Чернобыльский след: психологические последствия Чернобыльской катастрофы. – М.: МГП «ВОТУМ - Ψ», 1992. – С. 148-153.

3. Вельтищев Ю.Е. Экология и здоровье детей. Химическая экопатология / Ю.Е. Вельтищев, В.В. Фокеева. – М.: Медицина, 1996. – 57 с.

4. Гичев Ю.П. Загрязнение окружающей среды и здоровье человека (печальный опыт России) / Ю.П. Гичев. – Новосибирск: СО РАМН, 2002. – 230 с.

5. Говорин Н.В. Состояние нервно-психического здоровья детей и подростков, проживающих в экологически неблагоприятном регионе восточного Забайкалья / Н.В. Говорин, И.А. Зимина и др. // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2003. – № 1 (27). – С. 61-63.

6. Григорьев С.И. Профессиональный психолог в регионе экологического неблагополучия / С.И. Григорьев, Л.Д. Демина. – Барнаул, 1995. – 288 с.

7. Екимова В.И. Особенности психического развития школьников в условиях экологического неблагополучия [электронный ресурс]: дисс. д-ра психол. наук по специальности 19.00.13 / В.И. Екимова. – М.: РГБ, 2003. – 281 с.

8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

9. Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии / В.И. Панов. – М.: Наука, 2004. – 197 с.

10. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учебное пособие / А.В. Семенович. – М.: Генезис, 2005. – 319 с.

11. Сердцев М.И. Экология, метаболизм, здоровье / М.И. Сердцев. – Чита: ЗабГПУ, 1996. – 161 с.

12. Терещенко Э.В. Психологическая оценка влияния эколого-химических факторов на личностно-характерологические особенности подростков: автореф. дисс…канд. психол. наук по специальности 19.00.01 / Э.В. Терещенко. – Ставрополь, 2002. – 21 с.

13. Хащенко Н.Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях (Чернобыльский след): автореф. дисс…канд. психол. наук: 19.00.05 / Н.Н. Хащенко. – М.: Институт психологии РАН, 2002. – 16 с.

14. Хомская Е.Д. Анализ последствий Чернобыльской катастрофы с позиций экологической нейропсихологии / Е.Д. Хомская // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 6. – С. 84-95.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Сараева Надежда Михайловна, к. психол. н., доцент, профессор кафедры общей и практической психологии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ), saraiewa@mail.ru

Sarayeva Nadezhda, Candidate of Psychology, professor of General and Practical Psychology Department, *Tchernyshevskiy Transbaikalian State Pedagogical University of Humanities (TransSPUH)*, saraiewa@mail.ru

Научные интересы: экологическая психология, психология кризисных состояний

Scientific interests: ecological psychology, psychology of crisis conditions

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 820

Д.Н. Жаткин
D. Zhatkin

ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА РУССКИМИ ПЕРЕВОДЧИКАМИ IX-НАЧАЛА XX ВВ.

PERSEPTION SELECTIVITY OF ENGLISH ROMANTICISM ARTISTIC HERITAGE BY RUSSIAN TRANSLATORS OF IX – EARLY XX CENTURIES

Рассмотрена специфика восприятия русскими переводчиками художественного наследия английского романтизма. Отмечается, что многие английские авторы, являясь создателями произведений различных жанров, становились известны в России только в одном качестве (например, Р. Саути представал автором произведений в жанре готической баллады). Выявлены основные тенденции трансформации прижизненной славы Т. Мура и В. Скотта в России, заключающиеся в сужении восприятия их многообразного творческого наследия

The article considers the specific character of English romanticism artistic heritage apprehending by Russian translators. In many cases the English authors, whose creative activity varied in genres, became famous in Russia in just one quality (e.g. R. Sauthy was shown as the author of works in the genre of Gothic ballad). Main tendencies of changing lifetime fame of T. Moore and V. Scotte in Russia are determined, it consists in perception limitation of their multiform oeuvre

Ключевые слова: *английский романтизм, международные литературные связи, художественный перевод, литературная традиция, реминисценция*

Key words: *English romanticism, international literary connections, artistic translation, literary tradition, reminiscence*

Говоря о богатстве художественного наследия английского романтизма, следует обратить внимание на тенденции восприятия произведений английских авторов русскими переводчиками XIX в. В этой связи можно выделить три значимых аспекта проблемы:

1) традиционно узкое восприятие наследия английского писателя в России;

2) обусловленная прижизненной славой широкая известность многих произведений английского писателя в России в короткий промежуток времени;

3) трансформированное восприятие английского писателя, обретающего в России известность в несколько ином качестве, нежели у себя на Родине.

Крупный английский поэт Роберт Саути,

являвшийся автором поэм на сюжеты из мировой истории, индийской и арабской мифологии «Жанна д'Арк», «Талаба-разрушитель», «Родерик, последний из готов», «Проклятие Кехамы», жизнеописания «Жизнь Нельсона» и многих других произведений, стал известен в России исключительно как балладник. В отличие от его великих современников Дж.Г. Байрона и Дж. Китса, отдельные аспекты восприятия творчества которых обусловливались общественной ситуацией, развитием гуманистической мысли и представлений об эстетическом идеале, Р. Саути воспринимался в России в сугубо филологическом контексте, связанном с рецепцией традиций западноевропейской баллады. Символично, что ранними переводчиками (особенно В.А. Жуковским) были востребованы не эпические, а лирико-драматические баллады Саути, причем те из них, что имели прочную связь с клерикальной средневековой литературой, католическими суевериями.

Баллады Р. Саути, продолжившие традиции англо-шотландской народной баллады, сосредоточивали внимание на одном, как правило, трагическом событии, не раскрывая до конца причин всего происходящего, придавая описанию элементы таинственности. Многие баллады Р. Саути, привлекшие внимание русских переводчиков, отличаются особой жестокостью, граничащей с нарушением морально-этических норм. Так, в переведенной Н.С. Гумилевым балладе «Предостережение хирурга», ученики хирурга извлекают захороненное тело своего учителя и используют его для анатомических нужд [подробнее см.: 1; С. 74 – 78].

В балладе «Св. Ромуальд», впервые переведенной для русского читателя Вс.А. Рождественским, привлеченным Н.С. Гумилевым к подготовке в издательстве «Всемирная литература» сборника «Баллады Роберта Саути», поселяне убивают Святого Ромуальда, желая заполучить для себя его священные мощи и гордиться ими. Святой Ромуальд был реальным лицом средневековой истории, основавшим в 1010 г. монастырь Камальдоли в горах, близ Ареццо; он являлся сторонником аскетизма, строгих постов, обетов молчания, практики ночного чтения Литургии часов, умерщвления плоти, ношения власяницы.

Вс.А. Рождественский, знакомя российского читателя с готической, гиньольской балладой английского поэта, не только не смягчал красок, но даже, напротив, усиливал преувеличения, ср.: «…he always used to wear a shirt // For thirty days, all seasons, day and night… // And then he only hung it out in the rain, // And put it on again» [2; P. 166] [...он всегда привык носить рубашку // В течение тридцати дней, во все времена года, днем и ночью... // И потом он только вешал ее под дождь, // И одевал снова] – «И днем, и ночью, целые года // Носил одну рубашку, а когда // Придет ей срок, не рвал ее, но прежде // Давал под дождиком ей полежать // И надевал опять» [2; С. 167].

В описании сражений Св. Ромуальда с нечистой силой Рождественский сохраняет повтор, но для большей выразительности также использует инверсию: «For Satan used to maul him like a Turk… // The Devil spitting fire with might and main // Enough to make St.Michael half afraid; // He <St.Romuald> splashing holy water till he made // His red hide hiss again, // And the hot vapour fill'd the smoking cell. // This was so common that his face became // All black and yellow with brimstone flame, // And then he smelt,… O Lord! how he did smell!» [2, p. 168] [Ибо Сатана привык терзать его, как турка... // Дьявол плевался огнем с мощью и силой // Достаточной, чтобы напугать Св. Михаила наполовину; // Он <Св. Ромуальд> брызгал святой водой, пока он не заставлял // Его красную кожу шипеть снова, // И горячий пар наполнял дымящуюся келью. // Это было таким обычным <делом>, что его лицо стало // Все черное и желтое от серного пламени, // И потом он вонял… О боже! как он вонял!] – «...Дьявол старика, // Как турку, бить имел обыкновенье... // Плевался черт и огненной слюной // Мог испугать святого Михаила. // Рука отшельника его кропила, // Шипела кожа под святой водой, // Горячий пар клубился вдоль покоя, // И день за днем от дьявольских огней // Лицо желтее де-

лалось, черней... // И пахнул черт. Зловоние какое!» [2; . С. 169].

Будет неверным считать, что до публикации в 1922 г. баллады «Святой Ромуальд» в переводе Вс.А. Рождественского это произведение Роберта Саути не было знакомо русскому читателю. Намек на знакомство со «Святым Ромуальдом» можно видеть, в частности, в балладе В.А. Жуковского «Доника» (перевод из Р. Саути), где владелец замка (у Саути – the Lord of Arlinkow) назван Ромуальдом.

В свете сказанного привлекает внимание обращение Вс.А. Рождественского к переводу еще одной «страшной» баллады Р. Саути – «Корнелий Агриппа; Баллада о молодом человеке, который читал беззаконные книги, и как он был наказан» («A Ballad of a Young Man That Would Read Unlawful Books, and How He Was Punished», 1798). Вс.А. Рождественский впервые перевел балладу на русский язык, однако задолго до этого она была знакома просвещенным российским читателям. В незавершённой статье «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (январь 1830), являющейся наброском рецензии на исторический роман М.Н. Загоскина, А.С. Пушкин сравнивал русских подражателей Вальтеру Скотту с учеником Агриппы, заимствуя этот образ у Саути: «…подобно ученику Агриппы, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости» [3; Т. 11; С. 92; С. 363].

Немецкий натурфилософ и врач XV в. Генрих Корнелий Агриппа (Агриппа Неттесгеймский) был известен как крупнейший теоретик оккультизма, автор книги «Тайная философия», написанной по-латыни. В этой книге утверждалось, что человек может познать все посредством тайной философии или магии, пользоваться высшими силами для своих целей.

Несмотря на то, что Генрих Корнелий Агриппа слыл магом, на деле он считал необходимым найти в магии свои законы и сделать ее частью физики.

В балладе Саути Корнелий Агриппа, оставляя жене ключ от своего кабинета, просил ее никого не пускать туда в его отсутствии. Однако наивная женщина отдала ключ юноше, который давно мечтал побывать в этом кабинете; начав читать книгу, что Агриппа оставил на столе, он вызвал дьявола, который вырвал сердце из груди юноши. Вс.А. Рождественский точно передавал особенности «жестокого» повествования, существенно отклоняясь от оригинала Саути лишь при описании книги магии: «The letters were written with blood therein, // And the leaves were made of dead men's skin; // And these horrible leaves of magic between // Were the ugliest pictures that ever were seen, // The likeness of things so foul to behold, // That what they were is not fit to be told» [2; P. 150-152] [Буквы были написаны кровью в ней, // И листы были сделаны из кожи мертвецов; // И эти ужасные листы с магией между них // Были самыми безобразными картинами, которые когда-либо видели, // Личины вещей такие скверные, чтобы видеть, // Так что то, что они из себя представляли, не следует рассказывать] – «...Буквы тлели, // Переливались, кровью налиты, // И были кожей мертвецов листы. // На юношу из черной книги магий // Смотрели зорко с выцветшей бумаги // Изображенья для нечистых глаз, // Все мерзости, каких бежит рассказ» [2; С. 151-153].

Следует признать, что на раннем этапе знакомства в России с творчеством Саути имели место и отдельные факты обращения к небалладным текстам английского автора. Так, в апреле – мае 1822 г. Жуковского заинтересовала эпическая поэма Саути «Родрик, последний из готов» («Roderick, the Last of the Goths», 1814), последняя из «больших поэм», вышедшая отдельным изданием в 1814 г. Он перевел 41 стих (моралистический зачин и описание мавританских войск на марше и стоянке). Перевод остался неоконченным, возможно, в силу объема переводимого произведения (около 15000 стихов) или известного мнения Пушкина, считавшего поэму Саути не заслуживающей перевода [см.: 4; С. 123-139]. Соответственно, фрагмент, переведенный Жуковским, не был

опубликован при его жизни; полностью и набело текст был издан лишь в 1979 г. в статье томского исследователя В.М. Костина «Жуковский и Пушкин (К вопросу о восприятии поэмы Р. Саути «Родрик, последний из готов»)». Вероятно, Жуковский собирался продолжать работу над переводом поэмы. Однако Родрик – готский король, «прошедший долгий путь от эгоизма, бесконтрольного удовлетворения своих прихотей к человеколюбию, смирению и патриотическому подвигу, – оказался типологически близок идеалу героя Жуковского, вошел в ряд: Громобой, Иоанна, Бонивар» [5; С. 452] – людей, которые через страдания и ошибки приходят к высшей добродетели. Впоследствии Пушкин интересовался этим переводом Жуковского, и в 1835 г. сам перевел начало «Родрика» Саути, однако со значительными сокращениями, создав имитацию исторического испанского романса из 112 строк «На Испанию родную…», а также параллельно обработал тот же сюжет, предложенный Саути, в черновом стихотворном отрывке «Родриг» («Чудный сон мне бог послал…»).

В отличие от творчества Роберта Саути произведения представителей так называемого «поэтического триумвирата» – Байрона, Томаса Мура и Вальтера Скотта – переводились в России при жизни авторов во всем разнообразии. Однако обращает на себя внимание определенная метаморфоза: если при жизни Скотта широкий интерес вызывали самые разные грани его наследия (в том числе стихотворения, поэмы, многотомные исторические труды «История Шотландии», «Жизнь Наполеона Бонапарта», «Картина Французской революции», драматическая картина «Голидон-Гилль», критические статьи), то для последующих поколений он остается исключительно историческим романистом.

Еще более сложные изменения пережило отношение русских переводчиков и критиков к Томасу Муру. Т. Мур, к тому времени уже зрелый писатель, обрел популярность в России начала 1820-х гг. как автор «восточной повести» «Лалла Рук» и «Ирландских мелодий». Мур воспринимался русским читателем в качестве одного из ярчайших деятелей английского романтизма, в существенной степени повлиявшим на многих деятелей западноевропейских культур и литератур. Осознание общеевропейской и североамериканской (в эпоху английского регентства) известности Томаса Мура, вместе с тем, не сопровождалось видением колоссальности наследия живого классика, поскольку для русской литературной среды подавляющее большинство его сочинений оставались в начале 1820-х гг. незнакомыми либо знакомыми по французским переводам, во многих случаях далеким от совершенства.

К середине 1820-х гг. Мур обретает в России несколько иную известность: о нем начинают говорить как о наиболее близком друге недавно ушедшего Дж.-Г. Байрона, которому были завещаны дневниковые записи и прочие бумаги, имевшие несомненную историко-культурную и литературную ценность. Уничтожение Муром под влиянием обстоятельств завещанных ему рукописей Байрона получило в целом негативную оценку русского общества, вылившуюся не только в частной переписке, но и на страницах периодических изданий. Поправить пошатнувшуюся репутацию Мура помогло лишь издание им в 1830 г. книги «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни» («Letters and journals of Lord Byron with notes of his life»), вызвавшей резонанс в российской литературной среде, долгое время воспринимавшейся в качестве наиболее объективного свидетельства о жизни великого английского поэта Дж.-Г. Байрона.

Поэма Томаса Мура «The Loves of the Angels» («Любовь ангелов»), написанная в 1823 г., получила в России определенную известность, однако суждения критики 1820-1830-х гг. о ней были либо поверхностно-декларативными, либо жесткими, критическими, что можно связывать с настороженностью в оценке поэтических обработок религиозных сюжетов. Предложенная Муром эротическая интерпретация библейских эпизодов представлялась тем более подозрительной, что

только недавно была осуждена духовной цензурой «Гавриилиада» А.С. Пушкина, а публикация эротических сочинений Э. Парни, А. де Виньи и др. приравнивалась к вольнодумству, политическому либерализму. Наконец, в России была запрещена «мистерия» Байрона «Небо и земля» (1822), в которой, по мнению цензора, ощущалось «намерение стихотворца выказать всевышнего несправедливым и жестоким» [6; С. 260].

Мур использовал в своей поэме те же источники, что и Байрон в «мистерии» «Небо и земля». Однако произведения создавались независимо друг от друга в один и тот же период времени по случайному совпадению («accidental coincidence»), на что ирландский поэт указывал в предисловии к «Любви ангелов» [см.: 7; P. 246]. Особо возмущали церковную цензуру описания Муром любовных свиданий ангелов с земными девами, изображение всеобщего разврата в самый канун потопа. Однако подобные описания опирались на вызывавшую теологические споры шестую главу библейской «Книги Бытия», согласно которой сыны божии брали себе в жены наиболее красивых дочерей человеческих; о сынах небес, вожделевших дочерей земли, говорилось и в апокрифической «Книге Еноха», найденной в Эфиопии, и потому, по мнению Байрона, написанной до потопа.

Отдельной книгой в 1827 г. вышел прозаический роман Томаса Мура «The Epicurean» («Эпикуреец»), написанный, впрочем, семью годами ранее, а потому смотревшийся несколько архаично в условиях создания Вальтером Скоттом исторических романов нового типа. В произведении нашел отражение интерес Мура к раннехристианской литературе, средневековой истории Ближнего Востока и Западной Европы. О пристальном внимании автора к многочисленным историческим источникам свидетельствовал тяжеловесный аппарат примечаний, дававший внешнюю гарантию сохранения исторической достоверности описания. Однако в реальности автору не всегда удавалось остаться на уровне современного исторического знания, многие факты, не зафиксированные в источниках, домысливались, причем творческое воображение оказывалось настолько сильным, что сюжет наделялся чертами искусственности, малоправдоподобности. История греческого юноши-эпикурейца Алкифрона, обращенного молодой египетской жрицей, тайной христианкой, в христианскую веру, а затем погибшего, будучи осужденным на каторжные работы, в подземельях пирамид, получила критические оценки в литературных кругах Англии и Франции. В России роман также не имел популярности, хотя перевод первых пяти его глав был осуществлен В. Мальцевым в 1829 г. и тогда же опубликован в № 17-20 «Русского зрителя» [8; С. 105-142]. В. Мальцев внимательно отнесся к поэтическим вкраплениям Мура в прозаический текст, довольно удачно перевел три стихотворных фрагмента. В отличие от В. Мальцева А. Савицкий, осуществивший в 1833 г. полный перевод «Эпикурейца» [9], сделал существенные пропуски, опустил все стихотворения и большую часть примечаний; возможно, это произошло потому, что русский переводчик использовал в своей работе не английский оригинал, а существенно упрощенное издание на французском языке. Вместе с тем, роман читался в Петербурге и на языке оригинала, о чем свидетельствует эпиграф из него на английском языке, помещенный на обложке изданной в 1830 г. книги Д.П. Ознобишина «Селам, или Язык цветов».

Из творца, равного Байрону, Мур в русском читательском восприятии постепенно превратился в писателя – спутника Байрона. Беспрекословное преклонение перед буйным, могучим талантом Байрона, исполненным мятежности и душевной тоски, вызвавшее одно из значимых увлечений русской романтической литературы [см.: 10, С. 61 – 65], сочеталось с сомнениями в правильности творческих исканий Мура: его «восточная повесть» «Лалла Рук» нередко представлялась избыточно, вплоть до неестественности, насыщенной ориентальными мотивами; «Ирландские мело-

дии», отличавшиеся своеобразным этническим колоритом и гражданской позицией автора, во многих случаях казались вычурно изящными, подчиненными мелодической форме.

В 1840-е гг. падение интереса к творчеству Мура могло быть объяснено, помимо прочего, и общей тенденцией утраты поэзией былой привлекательности в глазах читателей. Об этой тенденции размышлял В.Г. Белинский в пространном обзоре «Русская литература в 1843 году»: «Стихотворения нынче мало читаются, но журналы, по уважению к преданию, почитают за необходимое сдабриваться стихотворными продуктами, которых поэтому появляется еще довольно много» [11; Т. VIII; С. 94-95]. Справедливо отмеченное В.Г. Белинским «уважение к преданию» все же побуждало отдельных поэтов, вторя предшественникам, обращаться к наследию Т. Мура. Однако в числе переводимых преобладали тексты, уже не однажды переложенные ранее на русский язык, тогда как пересоздания совершенно незнакомых отечественному читателю текстов были единичными.

Как видим, отношение русских переводчиков и критиков к художественному наследию представителей английского романтизма было достаточно сложным. В целом можно говорить, что очень немногие английские авторы (прежде всего, Байрон, Вальтер Скотт и Томас Мур) имели в России прижизненную славу, что повлияло на интерес к их творчеству во всех его проявлениях. Однако и в этих случаях по прошествии времени происходила трансформация восприятия, в частности, Вальтер Скотт оказывался исключительно историческим романистом, Томас Мур – автором «восточной повести» «Лалла Рук», «Ирландских мелодий» и биографом Дж.-Г. Байрона. Другие представители английского романтизма изначально воспринимались узко, связывались с отдельными жанрами, конкретными мотивами и т.д. В частности, Роберт Саути оценивался, прежде всего, как автор готической баллады. Столь же узким было восприятие наследия других поэтов «озерной школы» В. Вордсворта и С.-Т. Кольриджа, а также многих их современников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаткин Д.Н. Творчество поэтов «озерной школы» в интерпретации Н.С. Гумилева / Д.Н. Жаткин, А.А. Рябова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – Серия «Гуманитарные науки». – 2007. – № 4. – С. 74-81.

2. Саути Р. Баллады: сборник / Р. Саути; сост. Е. Витковский: [на англ. языке с параллельным рус. текстом]. – М.: Радуга, 2006. – 540 с.

3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. / А.С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1993-1999. – Т. 1-19.

4. Костин В.М. Жуковский и Пушкин: К проблеме восприятия поэмы Р. Саути «Родриг, последний из готов» / В.М. Костин // Проблемы метода и жанра. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1979. – Вып. 6. – С. 123-139.

5. Костин В.М. Жуковский – читатель Р. Саути / В.М. Костин // Библиотека В.А. Жуковского в Томске: в 3 ч. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1984. – Ч. 2. – С. 450-479.

6. Оксман Ю.Г. Борьба с Байроном в Александровскую и Николаевскую эпоху / Ю.Г. Оксман // Начала. – 1922. – № 2. – С. 241-276.

7. Moore T. The poetical works / T. Moore. – L. – N.Y.: ALP, 1910. – 712 p.

8. Мур Т. Эпикуреец: [главы из романа] / Т. Мур; пер. В. Мальцев // Русский зритель. – 1829. – Ч. 5. – № 17-20. – С. 105-142.

9. Мур Т. Эпикуреец / Т. Мур; пер. А. Савицкий. – СПб.: Тип. Августа Семена, 1833. – Ч. I. – 68 с.; Ч. II. – 92 с.

10. Маслов В.И. Начальный период байронизма в России / В.И. Маслов. – Киев: Тип. А.Ф. Пантелеева, 1915. – 128 с.

11. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В.Г. Белинский. – М.: Гослитиздат, 1953-1959. – Т. I-XIII.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Жаткин Дмитрий Николаевич, д-р филол. н., профессор, зав. кафедрой русского и иностранных языков, Пензенская государственная технологическая академия (ПГТА), ivb40@yandex.ru.

Zhatkin Dmitriy, Doctor of Philology, professor, the head of Russian and Foreign Languages Department, Penza State Technological Academy, ivb40@yandex.ru.

Научные интересы: русско-западноевропейские литературные связи XVIII – начала XX вв., переводоведение и межкультурная коммуникация

Scientific interests: Russian-West-European literary relations of 18-early 20 centuries, translation science and cross-cultural communication

УДК 008 (100) (075.8)

Е.Ф. Ковлакас
E. Kovlakas

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECT OF THE TOPONYMIC SYSTEM RESEARCH

Топонимы рассматриваются как некий текст, несущий информацию, который вызывает к себе постоянный интерес, что можно объяснить своеобразием функций топонимов. Речь идет о том, что топонимы – имена собственные – являются одним из активных элементов, определяющих систему знаний о мире и участвующих в формировании мировоззрения человека. Делается вывод, что топонимическая картина мира ориентирована на отражение и сохранение ценностных приоритетов национально-этнических сообществ

Toponyms are considered as a certain text, containing an information which acquires constant interest because of originality of their functions.The fact of the matter is that toponyms – proper names - are one of active elements, determining knowledge system about the world and participating in formation of human world-view. The study concluded that toponymic picture of the world is directed towards reflection and preservation of ethnic communities sense of values

Ключевые слова: *топонимы, этногенез, ономастика, денотат, концепт, культурная составляющая, картина мира*

Key words: *toponyms, ethnogenesis, onomastics, denotatum, concept, cultural component, picture of the world*

Топонимическая система складывается на протяжении длительного времени и представляет собой конгломерат, в котором отражены культуры, языки, время, социально-исторические условия развития общества.

Исследование ономастикона того или иного народа связано с извлечением культурно-исторической информации и адекватной ее интерпретацией. Существует определенная необходимость теоретического обоснования ономастики как науки, теснейшим образом связанной с человеком: в ономастической картине мира воплощается характер культуры каждого этноса и каждого человека – имядателя [1; С. 3]. Когда речь идет о культурологической информации, следует иметь в виду, что она включает в себя информацию об этнической истории, о социальной жизни, о материальной и духовной культуре народа.

В ономастических исследованиях можно выделить следующие подходы:

1) *лингвострановедческий*, т.е. выявление фоновых знаний, связанных с именем собственным, которое рассматривается как «отправная точка, средоточие целого ряда синхронных ассоциаций, объективирующих живое сознание членов этнокультурно-языковой общности» [2; С. 44-46]. Такой подход предполагает привлечение к анализу только тех имен, которые обладают особой значимостью для национальной культуры [2; С. 44-46], значение

которых «определяется типизированным образом, сложившимся в национальном сознании» [3; С. 24].

М.Н. Аникина предлагает четырехкомпонентную структуру фоново-коннотативного значения антропонимов: формальный, ситуативный, социально-исторический, индивидуально-ассоциативный [4; С. 7-9]. В лингвострановедческом подходе мы возьмем на вооружение индивидуально-ассоциативный компонент, предполагающий наличие определенных ассоциаций у носителей языка, соотносящих имя с известными историческими деятелями, литературными героями;

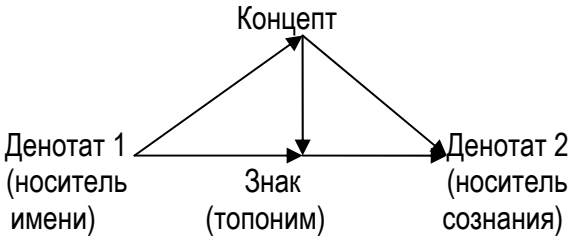
2) *лингвокультурологический,* исследующий этнокультурную специфику имени собственного [5; С. 4]. Данные исследования включают в себя историческую географию, историческую лексикологию, историческую диалектологию, археологию, генеалогию [5; С. 5-6];

3) *концепция М.В. Горбаневского*, которая находится на стыке лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов «…топоним – это реальный компонент системы географических названий, принадлежащих данному этносу и его истории, культуре, территории проживания, обладающих общей языковой историей и, в то же время, отдельной историко-культурной биографией» [6; С. 22].

В своей работе мы будем опираться на этнонимический подход, предложенный М.В. Горбаневским, т.е. описание истории названий, произведенных от этнонимов. Текст, а в нашем случае, *топоним*, при нормальном чтении отождествляется с «открытой», а при обратном – с эзотерической сферой культуры. Интерес представляет проблема сохранения смысла топонима при интерпретации как в прямом, так и обратном направлении; как от имени, носителя имени, к знаку (топониму), так и от топонима к носителю сознания.

Носитель имени → *Знак (топоним)* → *Носитель сознания*

Уровни выделенной цепочки от личности человека к другой личности, разделенных временем, имеют связующее звено – топоним, представляют собой участников диалога и являются включенными в семиотическую модель.



Топоним является знаком взаимного ознакомления и включения в некоторый общий культурный мир, культурную общность. Став частью национального сознания, топоним усваивает внешнюю точку зрения на себя как специфическое явление. Периферийные семиотические образования (Денотат 1 и Денотат 2) становятся взаимодополняющими частями информации об этносе, истории, географии, культуре, выполняют функцию так называемого «усилителя» смыслообразования. Благодаря знаку (топониму), Денотат 1 (носитель имени) становится знаком культуры;

4) концепция М.Э. Рут, которую можно обозначить как *концептуальный подход*, ставит своей задачей реконструкцию картины мира ее создателей. Образная номинация, по мнению автора, «всегда национально-специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сложившуюся в сознании народа – субъекта номинации – картину мира» [7; С. 127-128];

5) *этнолингвистический подход* нашел отражение в исследовании Д.Р. Амировой, которая использует термин «этнографический топоним» [8], представляющий собой совокупность групп названий.

Уникальность топонимов заключается в том, что лингвист, исследующий специфику развития топонимов, их смены, географическое распространение, должен быть не только лингвистом, но и историком, географом и этнографом.

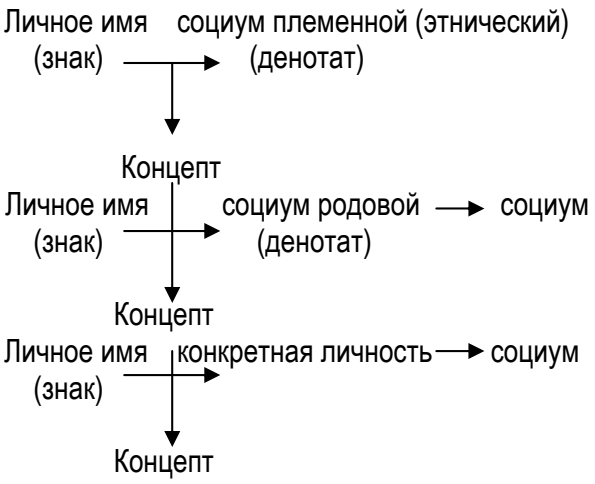
Всякое единство топонимической системы объясняется общностью территории, времени, языка, общностью мотивации, заклю-

ченной в топонимах. Таким образом, «становится очевидной необходимость изучения топонимической системы в когнитивно-прагматическом аспекте, который предполагает взгляд на топонимию с позиции человеческого сознания [9; С. 35].

Этногенез определяется множеством факторов, среди которых важное место принадлежит ментальности, тесно связанной с этнической культурой и самосознанием всего народа. Исследователи культуры адыгов подчеркивают этнологическую проблему: «необходимость определения действительных (демифологизированных) исторических источников духовности и культуры» [10; С. 8].

Учитывая, что собственные имена – один из активных элементов, определяющих систему знаний о мире и участвующих в формировании мировоззрения человека, а топонимы являются одной из наиболее ранних форм отражения географической действительности в сознании человека, мы предлагаем рассмотреть концепт «Человек» через антропонимы и этнонимы, представленные в топонимике Кубани и Северного Кавказа.

Исследуемый нами концепт «Человек» представлен следующими группами:



Рассмотрим каждую из выявленных групп.

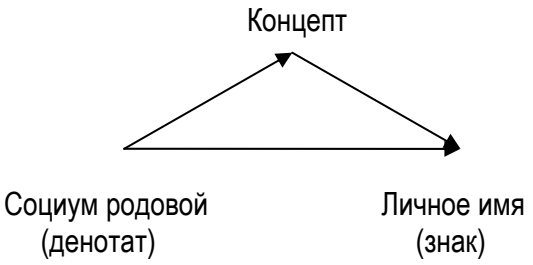
1. Кубань издревле является родиной адыгского народа. Издавна обитали здесь и предки русского народа – славяне. Географические объекты Адыгеи зафиксировали названия живших племен и народов, из которых впоследствии образовался адыгский народ.

Меоты – р. Абин – «абун» племя меотов, Абхазцы – г. Аибга, с. Аибга – кабардинское название абхазцев, *Аланы – г. Ассара* – «ассы» – племя аланов, предков осетин, *г. Оскол* – «ос» – самоназвание алан, *Аредба – пос. Адлер* – причерноморское племя аредба, *Абадзехи – ст. Абадзехская* – племя «абадзехов», *Адыги – р. Адыгако* – племя «адыгов», *Гоайе – г. Агой* – племя «гоайе», *Армяне – г. Армавир, с. Армянское, с. Верхнее Армянское, с. Краевско-Армянское, р. Верхне-Армянская Хобза, р. Нижне-Армянская Хобза, с. Гай-Кодзор* – армянское поселение «армянское ущелье», *Бесленеевцы – ст. Бесленеевская* – этническая группа адыгских племён.

В рассматриваемых нами примерах внутри концепта «Человек» имя (знак) лишено обобщающих сем, оно указывает не на национальность, а на принадлежность людей определенной социальной группе. «Мощь отдельного человека измеряется мощью его страны» [11; С. 22]. Номинация географических объектов по имени этноса сохранила память о далеких предках, населявших территорию Кубани. В философии адыгского народа этически значимой является связь членов триады «человек – дело – народ», которая проявляется как сознательное творческое отношение человека в сфере морали. «Мир в сознании древнего человека – это род, сумма родов или одно общество, в котором интегрированы все роды и один общий род» [12; С. 107]. Родо-племенные отношения играли важную роль в жизни адыгов. Племена жили обособлено, и тогда название закрепляло границы этнической территории. «Народ любил свою родину, и часто для отражения опасности извне племена объединялись и побеждали врагов» [13; С. 8]. Внутри родо-племенных отношений начинает формироваться определенный круг общеадыгских ценностей, которые создали благоприятные условия для этической системы адыгского об-

щества.

2. Личное имя – социум родовой



Большинство адыгских аулов получило свое название по родовым именам (фамилиям) тех семей, которые наиболее были представлены в этих населенных пунктах, а также по именам князей, владельцев или основателей аулов:

Аул Адамий (Адам*), аул Азнауровых, аул Асколова, аул Бабука, ст. Баговская* (родовая фамилия), *ст. Баракаевская* (родовая фамилия), *пос. Унароково* (родовая фамилия), *аул Хакока, аул Хатажука, аул Хатика, аул Татлукай* (родовое имя Хатлоков), *г. Хадыженск* (от имени Хидижа), *с. Хамышки* (имя Химши), *аул Чермитовых, с. Шах-Гиреевское* (по адыгской родовой фамилии), *аул Шеолуха, аул Шенджий* (по имени Шенждий), *аул Шханчерия.*

«Человек» в данной группе представлен сопряженным с понятием «род», «институт старейшин», что тоже восходит к этической системе адыгов. «Характер родственных связей, безусловно, играл главную роль при определении статусов в различных родственных объединениях, например, в семье, патронимии или фамилии, но в ряде случаев не был лишен значения и в обществе в целом» [14; С. 279].

Номинация географических объектов именами князей объясняется тем, что род князя в течение многих веков пользовался большим почетом и уважением. Многие князья имели сильное влияние на своих соплеменников. «В рамках как княжеского, так и узденьских сословий все фамилии делились на более и менее знатные. Представители привилегированных, главным образом княжеского, сословий имели право, в силу исключительности своего происхождения, на определенные знаки почитания, которые проявлялись преимущественно в этикетных нормах поведения» [14; С. 269].

При установлении общественного статуса принималось во внимание позиционное старшинство, т.е. лица из знатных фамилий, даже если по возрасту они были младше, все равно в определенных ситуациях считались «старшими». Близкие родственники всегда являлись «старшими» по отношению к дальним родственникам [15].

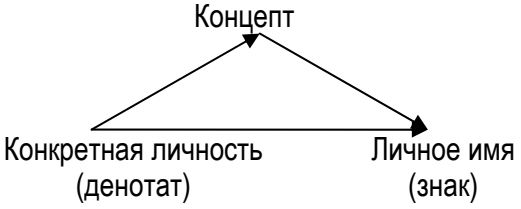
Имел место и принцип канонического плана: в обществе почитались люди, которые были ближе к семье, из которой происходил предок всей фамилии. Они, независимо от своего возраста, считались «старшими».

В адыгском эпосе бытует изречение: «Кто не уважает старших, тот не достоин уважения сам». Социальную природу уважительного отношения к старшим можно объяснить тем, что «традиция почитания старших по возрасту – это есть предельно почтительное отношение к людям старшего возраста, возведенное в этнический культ» [16; С. 348].

В данной группе денотат антропонима максимально нагружен: имя имеет смысл, соотносится с реальным человеком или целым родом. Знать значение этого имени – значит, узнать новую информацию о названном этим именем человеке или роде. Если личное имя (топоним) и человек или род не соотнесены друг с другом, тогда отсутствие знания об этой соотнесенности обуславливает семантическую пустоту имени (топонима). Если даже носитель имени незнаком, но известен социум, в котором этот носитель имени находился, т.е. в нашем случае, если социум – это род, то семантика имени содержит набор денотативных признаков, достаточных для произвольного функционирования имени (топонима).

Социум родовой оказывает влияние на социум в целом, и опосредованность этого влияния закрепляется в номинации.

3. Личное имя – конкретная личность – социум.



Имя может представать как имя известного лица. Если есть имя, оно доказывает неотделимость от конкретной личности, т.е. должна быть номинируемая единица. Функционирующий антропоним всегда соотнесен с конкретно-чувственным представлением о его носителе. Имя и денотат соотносятся напрямую, при этом имя не теряет своей семантической однозначности, а ведет к имени его носителям.

Личные имена (топонимы) выделенной нами группы имеют денотатом конкретную историческую личность. Данную группу мы предлагаем разделить на две подгруппы:

а) имена адыгов, дошедшие из глубины столетий и овеянные славой:

ст. Ахметовская (легендарный абрек Ахмет), *ст. Нижнее-Баканская, ст. Верхнее-Баканская* (в честь легендарного предводителя Беслана Бакана), *аул Айтека Болотокова, аул Джамбеча, п. Джанхот* (черкесский уздень Джанхот);

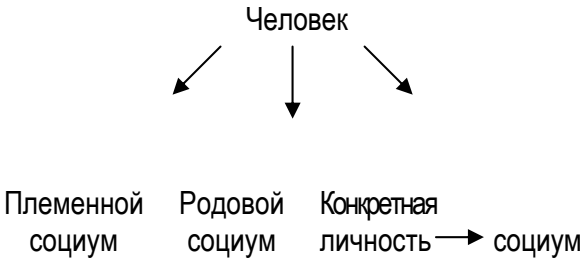
б) имена казаков, оставивших славный след в истории и давшие названия географическим объектам:

с. Витязево (майор Витязь), *г. Гулькевичи* (землевладелец – советник Н.С. Гулькевич), *с. Архипо-Осиповка* (рядовой Архип Осип), *ст. Калининская* (в честь М. Калинина), *с. Кривенковское* (в честь А.Н. Кривенко), *г. Кропоткин* (в честь князя Петра Кропоткина), *с. Лермонтова* (в честь М. Лермонтова), *с. Львовское* (в честь порутчика Н.А. Львова), *с. Сергей-Поле* (в честь капитан-лейтенанта фр. Сергея Поля), *с. Цибановка* (в честь харунжия Павла Цыбина), *п. Шаумян* (в честь Степана Шаумяна), *пос. Лазоревский* (в честь М.П. Лазарева).

Личностный фактор является одним из составляющих этической системы. В адыгском обществе большим уважением пользовались люди, выделяющиеся особой смелостью, наряду с храбростью, адыги ценили ум, опытность, красноречие, а также нравственные качества.

Имя семантически маркировано в узком кругу пользователей имени, что предопределено жесткой конкретностью денотата. Когда денотат (носитель имени) становится известным, «захватывает» весь социум, он перестает функционировать как личное имя, денотат подавляется, имя начинает функционировать самостоятельно, сохраняя индивидуальную специфику в рамках достаточно широкого круга общения, постепенно расширяя границы тезаурусного поля.

В рассматриваемых нами концептуальных группах концепт является объединяющим стержнем, который мы обозначили «Человек».



Личное имя (имя собственное) становится не только собственным именем его носителя, но и собственным именем того социума, в котором оно вращается. С одной стороны, имя находится вне социума, но значение приобретает только в социуме.

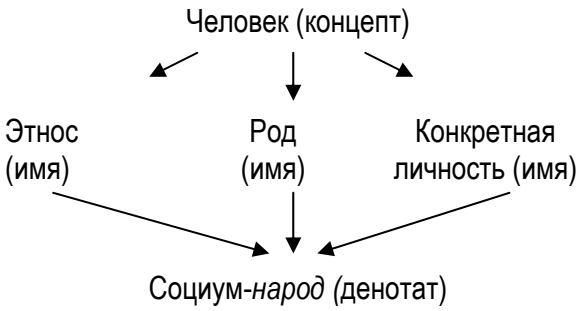
Анализируя топонимы, в основе которых имена собственные, мы не обнаружили тенденции присвоения христианского имени. Немного названий связано с известными историческими личностями.

Ст. Анастасиевская (в честь княжны Анастасии), *ст. Калиниская* (в честь М.Ю. Лермонтова), *с. Ольгинка* (в честь великой княжны Ольги), пос. *Лазаревский* (в честь М.П. Лазарева), *ст. Павловская* (в честь императора Павла I), *г. Екатеринодар* (в честь импе-

ратрицы Екатерины).

Отдаленность мировоззрения народов, проживающих на территории Кубани, от процессов, происходящих в России, ценность собственной культуры и истории может послужить объяснением тому, что в географических названиях были закреплены имена людей, родов, оказавших влияние на развитие этнической истории, культуры.

Семантика имени собственного становится внутрисоциумной семантикой. Имя отдельного человека оценивается через денотат своего социума.



Концепт «Человек» является зеркальным отражением социума (народа), который репрезентируется в знаках.

Имя собственное этноса – Имя собственное рода – Имя собственное конкретной личности.

Имя собственное (антропоним) существует как личное имя и как знак социума (народа). Оно вбирает в себя коннотации духовной культуры народа, растворяется в социуме, сохраняя индивидуальные признаки.

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу, что концепт «Человек», являясь интерпретантой денотата «народ», закрепляет основы морально-этической системы. Особенности номинации географических объектов, закрепленные в языке, косвенно свидетельствуют о том, что морально-нравственные устои играют важную роль в мировосприятии народа. Топонимическая картина мира в когнитивно-прагматическом аспекте ориентирована на отражение и сохранение ценностных приоритетов национально-этнических сообществ (все примеры топонимов, приведенные в тексте, см.: Кошевников В.Н. Очерки по топонимике Кубани / В.Н. Кошевников. – Краснодар, 2006).

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. 25. Ономастика. Кн. 1. Имя и культура. – М.: ИЭА РАН, КМЦ, 1993. – Ч. 1. – 191с.

2. Верещагин Е.М. Топонимическое лингвострановедение / Е.М. Верещагин // Исторические названия – памятники культуры: сб. материалов II Всесоюзной научно-практической конференции. – Вып. 1. – М.: МГУ, 1991. – С. 44-46.

3. Ощепкова В.В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: автореф. дисс…д-ра филол. наук / В.В. Ощепкова. – М.: Моск. пед. ун-т, 1995. – 35 с.

4. Аникина М.Н. Лингвострановедческий анализ русских антропонимов: Личное имя, отчество, фамилия: авторефе. дис….канд. филол. наук / М.Н. Аникина. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. – 14 с.

5. Нерознак В.П. Ономастика как составная часть лингвокультурологии / В.П. Нерознак // Ономастика Поволжья: материалы VII конф. поволжских ономатологов. – Волгоград: ВГПУ, 1995. – С. 4-6.

6. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия / М.В. Горбаневский. – М.: ОЛРС, 1996. – 304 с.

7. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке / М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992.

8. Амирова Дж. Р. Этнографические топонимы Азербайджана: автореф. дис…канд. филол. наук / Дж. Р. Амирова. – Баку, 1992. – 16 с.

9. Дмитриева Л.М. Русская топонимическая система: онтологическое и ментальное бытие / Л.М. Дмитриева // Известия Уральского государственного университета. – Вып. 4. – № 20. – Екатеринбург: УралГУ, 2001. – С. 35-40.

10. Ханаху Р.А. Предисловие / Р.А. Ханаху // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). – Под ред. Р.А. Ханаху. – Майкоп: ГУРИПП, 2002. – 516 с.

11. Казаноко Ж. Избранное /Ж. Казаноко. – Нальчик: Эльбрус, 1984.

12. Шенкао М.А. Пространство и время в представлении древних адыгов / М.А. Шенкао // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). – Под ред. Р.А. Ханаху. – Майкоп: ГУРИПП, 2002. – 516 с.

13. Юркин Н.Ф. Край мой любимый / Н.Ф. Юркин. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1977.

14. Бабич И.Л. Проблемы взаимосвязи этической системы и трансформации адыгского лидерства / И.Л. Бабич // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). – Под ред. Р.А. Ханаху. – Майкоп: ГУРИПП, 2002. – 516 с.

15. Меретуков М.А. Система родства и свойства у адыгов / М.А. Меретуков // Ученые записки Адыгейского института истории, языка и литературы. – Т. 2. – Майкоп: ГУРИПП, 1979.

16. Ханаху Р.А. Институт старейшин в этнокультурной традиции / Р.А. Ханаху / Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). – Под ред. Р.А. Ханаху. – Майкоп: ГУРИПП, 2002. – 516 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Ковлакас Елена Федоровна, к. филол. наук, доцент кафедры культурологии, Морская Государственная Академия имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск, amica1969@mail.ru

Kovlakas Elena, Candidate of Philology, associate professor of Culturology Department, Admiral Ushakov Marine State Academy, Novorossiysk, amica1969@mail.ru

Научные интересы: лингвистика, семиотика, теория познания, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология. Исследования этнокультурного пространства Черноморского побережья Северного Кавказа, исследования в области лингвистической детерминированности процессов восприятия и понимания «чужой культуры»

Scientific interests: linguistics, semiotics, theory of knowledge, cognitive linguistics, cross-cultural communication, culturological-linguistics. Studies of Black Sea coast ethnocultural space of Ciscaucasia, studies in linguistic determinancy of “alien culture” perception and comprehension proccesses

УДК 801.541.1

О.М. Корытова
O. Korytova

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СРАЩЕНИЯ

FUNCTIONAL SKEWNESS OF WORD-FORMATIVE FUSION

Рассматривается словосращение, являвшееся активным средством пополнения словарного запаса в период становления русского литературного языка

The article considers word-formative fusion, which was active means of vocabulary acquisition in Russian literary language infancy

Ключевые слова: *слова-сращения, словарный запас*

Key words: *words-fusions, vocabulary*

В лингвистической литературе можно выделить два основных подхода к словообразовательному сращению. При *первом* из них словосращение понимается как «возникновение слов из словосочетаний путем объединения в одно двух или более слов в процессе их употребления в языке (ср. *дотла, сегодня, намедни* и др.)» [1; С. 392], при *втором* – как способ словообразования, при котором производное слово по «морфемному составу полностью тождественно словосочетанию, на основе которого оно образовано» [2; С. 536].

Эти подходы, не вступая в противоречие, дополняют друг друга и отражают различные аспекты того пространства, в котором действует словообразовательное сращение.

В русском языке словосращение было особенно продуктивно в период становления литературного языка (XVI-XVIII вв.) и сыграло значительную роль в пополнении словарного запаса. К XIX в. активность рассматриваемого способа словообразования угасла, лишь отдельные случаи слов-сращений вошли в язык общего пользования. Однако нельзя сказать, что словосращение как способ словообразования исчезло из языка. Еще А.А. Реформатский указывал на то, что словообразовательные способы и модели очень устойчивы в истории языка и «даже в периоды “увядания” сохраняются как эвентуальная возможность, как потенциальный источник, проявляющий себя наподобие якобы потухшего вулкана» [3; С. 94].

На современном этапе развития языка словосращение не является продуктивным способом словообразования в русском языке. К сфере его действия относят образование сложных прилагательных, по форме напоминающих словосочетания (*долгоиграющий, сумасшедший, вышеперечисленный, вечнозеленый* и др.). Словообразовательное сращение проявляет активность в неузуальном (окказиональном) словообразовании. Именно в этой сфере реализуются языковые возможности говорящего, поскольку «окказионализмы показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы» [4; С. 180]. Явления «языко-

вой игры», наблюдаемые в окказиональном словообразовании, свидетельствуют о двух противоположных тенденциях: с одной стороны, они демонстрируют возможности словообразовательной системы языка, с другой – показывают пределы ее действия [Ibid].

Активность того или иного способа словообразования в неузуальной сфере говорит о его действенности в системе языка в целом.

Окказиональные слова-сращения заполняют лакуны в языке и очень немногие из них становятся частью лексикона того или иного языка. Однако даже неузуальные сращения неоднородны в сферах своего возникновения и употребления. Остановимся подробнее на тех функциональных сферах, где образуются и используются неузуальные слова-сращения.

Следует сказать о том, что мы разделяем сферы действия словосращения на языковую и речевую. Все слова-сращения строятся в ходе речевой деятельности на базе единиц, естественным образом соседствующих в речи. Однако некоторые из них становятся достоянием различных сфер языка (языковые сращения), в то время как другие возникают в речи конкретных людей и остаются только в сфере речевого употребления (речевые сращения).

Наибольшее число окказиональных языковых сращений принадлежит *языку художественной литературы*. Эти слова возникают как индивидуально-авторские образования для обозначения каких-либо новых понятий, как имена собственные при именовании героев, а также как экспрессивные единицы, помогающие передать эмоциональное состояние автора или героев повествования. Таковыми, например, являются, *мореречи* у В. Хлебникова или *безработа*, созданное В. Маяковским для обозначения праздно проводимого времени.

В именах собственных, являющихся сращениями, может отражаться не только характеристика людей, носящих «говорящие» фамилии (например, Михаил *Непойман* в «Generation “П” В. Пелевина), но и отношение окружающих к героям повествования. Так, несмотря на то, что герой одного из рассказов А. Арканова прекрасно знает имя мужа своей собеседницы, про себя называет его *Такой-муж*, подчеркивая таким образом свое недоброжелательное к нему отношение.

С помощью некоторых окказиональных сращений авторы передают свое отношение к тому или иному предмету, объекту. Так, весь очерк М. Цветаевой «Мой Пушкин» строится вокруг памятника Пушкину как некоего символа, с детства близкого и родного сердцу автора: «Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто *Памятник-пушкина*, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина».

Отдельную группу окказиональных языковых слов-сращений составляют единицы, создаваемые для использования в специальных *языках рекламы и компьютерной сферы*. Сейчас нередко встречаются названия определенных товаров, фирм, телепередач, привлекающие внимание не только звучностью, но и тем, что в них изначально заложен некий содержательный посыл. Если для раскрытия смысла некоторых окказиональных сращений, используемых в художественных произведениях, необходимо углубляться в контекст или разгадывать скрытый замысел автора, в случае сращений из языков рекламы и компьютерной сферы в этом нет необходимости, поскольку смысл наименования, как правило, прозрачен. Так, в самом названии туристической фирмы *Купитур*-Нева содержится призыв к действию, к покупке тура именно в этой компании. А программа-антивирус с названием «*Cureit!*» обращает на себя внимание тех, кто надеется излечить свой компьютер от всевозможных вирусов.

Известно, что синтагматические связи слов «отражают смежность явлений…, их ситуативную соположенность, существование в одной типовой ситуации» [5; С. 25]. Речевые слова-сращения строятся на базе привычных словосочетаний. В определенных условиях эти сочетания становятся одним фонетиче-

ским словом, а далее и одной лексической единицей в речи конкретного человека. В зависимости от того, к какой группе людей относится этот человек, речевые сращения делятся нами на сращения, образование которых обусловлено искаженным восприятием *иностранной речи*, и сращения, возникающие *в детской речи.* Чаще всего в силу отсутствия необходимых знаний и вытекающей из этого неспособности полностью осознать услышанное, дети и иностранцы могут воспринять сочетание слов как одно слово. Исследователи отмечают, что у детей когнитивное развитие опережает речевое, а «избирательное, активное, заинтересованное» отношение к слову, к речи «формируется только при наличии интеграции когнитивных и аффективых процессов в головном мозге» [6; С. 190]. Благодаря этому, дети неосознанно всегда готовы к смелому экспериментированию в речевом поведении.

Так, по данным О.И. Колесниковой [6; С. 154], в строках стихотворения К. Рылеева:

Иртыш кипел в крутых брегах.
Вздымалися седые волны…

неизвестный топоним *Иртыш* «распознается» детьми на слух как *Иртышки, Иртышка пел, Иртышкин*. А в строках популярной в прошлом песни «Дави на газ! Давай, мой мальчик, дави на газ» 10-летняя девочка слышала нерусское имя *Давинагаз.* Один из случаев-затруднений, связанных с непониманием иностранной речи, описан в книге «Цвів на полонині верес…» украинского писателя Ф. Мамчура. Приехавшая из Москвы девушка долго не могла найти в городе аптеку. Ей подсказали, что надо искать магазин с вывеской «Готові ліки» (готовые лекарства). Героиня, не владевшая украинским языком, восприняла это как одно слово *готови́лики*, что еще больше затруднило ее поиск. На просторах Интернета некоторые любители современной музыки ищут информацию о ди-джее, которого зовут *Питонг* и практически ничего не находят, поскольку в действительности имя этого исполнителя звучит как *Pete Tong*.

Активность словосращения при построении неузуальных лексических единиц в русском языке указывает на большой потенциал данного способа словообразования. Представляется правомерным говорить о функциональной асимметрии словосращения на современном этапе развития языка, использующегося по большей мере для построения окказиональных образований в различных сферах языкового употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М. Дрофа, 2004. – 398 с.*
2. *Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. А.П. Горкин. – М.: Большая российская энциклопедия, Дрофа, 1998. – 703 с.*
3. *Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии / А.А. Реформаторский. – М.: Наука, 1979. – 102 с.*
4. *Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.*
5. *Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова // Под ред. М.Н. Янценецкой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 271 с.*
6. *Колесникова О.И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребенка: дис. …д-ра филол. наук / О.И. Колесникова. – Киров, 2006. – 434 с.*

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Корытова Ольга Михайловна, аспирантка кафедры английской филологии, Тверской государственный университет (ТвГУ)

Korytova Olga, graduate of English Philology Department, Tver State University

Научные интересы: трансформация внешней формы слова

Scientific interests: exterior form transformation

УДК 82.02

Н.К. Хузиятова
N. Khuziyatova

ПРОЕКТЫ «МОДЕРНИЗАЦИИ» СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

PROJECTS OF "MODERNIZATION" OF CONTEMPORARY CHINESE LITERATURE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

В статье рассматривается один из наиболее интересных этапов развития современной китайской литературы – литература «нового периода» (1979-1989 гг.). Особое внимание уделяется ее связям с западным модернизмом. Модернистские тенденции в китайской литературе «нового периода» оцениваются с позиции субъектности. Литература данного периода характеризуется как третий проект модернизации в китайском литературном процессе XX в.

One of the most interesting stages of contemporary Chinese literature, i.e. the literature of "the new period" (1979 – 1989) is considered in the paper. Special attention is paid to its relations with Western modernism. The modernist trends in Chinese literature of "the new period" are evaluated from the viewpoint of subjectness. The literature of this period is characterized as the third modernization project in the Chinese literary process of the 20th century

Ключевые слова: *глобализация, литература «нового периода», модернизм, современная китайская литература, субъектность*

Key words: *globalization, the literature of "the new period", modernism, contemporary Chinese literature, subjectness*

На стыке тысячелетий самой обсуждаемой мировым сообществом проблемой является глобализация в ее экономическом, политическом и культурном измерениях. В фокусе проблем глобализации китайская литература 80-х гг., именуемая литературой «нового периода» (1979-1989 гг.), представляется явлением сложным, неоднозначным, многомерным, но достаточно хорошо просматриваемым и занимающим заметное, вполне самостоятельное место в культурно-историческом процессе в современном Китае. Применительно к литературе данного периода особого внимания заслуживает ее сближение с западным модернизмом, которое представляется не результатом пассивного восприятия модернистских влияний, а процессом активного творческого освоения. Модернистские тенденции китайской литературы «нового периода» наиболее отчетливо проявляются, если их рассматривать с позиций выражения субъектности. Формирование новой субъектности является неотъемлемой частью того, что в западной терминологии называется современностью, или модернити, а в китайской – сяндайсин (относящимся к современности). Наиболее сильные побуждения человека заключены в его стремлении понять себя в мире и мир в себе. Путь со-

временной китайской литературы к осознанию этой максимы был, однако, весьма тернист.

«Когда экономическая глобализация бросила вызов, вынуждая нас спешно принимать адекватные меры, мы почувствовали себя как будто застигнутыми врасплох, однако если посмотреть на происходящее как на процесс, то глобализация имеет весьма продолжительную историю», – отмечает Чэнь Чжунгэн, один из авторов коллективной монографии «Современность и повороты в развитии современной китайской литературы» [12; С. 196]. Действительно, глобализация как исторический процесс, сопровождает человечество от самых его истоков, а в последние несколько веков, особенно в период модерна и модернизации, она просто приобрела иной масштаб, иную скорость и стала соответствующим образом осознаваться нами. Американский социолог Роланд Робертсон, один из пионеров в дискуссиях о глобализации, разделил историческое развитие глобализации на пять фаз: зачаточная фаза (XV – середина XVIII вв.), начальная фаза (середина XVIII в. – 1870-е гг.), подражательная фаза (1870-е – середина 1920-х гг.), фаза борьбы за гегемонию (середина 1920-х – конец 1960-х гг.) и фаза неопределенности (1960-1990-е гг.) [11; С. 58-59]. Эволюционный смысл глобализации многообразен. Глобализация, по мнению американского историка и социолога Арифа Дирлика, может, например, рассматриваться как «реккурентный кризисный феномен, отмеченный успехами и неудачами в течение некоторого периода времени, и смысл ее следует выводить вовсе не из референций ко всей мировой истории, но лишь из референций к самому недавнему прошлому» [8].

Является ли глобализация последней главой капиталистического модерна или же она является чем-то иным, чем-то, что проявилось уже с большой степенью конкретности, науке еще предстоит ответить. В контексте разговора о китайской литературе XX в. имеет особое значение тот факт, что многие ученые наделяют фазу подражания, этот конкретный период, формообразующим значением, когда «различные тенденции к глобализации, характерные для предшествующих периодов, уступили место единой и безжалостной ее разновидности» [11; С. 59]. По словам А. Дирлика, в культурологическом аспекте глобализация третьей фазы «почти полностью синонимична глобализации евро-американских культурных стандартов». В то время евро-американские экономические, политические, социальные и культурные нормы представляли собой «предел исторических мечтаний и устремлений». Разумеется, такие посылы исчезли из современных концептуализаций глобализации, сейчас они ассоциируются разве что с концептом модернизации, который, однако, пошел по совсем другим историческим траекториям. Однако «не следует забывать, что для всех развитых и по-настоящему современных культурных динамик и способов интерпретации именно западный проект стал исходной (хотя и весьма амбивалентной) точкой отсчета» [8].

Новые идеи и идеалы западного проекта стали достоянием китайского общества уже в начале XX в. Это было время новых посылов в культурное сознание и время взаимного проникновения различных аспектов культуры, определяемой нами в духе немецкого философа Э. Кассирера как «общий мир», сотворенный из одинаково понимаемых и передаваемых значений, как взаимная субъективность, коммуникация в реальности между человеческими индивидуумами. Этот взгляд на культуру коррелируется с суждениями видного китайского писателя и общественного деятеля Ван Мэна о плюралистичности культуры. Он утверждает, что у движения к глобализации есть другая сторона – локализация, многообразие, народность, индивидуализация, и поэтому народы разных стран всё с большим упорством оберегают систему и традиции собственной культуры, собственную самостоятельность. «Вот в этом плане культура и является важным оплотом. Ибо в культуре как раз и происходит отождествление, да и ценности культуры плюралистичны. На Западе люди отмечают Рожде-

ство, в Китае – Праздник весны, ты в восторге от оксфордского английского, а я говорю на китайском «путунхуа», ты напеваешь свои серенады, а я – шэньсийские частушки «синьтянью»… Мы можем вместе наслаждаться, можем обмениваться друг с другом, но, в принципе, у каждого своя специфика и свои особенности. Это и есть плюралистичность культуры. Такое самосознание культуры, такая ее специфика чрезвычайно ценны [3; С. 11].

«Глобально», если перевести это слово на более понятный язык, означает «во многих местах одновременно», то есть транслокально. Отсюда в фокусе внимания неизменно оказываются ключевые понятия гибридности, полиморфности, взаимопроникновения разнородных культурных потоков, ставящих во главу угла связь локального со всеобщим. Вместо устаревшей бинарной оппозиции центр-периферия, где первый выступал исключительно в качестве активной и агрессивной, а вторая — пассивной и жертвенной стороны, внимание концентрируется на моментах сцеплений и связок, вспышках сопротивления и случаях обратного воздействия. Здесь уместно будет напомнить о бахтинской идее диалога культур и концепции «встречных течений», выдвинутой российским филологом А.Н. Веселовским. Веселовский подчеркивал, что никакое заимствование невозможно без наличия у воспринимаемой стороны некоего «встречного движения», т.е. тенденции, аналогичной принимаемой [4; С. 304].

Как выжить Китаю и китайцам? Этот новый вопрос возник после поражения Китая в китайско-японской войне 1894 г. и особенно после поражения «боксерского восстания» (восстание ихэтуаней, 1899-1901 гг.). Ответ на него со стороны целого поколения интеллектуалов предусматривал эволюцию и прогресс любой ценой. Китайский мыслитель Янь Фу еще в 1895 г. призвал «отбросить старое и проповедовать новое», где под «старым» подразумевались обычаи, институты, знание, накопленное в течение тысячелетий, а под «новым» – западная культура. Правда, впоследствии в одной из работ 1902 г. он отмечал, что если сразу отринуть всю огромную массу, накопленную в течение веков, не отобрав при этом испытанные поколениями хорошие элементы, то «народ потеряет свою самобытность, а современность не сможет пустить прочные корни» [1; С. 147].

Почти все китайские периодические издания начала XX в. были охвачены «культурной лихорадкой», в ходе которой обнаружился ряд общих моментов в определении национальной идентичности: отказ от такого компонента национальной культуры, как автократия; акцент на особые достоинства китайского языка, способного адаптироваться к любым переменам и при этом способствовать связи поколений; озабоченность вопросами морали и человеческих отношений; желание провести разграничение между политикой и этикой, в сложном переплетении которых как раз и было сформировано культурное наследие; наконец, стремление положить конец доминированию одной школы – конфуцианства. Эти идеи получили развитие в ходе культурно-идеологического движения 10 – 20-х гг. XX в., именуемого в современной литературе Движением 4 мая за новую культуру (далее в тексте Движение 4 мая, или просто 4 мая). В движении принимали участие деятели культуры, придерживавшиеся буржуазно-либеральных убеждений (Ху Ши, Цай Юаньпэй, Се Улян), но наиболее активную роль в нем играли представители радикальной демократической интеллигенции Лу Синь, У Юй и другие, а также первые пропагандисты марксизма в Китае Чэнь Дусю и Ли Дачжао. Мощным политическим стимулом для Движения 4 мая стали начавшиеся 4 мая 1919 г. выступления учащейся молодежи против решения Версальской мирной конференции передать Японии китайскую провинцию Шаньдун. Движение 4 мая в значительной степени радикализировало платформу культурного обновления: воспитание в духе гуманизма и ненависти к деспотизму, преодоление религиозного мистицизма в сознании людей, развитие современного научного знания, распростране-

ние республиканских идей. Важное место в идеологии движения принадлежало идее литературной революции – создание литературы на языке байхуа, близком разговорному, вместо старого литературного языка вэньяня. Движение за новую культуру оказало глубокое воздействие на развитие китайской культуры XX в. и явилось своеобразным проявлением китайской фазы подражания или, иными словами, тем недавним прошлым, из которого выводились и выводятся успехи и неудачи современной китайской культуры.

Сужая предмет разговора до одной из составляющих культуры – литературы, отметим, что письменная литература играет в процессах глобализации особую роль ввиду ее способности к относительно простому переселению из одного культурного контекста в другой. По словам лидера нового историзма американского ученого Стивена Гринблатта, она «практически неизбежно является агентом глобализации» [10; С. 59; 5; С. 5]. Сама природа литературы отрицает какие бы то ни было притязания на «чистую кровь», обуславливает – через постоянную циркуляцию, коловращение, отзвуки и эхо друг друга – культурное кровосмешение любой национальной литературы. Великий аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес не раз подчеркивал, что понимает мысль как продукт единого разума, а человеческую историю – как огромную магическую книгу. «Мне кажется, что на писателя влияет все прошлое человечества в целом, – говорил он в одном из интервью. – Не только культура одной страны, не только какой-то язык, но даже авторы, которых он не читал, и которые приходят к нему через язык, так как язык есть фактор эстетический, и он есть произведение тысяч людей» [2; С. 231] .

Модель взаимосвязей между глобальным, национальным и локальным пока еще не разработана. Требуются постоянные поиски оптимального соотношения между глобальным и локальным (на путях этого поиска в современной науке даже появился особый синтезирующий термин «глокализация»). Проблема в том, как этого соотношения достичь. Безусловно, каждое действие порождает противодействие, и супранациональным порывам литературы противостоят субнациональные – желание окунуться в свое, родное, близкое. Глобализация значительно облегчает литературе доступ в широкий мир через частное, особенное, индивидуальное, но при этом она отнюдь не гарантирует ей внимание со стороны этого самого мира, а наоборот, подвергает ее опасности утратить свою неповторимость. «Чем национальнее, тем всемирней, и утвердиться можно лишь в том случае, если есть индивидуальность и статус; в то же время, чем всемирнее, тем национальней, то есть живой остается лишь та культура, которая способна впитать в себя мир, обмениваться с миром, не исключая и конфликтные с мировой культурой моменты. Замкнутая культура, конечно, самобытна, но, в конце концов, очутится лишь в музее» [3; С. 14].

Процесс развития китайской литературы XX в., как движение к глобализации, ассоциируется в представлениях современных китайских критиков с концептом модернизации. Китайский литературовед Вэнь Фэнцяо выделяет три модели «модернизации», в которых, на его взгляд, концентрированно проявились три основных выбора способа «модернизации». «Фактически каждый этот выбор и каждое регулирование модели модернизации, по большому счету, можно считать неким импульсом современности в процессе строительства национального государства и движения традиционного Китая к современному Китаю. Что касается собственно литературы, то в выборе этих трех моделей воплотился процесс непрерывного самообновления и саморегулирования, разнообразные ценностные требования и различное понимание современности в процессе развития китайской литературы XX в. Их можно назвать «проектами» модернизации китайской литературы XX века» [6; С. 16].

Признанные Роландом Робертсоном самыми актуальными для третьей фазы глобализации проблемы национальной идентично-

сти и идентичности индивида (в работах отечественных философов С.А. Булгакова, Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, И.А. Ильина и других эти проблемы обсуждаются в терминах «самобытность», «самоопределение», «самоотождествление», «национальный архетип»), являются в высшей степени актуальными и для каждого из трех проектов модернизации китайской литературы. Заметим, идентичность становится проблемой, когда человек перестает как следует понимать кто он. Рефлексия по поводу идентичности является знаком того, что эта идентичность пребывает в кризисе, распадается или радикально меняется.

Первый проект модернизации литературы – это модель 20-х гг. прошлого столетия, воплощенная в рамках движения за новую культуру 4 мая. По образному выражению С.А. Торопцева, эта попытка была продиктована «стремлением надеть модное платье с чужого – европейского – плеча, и ведущей ее тенденцией стала откровенная «антитрадиционность», а методологией – непримиримое противопоставление «нового», идущего с Запада, и «старого» национального, которое следует разрушить» [8; С. 166]. Лидером этого направления называют Лу Синя (надо заметить, творчество самого писателя сложно, многогранно и скорее традиционно, чем антитрадиционно).

Вторым проектом Вэнь Фэнцяо считает «почвенническую» модернизацию литературы, представленную Цюй Цюбо, Мао Цзэдуном и другими деятелями коммунистической партии Китая. Эта модель, усиленная акцентом на народность и массовость, не менее агрессивно, чем первая модель, противопоставляла внутреннее и внешнее, национальное и заимствованное. История развития китайской литературы, особенно экстремизм периода культурной революции (1966-1976 гг.) с ее образцовыми спектаклями, показала, что «почвенническая» модернизация Мао Цзэдуна не сумела увидеть собственной ограниченности и недостатков, и в итоге привела китайскую литературу в тупик. Гао Синцзянь в нобелевской лекции 2000 г. высказался на этот счет еще более определенно: «Литературная революция, равно как и революционная литература, подвели литературу и саму человеческую личность к гибели» [7; С. 222].

Третья модель модернизации – «литература нового периода» – возникла в 80-е гг. XX вв. после начала политики реформ и открытости (декабрьский Пленум ЦК КПК 11-го созыва 1979 г.). По мнению Вэнь Фэнцяо, «это более высокий, многосоставный тип модернизации, обеими ногами стоящий на родной почве и открыто смотрящий в мир, обладающий и современностью, и народностью» [6; С. 25]. Литература «нового периода» оценивается как наиболее эффективная модель модернизации китайской культуры, успех которой во многом определен сближением с западным модернизмом. Важнейшим проявлением этого проекта является формирование уважения к субъектности, осознание того, что субъективная творческая позиция писателя может быть по-настоящему воплощена лишь в условиях открытости и всестороннего осовременивания. Если трактовать глобализацию сквозь призму субъектности, то в глобализированном мире человек не только не утратит своей индивидуальности, но обретет две неотторжимые друг от друга характеристики – как элемент национальный и элемент всечеловеческий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бастид-Брюгьер М. Новое открытие традиционной китайской культуры / М. Бастид-Брюгьер // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 1. – С. 143-150.

2. Борхес Х.Л. Моя жизнь служит литературе. Из интервью разных лет / Х.Л. Борхес // Иностранная литература. – 1988. – № 10. – С. 230-232.

3. Ван Мэн. Волна глобализации и строительство культурной державы / Ван Мэн // Ван Мэн в контексте современной китайской литературы. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2004. – 194 с.

4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. –

405 с.

5. Высоцкая Н. Транскультура или культура в трансе? / Н. Высоцкая // Вопросы литературы. – 2004. – № 2. – С. 3-24.

6. Вэнь Фэнцяо. Ван Мэн и третий выбор «модернизации» китайской литературы XX века / Вэнь Фэнцяо //Ван Мэн в контексте современной китайской литературы. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2004. – 194 с.

7. Гао Синцзянь. Обоснование литературы. Нобелевская лекция 2000 года / Гао Синцзянь // Иностранная литература. – 2001. – № 5. – С. 221-232.

8. Дирлик Ариф. Реконфигурируя современность: от модернизации к глобализации. Электронный ресурс. Адрес обращения: www.sidint.org/programmes /politicsplace/politicsDirlik.PDF.

9. Торопцев С.А. Китайская культура у врат глобализации / С.А. Торопцев // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 2. – С. 166-168.

10. Greenblatt, Stephen. Racial Memory and Literary History // PMLA Journal. Vol. 116. – January 2001. – No 1.

11. Robertson R. "Mapping the Global Condition", in Roland Robertson, Globalization: Social Theory and Global Culture. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. – 1994. – pp. 49-60.

12. Чэнь Чжунгэн. Сяньдайсин дэ бечу: сянту юй сюньгэнь [Еще одно проявление современности: почвенничество и поиски корней] // Сяндайсин юй чжунго дандай вэньсюэ чжуаньсин [Современность и повороты в развитии современной китайской литературы]/ Под ред. Чэнь Сяомина. – Куньлунь: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 2003. – 294 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Хузиятова Надежда Константиновна, доцент кафедры китайской филологии, Дальневосточный государственный университет (ДвГУ), nadya1219@mail.ru

Khuziyatova Nadezhda, Assoc. professor, Department of Chinese Philology, Far Eastern State University, nadya1219@mail.ru

Научные интересы: современная литература Китая, проблемы перевода

Scientific interests: contemporary Chinese literature, problems of translation

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327. (4/9); 930.22 (4/9)

И.И. Арсентьева
I. Arsentyeva

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC COOPERATION IN CONTEXT OF REGIONAL AND GLOBAL SECURITY

В статье характеризуется современное состояние и перспективы стратегического взаимодействия РФ и КНР. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в российско-китайских отношениях. Делается вывод о том, что спектр стратегического взаимодействия России и Китая в XXI столетии чрезвычайно широк, он носит и региональный, и глобальный характер

In the article the author describes current development and prospects of Russian-Chinese strategic cooperation. The problems of Russian-Chinese relations are emphasized. The author draws the conclusion, that the spectrum of Russian-Chinese strategic cooperation in 21th century is diversive, it has regional and global character

***Ключевые слова**: российско-китайское стратегическое взаимодействие, глобализация, многополярный мир, китайская миграция, китайско-американские отношения, энергетическая стратегия КНР*

***Key words:** Russian-Chinese strategic cooperation, globalization, Multiple-pole world, Chinese migration, Chinese-American relations, energy strategy of China*

После распада СССР внешняя политика России переориентировалась на Запад. Ее торгово-экономические отношения с Китаем определялись, главным образом, деятельностью мелких компаний, «челноков», приграничным обменом. Однако к началу XXI в. произошла эволюция и даже некоторая переоценка китайского фактора во внешнеполитической стратегии России. Российское руководство, как неоднократно заявлял В.В. Путин, считает развитие отношений добрососедства, дружбы, стратегического партнерства и сотрудничества с КНР одним из своих важнейших приоритетов. Китайско-российские отношения также занимают одно из центральных мест во внешней политике КНР.

Трансформация российско-китайских отношений происходит в диалектическом взаимодействии их форм и содержания. Имеется в виду постоянная эволюция и взаимная коррек-

тировка международно-правовых параметров взаимосвязей двух стран перед лицом тех вызовов региональной и глобальной безопасности, с которыми оба государства сталкиваются в современном стремительно меняющемся мире.

Среди ключевых событий этой эволюции – подписание 16 июля 2001 г. В.В. Путиным и тогдашним Председателем КНР Цзян Цзэминем Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который определил основные направления сотрудничества:

– расширение равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, соблюдение принципов взаимного уважения суверенитета, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды;

– разрешение возникающих разногласий исключительно мирными средствами в соответствии с положениями Устава ООН, другими общепризнанными принципами и нормами международного права;

– взаимное уважение выбора пути политического, экономического, социального и культурного развития каждой из сторон;

– реализация мер по укреплению доверия в военной области, обеспечение собственной безопасности на основе разумной достаточности, осуществление военно-технического сотрудничества, не направленного против третьих государств;

– неучастие в каких-либо союзах или блоках, наносящих ущерб суверенитету и безопасности каждой из сторон;

– взаимодействие в сфере поддержания глобального стратегического баланса и соблюдения основополагающих договоренностей, обеспечивающих соблюдение стратегической стабильности;

– обеспечение совместных усилий по укреплению центральной роли ООН как наиболее авторитетной международной организации;

– развитие взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической, военно-политической, научно-технической, энергетической, транспортной областях, в ядерной энергетике, в развитии приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества;

– взаимодействие в международных финансовых учреждениях, экономических организациях и форумах;

– сотрудничество в области защиты и улучшения состояния окружающей среды, сохранения биоресурсов, природных экосистем, предупреждения катастроф техногенного характера и ликвидации их последствий;

– взаимодействие в правоохранительной сфере, в борьбе с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, оружия, нелегальной миграцией и др.

Данный документ отразил реалии начала XXI в. – общее стремление РФ и КНР содействовать становлению многополярного мира. При желании, отмечает С.Г. Лузянин, в договоре можно усмотреть стремление создать полюс «глобального притяжения», противоположный США. К моменту подписания договора Россия и Китай занимали одинаково отрицательную позицию по вопросу расширения НАТО на восток, «гуманитарным» акциям США и их союзников на Балканах, по проблеме целостности России (в связи с событиями в Чечне) и Китая (ввиду проявлений этнического сепаратизма в Тибете и Синьцзяне) [1].

По мнению большинства китайских, российских и западных экспертов, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве зафиксировал возникновение между РФ и КНР отношений особого типа, при котором сотрудничество по ряду направлений сочетается с обоюдным стремлением избежать создания военного союза.

Цзян Цзэминь дал следующую характеристику отношениям РФ и КНР:

– это отношения исключительно дружбы и взаимодействия, но не отношения союза;

– между Китаем и Россией существует новый тип межгосударственных связей – партнерские, а не союзнические отношения;

– для наших отношений характерен отказ от направленности против третьих стран;

– наши страны никогда не должны быть врагами, но должны вечно быть добрыми соседями, добрыми друзьями, добрыми партнерами [2].

Однако нельзя не заметить определенной двусмысленности в отношениях России и Китая. На официальном уровне все выглядит оптимистично. Нынешнее состояние российско-китайских отношений в Москве именуют наилучшим этапом в истории двусторонних отношений, а в Пекине – новой высотой в наших отношениях.

Вместе с тем в обеих странах существуют силы, не заинтересованные в таком развитии событий и всемерно ему противодействующие. «Каждый китаец со школьной скамьи убежден, что Россия захватила, как минимум 1,5 млн км^2 китайской территории. Тема былых российских преступлений используется при воспитании подрастающего поколения на протяжении многих десятилетий. Она культивируется в сознании китайцев под воздействием правительственной пропаганды, никогда не вызывавшей энергичных протестов ни советского, ни российского правительства» [3].

Как отмечают Б.Н. Кузык и М.Л. Титаренко, антироссийские прозападные силы в КНР пользуются тем, что с уходом из жизни людей старших поколений постепенно «выдыхается» традиционная дружба между гражданами России и Китая. Молодые поколения, ориентированные на Запад, не наследуют дружеских чувств к России. Люди обеих стран плохо знакомы с реальной жизнью соседей [2; С. 561].

Еще в 1924 г. советский китаевед А. Ивин писал: «На протяжении тысячи верст мы граничим с великой древней страной, целым отдельным миром, который можно поставить в параллель лишь с миром Древнего Рима, граничим с одной из главных ветвей человеческой цивилизации, давшей гуманистическую философию, дивную живопись, великую поэзию и включившей в свою богатейшую историю – историю чуть ли не трех четвертей Азии. Но что знает об этом богатстве наше молодое поколение, наша будущая Россия? Столько же, как если бы Китай не был нашим соседом, а находился на другой планете» [4]. С того времени немногое изменилось.

В этой ситуации искусственно раздувается вражда между народами обеих стран, взаимное недоверие, которое при неблагоприятном развитии ситуации может перерасти в конфронтацию [2; С. 561].

Так, в Китае отношение к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве не было однозначно положительным (при том, что подписание документа инициировано китайской стороной). За несколько дней до его подписания в Интернете появился документ на китайском языке. В нем с перечислением двух десятков названий разных публикаций категорично утверждается, что территориальные претензии Китая к России составляют не 1,5 млн, а 5,88 млн км^2, т.е. это территория практически всей Сибири до Урала включительно. Цзян Цзэминь объявлен «величайшим преступником, продавшим китайскую нацию», а Россия провозглашена «вековым врагом китайской нации». «Мы должны добиться обнищания России и ее непрерывных расколов».

Безусловно, данный документ – явная провокация, рассчитанная на срыв подписания договора, в первую очередь, его шестой статьи, которую можно расценить как официальный отказ китайского правительства от территориальных претензий к России. Многочисленные попытки найти авторов этого документа ни к чему не привели.

Однако существуют и другие работы, где отношение к России не всегда является положительным. Например, «География национальной безопасности Китая», ее авторы – Шэнь Вэйле и Лу Цзюньюань (Шэнь Вэйле – кадровый офицер вооруженных сил КНР, на момент издания книги являлся преподавателем кафедры стратегии Университета национальной обороны НОАК; Лу Цзюньюань, доктор наук, на момент издания книги работал в Институте (сегодня Академии) современных

международных отношений – аналитическом учреждении, которое входит в систему Министерства государственной безопасности КНР. Их книга была издана в 2001 г. с грифом «для служебного пользования», однако позднее она появилась в книжных магазинах Пекина). По числу упоминаний в этой книге Россия занимает одно из первых мест. Исторически авторы считают ее главным врагом Китая. По их утверждениям, в 1689 г. был подписан «равноправный Нерчинский договор», который определил границу между Китаем и Россией, однако в дальнейшем «Россия захватила более 1,5 млн км^2 китайской территории», в том числе в XXI в. она «захватила все пространство к северу от Великой китайской стены».

Распад СССР в целом авторы оценивают положительно (хотя отмечают, что после этого события на Западе усилилась тенденция враждебного отношения к КНР). «Из сверхдержавы Россия превратилась в державу регионального масштаба», «военная мощь России ослабла, что привело к улучшению ситуации в сфере безопасности» [5].

Китайские эксперты по России утверждают, что нынешние отношения России и Китая можно охарактеризовать словами *вверху жарко, а внизу холодно*. Это означает, что для официальных отношений, прежде всего, отношений лидеров обоих государств, характерна необычайно теплая атмосфера, в то время, как на уровне средств массовой информации из Китая в Россию и из России в Китай веет холодом.

Так, одна из самых массовых газет «Московский комсомолец» выпустила воскресный номер от 6-12 октября 2002 г. под огромным заголовком «Сибирь: кто остановит китайское нашествие?» Радиостанция «Эхо Москвы» 8 января 2002 г. провела опрос своих слушателей, задав им вопрос: «Что является большей угрозой для России: присутствие американских или китайских военных советников в Средней Азии?» Более 70 % ответили, что китайских. И только 9 % затруднились с ответом.

Газета «День» категорично продемонстрировала свое отношение к Китаю в одном из первых своих номеров, поместив статью под заголовком «Провинция Элофы». Газета убеждала читателей, что Китай намерен путем последовательного захвата российских территорий провести свою границу по Уралу.

«По некоторым данным, в ближайшие 20 – 30 лет на Дальний Восток и Сибирь всеми правдами-неправдами может проникнуть до 260 млн китайцев. Это примерно 20 % населения Китая, которые испытывают трудности с работой и активно ищут место под солнцем.

В течение первых десяти лет китайцы “захватят” приграничные районы от Владивостока до Барнаула. Проникновение будет происходить по всей протяженности российско-китайской и, частично, российско-монгольской границ.

Но эта территория тоже не сможет “выдержать” десятки миллионов иммигрантов, и они начнут двигаться в центр страны. По самым пессимистичным прогнозам, спустя еще 10 – 15 лет вся Сибирь и Дальний Восток до Урала будут во власти нелегальных или полулегальных китайских иммигрантов.

Эти процессы приведут к тому, что большая половина нашей страны превратится в китайскую провинцию Элофы («Россия» – кит.), и не исключено, что тогда наш восточный сосед решит предъявить территориальные претензии.

К тому времени, по прогнозам демографов, население России может сократиться примерно до 130 млн человек, т.е. в один далеко не прекрасный момент окажется, что выходцев из Китая на нашей территории в два раза больше, чем россиян» [3; С. 22].

При этом в газете не приведено никаких обоснований для столь категоричного прогноза. Более того, газета даже не использовала правильное название России по-китайски – Элосы. Однако нельзя отрицать тот факт, что китайская миграция (особенно нелегальная) на территорию России приобретает угрожающие масштабы и создает серьезную опасность для национальной безопасности Российской Феде-

рации. Это признают даже китайские специалисты.

Так, эксперт отдела Европы Шанхайского института международных исследований Хуашэн Чжао отмечает, что «в условиях увеличения численности китайского населения российский Дальний Восток с огромной территорией и малочисленным населением может стать естественным направлением миграции граждан КНР. По достижении определенного числа легально или нелегально переселившихся китайцев возникнет вероятность превышения их численности по сравнению с численностью местного населения. В этих условиях Россия может утратить контроль над Дальневосточным регионом или этот регион, возможно, будет поглощен Китаем» [5; С. 731].

Угроза национальной безопасности РФ в данном случае обусловлена разницей демографического потенциала – населенный Северо-Восточный Китай и пустеющие Сибирь и Дальний Восток. В российских приграничных регионах происходит постоянное увеличение численности китайских диаспор. Безусловно, в современных условиях Россия не может отгородиться от остального мира, в том числе и от Китая. Следовательно, стратегическая задача России – завершение освоения Сибири и Дальнего Востока. В настоящее время этот регион является одним из самых слабых звеньев в геополитической и геоэкономической структуре Российской Федерации.

В октябре 2004 г. состоялся визит Президента РФ в КНР. 14 октября В.В. Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместное заявление, в котором отметили, что линия государственной границы между Россией и Китаем уже точно определена на всем ее протяжении, и это признается обоими государствами. Безусловно, это важный шаг в развитии двусторонних отношений, т.к. до этого времени во всей почти четырехвековой истории двусторонних отношений России и Китая никогда не было точно определенной линии границы, признаваемой обеими сторонами. Это позволяет развивать двусторонние отношения на более прочной основе и создает предпосылки для успешного согласования возможных направлений российско-китайского глобального и регионального партнерства.

Также в заявлении особо подчеркивается, что углубление отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем вне зависимости от каких бы то ни было изменений международной обстановки будет оставаться преимущественным направлением их развития.

В этом документе отмечается значение сотрудничества двух стран в ООН, ШОС и других международных организациях в борьбе против международного терроризма, предотвращения распространения оружия массового уничтожения, нераспространения ядерного оружия, в вопросе о безъядерном статусе Корейского полуострова и др.

Ярким примером успешного поиска и формирования конкретных форм и механизмов сотрудничества на основе совпадающих интересов стало подписание в Москве 1 июля 2005 г. В.В. Путиным и Ху Цзиньтао «Совместной декларации о международном порядке в XXI веке». В этом документе отражен круг совпадающих взглядов России и Китая по основополагающим вопросам современного мироустройства. В декларации очерчиваются контуры общего видения перспектив развития человечества.

Стороны подтвердили свою приверженность формированию нового справедливого и рационального миропорядка, который должен основываться на примате международного права, многосторонних подходах, равенстве и взаимном уважении, повышении миротворческой роли ООН. Россия и Китай единодушно выступают против двойных стандартов в решении международных проблем, считают недопустимыми претензии на монополию в международных делах, навязывание извне моделей общественного развития, разделение стран на ведущие и ведомые.

В этом контексте уместно привести мнение Цзян Цзэминя, который в свое время под-

черкивал, что ведущей силой экономической глобализации являются развитые страны Запада. Они обладают мощным экономическим и научно-техническим потенциалом, держат в руках международные экономические организации, в их руках также сосредоточена и главная власть при определении правил мировой экономики. Они получают самые большие выгоды в ходе глобализации, в то время как масса развивающихся стран находится в неблагополучном положении. Развитые государства Запада всемерно продвигают свою модель развития, свою политическую систему и свою систему ценностей. Это приводит к тому, что и экономический суверенитет развивающихся стран, и их государственная безопасность оказываются перед лицом серьезных вызовов и угроз.

В связи с этим многие ученые и политики предсказывают неизбежный конфликт между США и КНР в XXI столетии, исходя из того, что исторически смена старого мирового лидера новым амбициозным соперником всегда сопровождается глобальными потрясениями, мировыми войнами и перекройкой карты мира.

Так, пекинский профессор Лу Ючжи пишет: «История международных отношений свидетельствует, что между новой и прежними сильными державами легко могут возникнуть конфронтация и конфликты. У поднимающихся держав, входящих в мировую систему, независимо от осознания этого, существует проблема необходимости определения заново правил, в выработке которых они не участвовали и которые не соответствуют их интересам. А старым, сильным державам часто трудно разделить с новой ту власть, которой они ранее единолично распоряжались. Поэтому в процессе стремительного осуществления Китаем модернизации теоретически есть проблема существования потенциального противника, возможность противостояния и конфронтации с Соединенными Штатами» [2; С. 553-554].

Однако пока отношения с США стоят особняком в китайской внешней политике. Китайское руководство называет их «приоритетом приоритетов» и «важнейшими из двусторонних отношений современного мира».

В официальных документах и научных работах КНР в последние годы получила распространение установка на «мирное возвышение» страны, что ориентирует, с одной стороны, на укрепление и усиление международного статуса Китая, а с другой – на то, что происходить это должно не через конфликт и обострение отношений с мировыми центрами, а через сотрудничество, использование существующих международных механизмов, а также их реформирование изнутри в своих интересах.

Сегодня и Россия, и Китай выступают в роли потенциально усиливающихся стран. Это вызывает настороженность и противодействие со стороны некоторых других участников мировой политики и побуждает РФ и КНР к взаимодействию для отстаивания каждой стороной своих национальных интересов и совпадающих интересов обеих сторон:

– заинтересованность в сохранении и обеспечении мира во всем мире и различных его регионах как необходимого условия для решения проблем развития в каждой из наших стран;

– взаимодополняющее сотрудничество в деле соразвития РФ и КНР, в первую очередь, Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая;

– совместная борьба против международного терроризма;

– противодействие навязыванию одной страной своей воли другим странам, проявлениям односторонности в политике, прежде всего, США, отстаивание многосторонности и многообразия во взаимоотношениях всех стран на планете;

– защита принципов международного права, особенно Устава ООН и др.

Такое совпадение интересов имеет долговременный стратегический характер и представляет собой важный аспект провозглашаемого и действительно необходимого обеим странам стратегического партнерства и взаимодействия на мировой арене в грядущие де-

сятилетия XXI в.

Важную роль в развитии российско-китайских стратегических отношений играет энергетический фактор. Особое значение для Пекина имеет обеспечение энергетической безопасности, диверсификация источников поступления в страну энергоресурсов за счет активизации северного направления. Эта задача особенно важна с учетом грядущих трудностей в области раздела ограниченных потоков мировых энергоресурсов.

Еще в 1990 г. Китай был в числе мировых экспортеров нефти (он занимал шестое место в мировом табеле), однако уже в 1993 г. он превратился в нетто-импортера, а к 2010 г. станет основным мировым импортером нефти.

А.Д. Воскресенский отмечает, что к 2020 г. Китай будет импортировать примерно 50…60 % необходимой ему нефти и 30 % природного газа. В результате с высокой долей вероятности можно прогнозировать такую ситуацию, когда КНР придется напрямую увязывать свою стратегию развития со стратегиями других государств из-за необходимости импорта энергетических ресурсов. Причем количество энергоресурсов, которое будет импортировать Китай в 2010-2020 гг., станет критическим для того, чтобы обеспечить его модернизацию и развитие.

Очевидно, что это будет напрямую влиять на стратегию развития страны, на политику других государств в отношении Китая и косвенно на проблематику трансформации мирового лидерства. Ожидается, что Иран, имеющий очень непростые отношения с США, станет вторым по объемам (после Саудовской Аравии) поставщиком нефти. Кардинальным образом возрастет значение России и Центральной Азии с точки зрения поставки энергоресурсов в КНР.

Уже сегодня китайское руководство придает энергетическим проблемам и выработке адекватной энергетической стратегии страны первостепенное значение. Об этом свидетельствует, в частности, учреждение специальной Государственной канцелярии по нефтяным резервам, Энергетического управления в составе Госкомитета по развитию и реформам, а также создание различными заинтересованными ведомствами Государственной проблемной группы по разработке энергетической стратегии.

Таким образом, перед Китаем будет стоять проблема обеспечения стабильного импорта энергоресурсов, и это станет одним из важнейших факторов его внешней политики и концепции национальной безопасности. КНР станет активным участником мировой энергетической геополитики и, соответственно, будет иметь прямой геополитический интерес в отношении Центральной Азии и северо-востока России, т.е. тех регионов, которые являются ключевыми для его энергетического развития [6].

Как отмечают Б.Н. Кузык и М.Л. Титаренко, Китай уже ощущает себя достаточно сильным, чтобы не бояться подъема России, опасения по поводу «угрозы с Севера» давно ушли в прошлое. Слабеющая Россия – гораздо более тревожная тема для китайских аналитиков.

Для Пекина чрезвычайно важно, что отношения с Россией в наименьшей степени (по сравнению со многими другими его партнерами) подвержены внешнему воздействию, прежде всего, со стороны США. В этом плане Китай остается одним из немногих государств, заинтересованных в том, чтобы наша страна сохранила и упрочила статус великой державы, что служит гарантией принятия Россией независимых решений в различных сферах [2; С. 571].

На сегодняшний день Китай уже играет важную роль в формировании облика и контуров не только Восточной Азии, но и мирового сообщества в целом. Еще Наполеон Бонапарт как-то сказал об этой стране: «Там лежит гигант. Пусть спит! Когда он проснется, он сотрясет мир». В конце XIX в. государственный секретарь США Дж. Хэй высказал аналогичную мысль: «Мир на Земле опирается на Китай. Кто понимает Китай с точки зрения социаль-

ной, политической, экономической, религиозной, тот держит ключ к мировой политике на последующие пять столетий» [7].

Итак, Китай является влиятельным членом мирового сообщества, державой с большим экономическим, политическим, военным и, главное, духовным потенциалом, что обусловливает необходимость развития отношений добрососедства между РФ и КНР. В новом глобальном контексте отношения наших стран, от позиций которых по кардинальным вопросам международных отношений во многом зависит как структура нового миропорядка и глобальная безопасность, так и региональная безопасность в Восточной Азии, не должны быть отношениями противостояния. Это определяется объективными особенностями современной международной обстановки, совпадающими интересами обеих сторон и их стремлением координировать в той или иной степени свои действия по ключевым направлениям.

Спектр стратегического взаимодействия КНР и РФ в XXI столетии чрезвычайно широк, он носит и региональный, и глобальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.) / С.Г. Лузянин. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. – С. 320.

2. Кузык Б.Н. Китай-Россия-2050: стратегия соразвития / Б.Н. Кузык, М.Л. Титаренко. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – С. 567.

3. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции / В.Г. Гельбрас. – М.: Муравей, 2004. – С. 13.

4. Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы / Ю.Н. Гладкий. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 726.

5. Румянцев Е.Н. Геополитические идеи современного Китая / Е.Н. Румянцев // География национальной безопасности Китая: экспресс-информация ИДВ РАН. – М.: ИДВ РАН, 2007. – № 7 (140). – С. 9.

6. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности / А.Д. Воскресенский // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. – М.: МГИМО, 2007. – С. 34 – 35.

7. Гаджиев, К.С. Геополитические горизонты России / К.С. Гаджиев. – М.: Экономика, 2007. – С. 436.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Арсентьева Ирина Ильинична, к. филос. н., доцент кафедры востоковедения, Читинский государственный университет (ЧитГУ), airen1@yandex.ru

Arsentyeva Irina, Doctor of Philosophy, associate professor of Oriental Studies Department, Chita State University, airen1@yandex.ru

Научные интересы: национальная и региональная безопасность, национальная безопасность Российской Федерации, социальная экология

Scientific interests: national and regional security, national security of Russian Federation, social ecology

УДК 237.7

С.М. Крылов
S. Krylov

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

THE TRANSFORMATION OF «TRANSATLANTIC SECURITY» NOTION

Рассматривается изменение понятия «трансатлантическая безопасность» вследствие актуальных тенденций развития мирового сообщества, что повлекло за собой узкое и широкое понимание феномена

The article considers the change of the notion «transatlantic security» because of world community development urgent tendencies. It entailed narrow and broad sense of this phenomenon

Ключевые слова: *трансформация, трансатлантическая безопасность, НАТО, атлантизм, угрозы*

Key words: *transformation, transatlantic security, NATO, atlantism, threats*

Понятие «трансатлантическая безопасность» с начала 1990-х гг. претерпело существенные изменения. Ранее оно затрагивало, прежде всего, территориальный аспект безопасности, т.е. ограничивалась территорией, на которой располагались атлантические государства, подписавшие в 1949 г. Североатлантический договор. Поэтому можно было говорить о зоне ответственности НАТО в узком понимании термина.

В узком смысле под трансатлантической безопасностью понималась сфера ответственности НАТО, как регионального военно-политического блока. Границы этой ответственности были очерчены ст. 5 Североатлантического договора 1949 г.

Говоря об изменении понятийной сферы, мы имеем в виду, что вместо понятий: «атлантический мир», «атлантизм», все чаще используются понятия «евроатлантизм», «трансатлантизм». Если прежняя дефиниция четко подразумевала территорию членов союза, а также Атлантику и Средиземноморье, то новое определение более расплывчато и расширяет зону ответственности союза. С одной стороны, оно предполагает, что угрозы членам альянса, в том числе и невоенного характера, могут исходить из сопредельных территорий Западной Европы (беженцы из Косово, курды и т.д.); с другой, – оно фактически включает в себя пространство, занимаемое государствами, в той или иной степени сотрудничающими с НАТО. Это означает, что новое понятие охватывает, по крайней мере, всю Европу (а не только членов альянса). На самом деле гораздо больше, поскольку сюда входят Россия, включая ее азиатскую часть и многие постсоветские государства, в том числе и не имеющие отношения к Европе. Конечно, это не означает, что отныне на эти государства распространяются положения ст. 5 Вашингтонского договора 1949 г. о коллективной обороне. Но прецеденты участия войск НАТО в разрешении кризисных ситуаций в Косово, Афганистане, Ираке, размещение военных баз в Средней Азии и др. примеры, свидетельствуют, что в расширенную трансат-

лантическую зону, составляющую сферу интересов альянса, входят государства, не обязательно граничащие или сотрудничающие с НАТО.

Расширение зоны ответственности НАТО выражается и в модификации понятия «коллективная оборона». Традиционно она предполагала коллективную оборону территории государств-членов союза. Нападение на ту или иную страну считалось нападением на всех членов альянса. Теперь конкретный территориальный аспект коллективной обороны все чаще подменяется более расплывчатым понятием «защита коллективных интересов». В официальном справочнике НАТО 1995 г. уже утверждалось, что «Североатлантический союз всегда представлял собой политическое сообщество, призванное способствовать защите общих интересов» [1]. Таким образом, трансатлантическая безопасность в расширительном понимании – это не только коллективная защита территории своих стран от агрессии извне, но и защита их интересов, что значительно шире понятия «коллективная оборона».

Наряду с этим происходит и пространственное расширение зоны ответственности НАТО за счет включения в нее новых стран-членов, на которые распространяются обязательства и гарантии по Вашингтонскому договору 1949 г., в том числе и ядерные гарантии США своим союзникам. Трансатлантическая безопасность – это, кроме всего прочего, и разветвленная военная инфраструктура НАТО, включающая систему региональных и субрегиональных командований, связи и информации, тылового обеспечения, транспортных возможностей, позволяющих быстро реагировать на развитие событий и перебрасывать из одного района в другой боевые части и средства из поддержки.

Однако в наибольшей степени расширение понятия «трансатлантическая безопасность» проявляется в том, что она распространяется на те области, которые ранее были либо сферой национальных суверенитетов, либо сферой ответственности исключительно ООН. Это, прежде всего, вопрос о нарушении прав человека в тех или иных странах, прав национальных меньшинства, вплоть до образования собственной государственности, их право на самоопределение, сохранение территориальной целостности государства, возможный их распад, его последствия и особенно проблема миротворчества на всех его стадиях – предупреждение конфликта, управление им, его разрешения, принуждения к миру и т.д.

В зарубежной научной литературе широко дискутируются проблемы взаимоотношений внутри трансатлантического Альянса. Можно выделить два направления:

1) еврооптимистов;

2) европессимистов.

Еврооптимисты (Ф. Бергстен, У. Пфафф) ожидают быстрого продвижения ЕС к положению одного из бесспорных мировых центров. Они убеждены, что Евросоюз является «единственным актором на международной арене, способным бросить серьезный вызов США» [2]. Американский исследователь У. Уоллес говорит о двойственности процесса западноевропейской интеграции, о «страхе США перед превращением Европы в подлинного глобального соперника» [3].

Чтобы избежать сценария противостояния США и ЕС, еврооптимисты предлагают привлечь Западную Европу к «управлению миром» – сформировать глобальный кондоминиум двух относительно независимых западных регионов.

Г. Киссинджер [4] считает, что создание ЕС – это реакция на расширение влияния США, статус которых как доминирующей державы автоматически порождает в других странах стремление к большей независимости.

Вместе с тем, среди европейских исследователей есть те (Ч. Грант, С. Эвертс [5]), кто считает, что самоутверждение двух берегов Атлантики как независимых полюсов силы нежелательно. И США, и Европа нуждаются в союзниках. У них много мотивов для сотрудничества и в экономике, и в военно-стратегических вопросах.

Европессимисты (И. Кристол, Ч. Лейн) полагают, что западноевропейские столицы вольно или невольно обменяли углубление интеграции на ее расширение, поэтому в ближайшее время внутреннее сближение будет ослаблено и «Америке не следует бояться появления соперника» [6].

Российские исследователи также рассматривают проблемы трансатлантического сотрудничества. В 1990-х гг. наибольшее внимание отечественных ученых привлекла проблема расширения НАТО. Работы А.И. Уткина, В. Козина, Ю. П. Давыдова [7], написанные на рубеже XX-XXI вв., объединяет критическая оценка действий Североатлантического Альянса, создающих угрозу безопасности России. Труды отечественных авторов А.Г. Арбатова, П.Л. Иванова, А.А. Кольтюкова [8], опубликованные в более поздний период, отличает попытка осмысления новой роли НАТО в современных международных отношениях, выявить позитивные и негативные стороны деятельности организации.

Важно проследить за тем, как оцениваются отношения США и ЕС российскими экспертами. Как и многие западные политологи, В.Л. Иноземцев утверждает, что «в лице ЕС Соединенные Штаты получили гораздо более опасного соперника, чем имели ранее» [9]. А.И. Уткин [10] заявляет о возможности европейского вызова для США. Л.И. Глухарев утверждает, что «Америка и Европа развиваются как различные и неидентичные центры силы и полюса развития» [11]. Е.М. Примаков признает, что в современном мире тяготение к евроцентру постоянно берет верх над трансатлантической ориентацией Европы. Ю.А. Борко и О.В. Буторина также отмечают, что «роль Евросоюза, как очага стабильности в Европе и центра притяжения для европейских государств, за его пределами возрастает» [12].

Отношения между НАТО и ЕС в области политики безопасности пока не урегулированы. С одной стороны, европейцы хотят стать более самостоятельными. С другой – вовсе не собираются отказываться от структуры НАТО, в том числе и командно-штабной. В целом, трансатлантические связи для Европы очень важны хотя бы потому, что только США на данный момент могут предоставить вооружения и технику, не имеющуюся в Европе. Европейская политика безопасности и обороны зависит от НАТО, т.к. осуществление операций возможно лишь при использовании средств альянса. Тем не менее, на европейском политическом поле мы встречаем и сторонников автономной европейской безопасности (Франция, Германия), и сторонников самого тесного трансатлантического партнерства (Великобритания).

В политической науке и практике нет единства во взглядах на трансатлантическую безопасность, место в ней ЕС, США, перспективы сотрудничества России с Америкой и Европой. С момента распада СССР отношения в НАТО претерпели несколько трансформаций, которые послужили причиной расширения понимания географии и ответственности альянса.

Трансатлантическая безопасность в узком смысле – зона и пределы ответственности Организации Североатлантического договора, очерченная границами ее членов и традиционными угрозами безопасности. Сегодня понятие «зона ответственности» включает более широкое толкование. Расширение понятия происходит как по горизонтали (охват территорий), так и по вертикали (подразумевается новая проблематика и новые сферы активности). Трансатлантическая безопасность, в широком смысле, – это не только коллективная оборона ее членов, но и защита интересов членов и союзников НАТО в любой точке земного шара. Она предполагает не только расширение географических границ ответственности Альянса, но и расширительное толкование сфер ответственности: защита прав человека, прав национальных меньшинства, вплоть до образования собственной государственности, миротворчество, борьба с терроризмом и распространением ОМУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАТО: Справочник / Бюро информации и печати НАТО. – Брюссель, 1995. – С. 22.

2. Bergsten F. America and Europe: Clash of Titans? // Foreign Affairs. 1999. – Mar.-Apr. – P. 20-31. Pfaff W. The Comming Clash of Europe with America // World Policy Journal. 1998/1999. Winter. – P.13-22.

3. Wallace W. Misunderstanding Europe // Foreign Affairs. 1999. Nov. –Dec. – P. 59-66.

4. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Г. Киссинджер. – М., 2002. – С. 23.

5. Everts S. America and Euroland // World Policy Journal. – 1999/2000. Winter. – P. 7.

6. Kristol I. Who now cares about NATO? // Wall Street Journal. 1995. Febr. 6. – P.8.

7. Уткин А.И. Америка реформирует НАТО / А.И. Уткин // США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. – М.: Наука, 2000. Козин В. Кремль и НАТО / В. Козин // Международная жизнь. – 2000. № 4. – С. 97-127. Давыдов Ю.П. Расширение зоны ответственности НАТО / Ю.П. Давыдов // США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. – М.: Наука, 2000. – Глава 5. – С. 120-145.

8. Арбатов А.Г. Сотрудничество России с Западом и антитерроризм / А.Г. Арбатова // Современная Европа. – 2002. – № 2. – С. 11-22. Иванов П.Л. Трансформация НАТО: век нынешний и век минувший / П.Л. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 1. – С. 10-21. Кольтюков А.А. Военная политика стран НАТО на Балканах и обеспечение безопасности России на рубеже XX-XXI вв. / А.А. Кольтюков. – М.: Академический проект, 2006. – 479 с.

9. Иноземцев В.Л. США и ЕС в новом столетии: союзники или соперники / В.Л. Иноземцев // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 9. – С. 10-21.

10. Уткин А.И. Два берега Атлантики / А.И. Уткин // США-Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 2. – С. 34-43.

11. Европейская интеграция. Большая Гуманистическая Европа и культура // Под ред. Л.И. Глухарева. – М., 1998. – С. 41.

12. Борко Ю.А. Перспективы Евросоюза в новом веке / Ю.А. Борко, О.В. Буторина // Современная Европа. – 2001. – № 3. – С. 20-29.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Крылов Сергей Михайлович, аспирант кафедры политических процессов, Тихоокеанский институт политики и права, Дальневосточный государственный технический университет (ДВГТУ), Tachinni@mail.ru

Научные интересы: международные отношения, трансатлантическая безопасность

Krylov Sergey, graduate of Political Processes Department, Pacific Institute of Politics and Law, Far Eastern State Technical University, Tachinni@mail.ru

Scientific interests: international relations, transatlantic security

УДК 321.6/8

Е.А. Маркова
E. Markova

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В 90-Х гг. XX В.

BECOMING OF THE RUSSIAN STATEHOOD IN 90-S OF XX CENTURY

Проанализировано становление и функционирование системы федерального государственного управления в Российской Федерации на основе принципа разделения властей как фундаментального базиса, заложенного в Конституции Российской Федерации 1993 г. Оценена рациональность и возможная трансформация принципа разделения властей с учетом накопленного российского опыта

There is an analysis of formation and functioning of federal public administration system in Russian Federation on basis of separation of powers as a fundamental foundation, laid in the Russian Federation Constitution of 1993. Rationality and available transformation of separation of powers is estimated subject to Russian know-how

Ключевые слова: *государство, власть, президент, парламент, политическая партия, конституция, перестройка, демократия*

Key words*: state, authority, president, parliament, political party, constitution, restructuring, democracy*

Движение России по демократическому пути развития и взаимодействие ее государственных властных институтов значительно отличаются от того, по которому прошли европейские государства или Соединенные Штаты Америки.

Безусловно, они и не могут быть похожими в силу различного исторического и социального развития, менталитета граждан, экономического положения государств и множества других факторов. 12 декабря 1993 г. Россия выбрала на референдуме свой путь республиканского развития. Принцип разделения властей был заложен базовым фундаментом в Конституцию Российской Федерации. За последние пять лет этот принцип активно видоизменялся.

Конституция РФ 1993 г. юридически закрепила принципы законности, соблюдение прав и справедливых интересов личности, обеспечение этих прав и интересов. Но реально правовое государство сможет осуществиться только тогда, когда все эти принципы будут воплощены в жизнь.

Это зависит, прежде всего, от целенаправленной и эффективной деятельности государственной власти.

Начало 90-х гг. XX в. ознаменовало в России новую веху общественно-политического развития. Россия перешла к рыночной экономике, при этом полностью сменив систему государственного управления. Начатая в середине 80-х гг. XX в. М. Горбачевым перестройка не принесла желаемых результатов, а лишь способствовала распаду некогда мощного государства, которое к концу 80-х гг. ускоренно приближалось к экономическому и политическому кризису. Одним из возможных вари-

антов реставрации государственной системы Советов была парламентская республика с сильной президентской властью. Однако мягкая трансформация не была реализована в большей степени из-за стратегической несовместимости советского государственного устройства и тех принципов, на которых строится правовое государство в демократических странах. В дальнейшем, уже в Российской Федерации, противоборство между законодательной и исполнительной властями в 1992-1993 гг. лишь продемонстрировало весь комплекс несовместимости представительной власти советского типа Верховный Совет РСФСР с нарочито привитым на российскую почву институтом президенсиализма.

Для значительной части населения СССР экономический кризис ассоциировался с социалистическим советским строем, а также «направляющей» ролью КПСС. Поэтому события 19-21 августа 1991 г., ознаменовавшие появление Государственного Комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР), целью которого было вызвать контрмеры к непоследовательным действиям Президента СССР М.С. Горбачева, воспринялись большинством населения крайне отрицательно.

Последовавшее вскоре за этим подписание 8 декабря 1991 г. Б. Ельциным, С. Шушкевичем и Л. Кравчуком соглашение о создании Содружества Независимых Государств лишь юридически закрепило реально сложившуюся ситуацию. Хотя юридически-правовая оценка этих событий далеко не тривиальна.

Закон РСФСР «О Президенте РСФСР» от 24 апреля 1991 г. не допускал легитимности подписанных от имени президента договоров без ратификации Верховным Советом: «Президент РСФСР: ведет переговоры и подписывает от имени РСФСР международные и межреспубликанские договоры, которые вступают в силу после ратификации Верховным Советом РСФСР», (п. 10, ст. 5) [1; 110].

Правда, договор, подписанный Б.Н. Ельциным – главой исполнительной власти – не был ратифицирован Верховным Советом, т.е. законодательной властью. Но, тем не менее, данный прецедент имел место быть, и отчасти повлиял на доминирование президентской и исполнительной власти над законодательной.

Распад некогда великого государства, произошедший во многом вследствие «политической дистрофии» и безволия Президента Советского Союза, угроза развала не только СССР, но и РСФСР, острота происходящих событий начала 90-х гг. – все эти факторы послужили тому, что новым Президентом Российской Федерации уже не мог стать слабый и безвольный политик.

Обществу было продемонстрировано, что происходит, когда руководитель страны не в состоянии принять государственного и политического решения, а весь свой политический потенциал тратит на демагогию и поиск безрезультатных компромиссов. Именно сильную личность, способную уничтожить старую, как казалось многим, неработоспособную и изжившую себя систему, хотело видеть общество на посту Президента РФ. Именно такими качествами обладал Борис Ельцин. Многим казалось, что не нужно ничего строить, а нужно только разрушить советский режим, а демократия и процветание страны придут уже сами собой.

Глубокая социально-политическая трансформация, происходившая в Советском Союзе на протяжении 1985-1991 гг., приобрела иные формы, нежели задумывали ее авторы. Изменилось не только название власти, изменилась ее суть, формирование и представление людей о самом механизме государственного управления. Помимо изменения государственного строя и смены плановой экономики на рыночную, изменились институты власти всех уровней.

В дальнейшем политическое противостояние между Президентом РФ и Верховным Советом, при отсутствии необходимой законодательной базы, кроме «подправленной» советской Конституции РСФСР и Федеративного договора, привело к конфликту 21 сентября – 4 октября 1993 г. Сложившийся политический

дуализм между законодательной и исполнительной (в данном случае президентской) властями был обусловлен и отсутствием должной законодательной базы, и политическими амбициями лидеров конфликтующих сторон. Одним из вариантов разрешения конфликта было проведение одновременных досрочных парламентских и президентских выборов и принятие новой конституции страны. Но большинство парламентариев во главе с Р.И. Хасбулатовым рассчитывали на передел властных полномочий путем объявления импичмента президенту и замены несгибаемого Б.Н. Ельцина на более сговорчивого А.В. Руцкого.

Однако после произошедших событий у Президента РФ Бориса Ельцина сосредоточилась неограниченная власть.

Анализ данных событий во многом может послужить ключом к пониманию дальнейшей трансформации политической ситуации в России.

Октябрьский кризис 1993 г. возник не сразу и не на пустом месте. По сути, *Россия на отрезке 1991-1993 гг. прошла путь республики смешанного, парламентско-президентского правления*. Именно в этот период зародились такие опаснейшие для России политические проблемы, как сепаратизм отдельных субъектов России (Башкортостан, Татарстан, Чечня, Якутия и др.) – «парад суверенитетов», который продолжался вплоть до 2000 г. и заключался, в основном, в «выбивании» из центра расширенных полномочий, почти равносильных полномочиям суверенных республик в областях государственного и экономического управления, в ущерб общероссийским федеративным интересам;

– неуправляемость государственной власти на вертикальном уровне «сверху – вниз», – борьба за главенство между федеральными ветвями власти на горизонтальном уровне, за превосходство и доминирование;

– катастрофическая коррупция в высших эшелонах власти;

– юридически-правовой вакуум.

Об эффективности руководства в таких условиях не приходится говорить. Хотя принцип разделения властей вообще является не средством, как таковым, эффективного управления и не означает полную самостоятельность ветвей власти, он направлен, прежде всего, на выравнивание сбалансированности и взаимодополнения властей друг другом, что и должно служить основой гражданского правового государства.

В течение всего существования Страны Советов общество фактически в основной своей массе не интересовалось политикой, но не по причине «ущербности и безволия». Сама власть создала такую систему, в которой общество было отделено от власти. Даже если бы Советы в том виде, в котором они существовали, обладали более значимыми полномочиями, уже даже в этом случае переход государства к демократическому правлению, разделению властей и построение гражданского общества не были бы такими затяжными и трудными. Но в советском государстве, по большому счету, все стратегические вопросы решала партийная номенклатура разных уровней, а не граждане. Именно поэтому до сих пор российскому менталитету так трудно привить гражданские позиции и заставить власть служить обществу и интересам государства.

Только стечение обстоятельств, вызванное, в основном, тяжелейшей экономической ситуацией, побудило определенные социальные пласты населения активно принимать участие в политических процессах в 1990-1991 гг.

Конфликт властей в сентябре-октябре 1993 г. носил явно верхушечный характер. Хотя Верховный Совет и поддержали 53 региона, эта поддержка носила декларативный характер. При этом региональные элиты опасались, прежде всего, за потерю своих позиций в случае ликвидации Верховного Совета, а не за сохранение в стране представительно-законодательной власти как таковой.

Действительно, ведь ни один регион не предпринял радикальных мер протеста в поддержку законодательной власти. Не говоря уже об обществе, кроме группы депутатов и им со-

чувствующих, засевших в Белом доме, а также немногочисленных отрядов боевиков и маргинальных элементов, громящих все на своем пути, реальной поддержки у народных избранников не было. Ни митингов протеста, ни забастовок, ни блокирования магистралей и железнодорожных дорог не было.

Законодательная ветвь была уничтожена при полном безразличии широких общественных слоев. На этом и закончилось краткосрочное развитие России по пути парламентско-президентской республики.

Думается, что произойди подобная ситуация с парламентом любой европейской страны, это бы не осталось без внимания и активного участия широких социальных слоев общества. Но только не в России. Именно пассивная гражданская позиция общества по отношению к критике власти, привитая населению советским строем, явилась одной из причин безразличия народных масс по отношению к глобальному конфликту в высших эшелонах власти.

Созванное вскоре конституционное совещание по инициативе Президента РФ, спешно выработало новый проект Конституции РФ, хотя и есть сомнение, что проект конституции вырабатывался этим органом самостоятельно. Более реальным видится, что проект Конституции РФ, отличный от проекта, который представлялся Верховному Совету, корректировался под влиянием администрации президента. Таким образом, Конституция РФ, действующая в настоящее время, принималась в условиях «президентского абсолютизма». Она была подстроена под конкретные реалии того времени. Приведем мнение экс–Президента СССР М.С. Горбачева: «… сейчас действительно патовая ситуация: с одной стороны, у нас, в России, суперпрезидентская республика, где вся власть сосредоточена у президента, а с другой – он не в состоянии справляться со своими обязанностями» [3; С. 20].

Таким образом, при зарождении молодого демократического российского государства сложился определенный парадокс: в Декларации о государственном суверенитете РСФСР говорилось о том, что «Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства» [1; С. 12]. С другой стороны, Конституция Российской Федерации принималась на референдуме при отсутствии законодательной власти, что позволило избежать внесения поправок в законопроект со стороны парламентского института, а в обществе уже педалировалась социальная установка принятия «не важно какой, но новой» конституции. В итоге после 1993 г. президентская – исполнительная вертикаль власти осталась и окрепла, чему также способствовало дальнейшее размежевание функций между президентом и правительством, а законодательная власть ослабла. Это и предопределило развитие России по пути президентской республики (рис. 1). Именно после 1993 г. президент был выделен в отдельную вертикаль власти, стоящую над всеми другими властными институтами.

Важным моментом в развитии российского парламентаризма стала ликвидация иерархической структуры представительной власти. На смену системе Советов пришли независимые представительные органы местного и регионального уровней. Федеральное Собрание – высший законодательный орган двухпалатный, с независимыми палатами, обладающими различными полномочиями, дифференцированными по своим функциям, а также способу формирования.

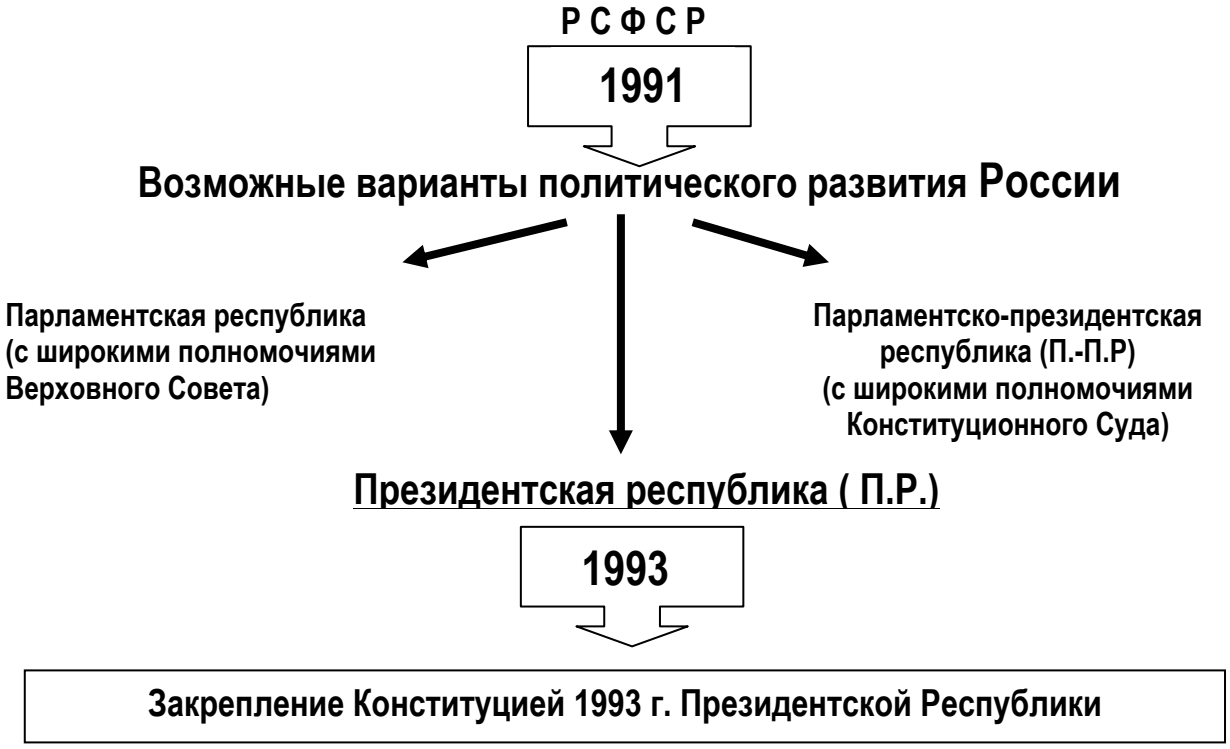


Рис. 1. *Возможные варианты республиканского развития России до 1993 г.*

Исходя из изложенного, этап становления и окончательного формирования России как президентской республики можно охарактеризовать следующими положениями:

1) поэтапная «мягкая» трансформация Советского Союза в парламентско-президентскую конфедерацию, которую поначалу замышляли руководители государства, изначально была обречена на провал в силу антагонизма природы и характера организации государственной власти в социалистическом советском государстве и в государстве, где власть подчинена реальному принципу разделения властей и системе сдержек и противовесов;

2) двухлетний период существования в России парламентско-президентского типа правления ознаменовался порождением массы политических проблем, часть которых удалось разрешить только спустя более чем через десять лет;

3) поочередное обращение исполнительной и законодательной власти к регионам за политической поддержкой в 1993 г. окончательно ослабило авторитет и имидж Центра, что привело к тому, что региональные элиты открыто стали предпринимать шаги к суверенизации, превращения в государственные образования не только национальных регионов, но и исконно русских по этническому составу краев и областей;

4) неспособность Верховного Совета решать государственные задачи не давала оснований Б. Ельцину разгонять парламент таким варварским способом;

5) игнорирование Президентом РФ постановлений Конституционного Суда в октябрьском конфликте, а также положение, в которое был поставлен его Председатель В.Д. Зорькин, после произошедших событий негативно отразилось на становлении Конституционного Суда. Однако положительным моментом в дальнейшем явился взвешенный государственный, а не политический подход Конституционного Суда при вынесении решений в

спорах между субъектами власти;

6) конфликт между законодательной властью и президентом обречен был рано или поздно произойти, так как советский тип формирования и функционирования государственных органов власти и тип государства, в котором главенствует «принцип разделения властей» не могут сосуществовать друг с другом. Поэтому попытка привить элементы западного типа (как институт президента) в Российской Федерации, без коренной трансформации законодательно-представительной власти (сохранение Верховного Совета РСФСР), закончились политической катастрофой;

7) после 1993 г. Российская Федерация была окончательно модифицирована в президентскую республику;

8) важным моментом в становлении законодательно-представительной власти явилась ликвидация ее вертикального построения, выражавшаяся в системе Советов. Данный факт послужил становлению и укреплению федерализма в России. Высший законодательный орган стал двухпалатный (Государственная Дума и Совет Федерации), палаты которого различны по способу формирования и набору функциональных полномочий. Региональные законодательные собрания и Думы не являются теперь подчиненным звеном вышестоящих инстанций. Низшее же звено власти – муниципальные органы местного самоуправления почти столь же самостоятельны и обладают своей организационной структурой и определенной долей прав.

Институт партийного правительства, характерный для европейских государств, так и не сформировался в России. Хотя некоторые высокопоставленные члены нынешнего российского правительства и являются членами партий, тем не менее, их пребывание в правительстве не является следствием их партийной принадлежности. Следствием отсутствия практики партийного формирования правительства, безусловно, можно считать незавершенность становления партийной системы. С усилением влияния политических партий допустимо перенесение политического центра тяжести принятия решений из Администрации Президента и Государственной Думы в Политсоветы и Исполкомы партийных структур. Но до 2005 г. говорить о существенном влиянии партий на политический процесс не приходится. Если, конечно, не считать ту оперативность и легкость, с которой стали проходить правительственные и президентские законопроекты в Государственной Думе, после победы на думских выборах в 2003 г. пропрезидентской партии «Единая Россия». По всей видимости, существует опасность перерождения законодательного органа в фактически однопартийный орган.

О неразвитости и нестабильности партийной системы в России свидетельствует, например, такой факт, что только две партии сохранили парламентское представительство, начиная с первых выборов в 1993 г.: Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и Либерально-демократическая партия Российской Федерации (ЛДПР). При этом, как правило, в России после того, как партия не проходит в парламент, она практически прекращает свое существование, и деятельность этой партии вне парламента достигает минимального общественного резонанса. Один лишь раз в России было сформировано коалиционное партийное правительство (1998 г.). Однако такая тенденция не прижилась в силу социально-корпоративных причин, политической клановости того времени и т.д.

Длительное время в СССР судебная власть находилась фактически под опекой партийной номенклатуры. Отбор судей, их назначение, содержание и характер выносимых решений предопределялись партийно- политическими установками. В таких условиях нельзя было и предполагать наличие независимости и органов правосудия. Конституционное закрепление правосудия, как отдельной самостоятельной и независимой судебной власти, впервые было зафиксировано 15 декабря 1990 г. поправками к Конституции РСФСР. 28 июня 1991 г. Верховным Советом принят, а 12 июля

1991 г. Съездом народных депутатов утвержден Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР». Первый Конституционный Суд довольно активно проявлял свое участие в разрешении споров между законодательной, исполнительной и президентской властями, но постепенно превратился из органа конституционного [4; 25] правосудия в орган политического воздействия. Первый Конституционный суд стал, по сути дела, участником политического процесса, хотя должен был оставаться его *арбитром* [4; 155]. Нарушались процессуальные и регламентные нормы, судьям долгое время не выплачивалась зарплата. Конституционный суд должен являться базовым фундаментом российского правового государства, служить обеспечению политической стабильности и политической культуры, способствовать развитию демократических институтов и основ гражданского общества.

Многие замечания касаются дисбаланса ветвей власти. Конституция содержит ряд неопределенностей, поправки в конституцию необходимы и, в первую очередь, в статьи, детализирующие функции и полномочия субъектов федеральной государственной власти.

Допустив ряд неопределенностей в формулировках некоторых весьма важных статей конституции, авторы проекта создали предпосылки для преобразования России из «президентской» республики в «суперпрезидентскую».

При раскрытии спорных вопросов статей конституции решающее слово имеет Конституционный Суд Российской Федерации, формирование которого в значительной мере зависит от президента. Часть 1 ст. 128 Конституции РФ гласит: «Судьи Конституционного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации» [1; 28].

Конституционный Суд на протяжении 90-х гг. оставался в водовороте политических событий и от его решений во многом зависела политическая стабильность в государстве. Однако Конституционный Суд, руководствуясь новым законом о КС РФ от 1994 г., уже не допускал тактические и политические ошибки своего предшественника.

Характерный эпизод, повлиявший на дальнейшее усиление президентских полномочий, закрепленных постановлением Конституционного Суда, произошел в июне 1998 г. при представлении Президентом на пост Председателя Правительства РФ С.В. Кириенко. Согласно ч. 4 ст. 111 Конституции РФ президент имеет право три раза вносить кандидатуру на должность Председателя Правительства, хотя из текста конституции не очевидно, должен ли президент в случае отклонения Государственной Думой предложенной кандидатуры вносить новую или может два или даже три раза подряд представлять одного и того же человека. Конституционный Суд РФ в своем постановлении № 28 – от 11 декабря 1998 г. определил, что «… Президент Российской Федерации при внесении в Государственную Думу предложений о кандидатуре на должность Председателя Правительства Российской Федерации вправе представлять одного и того же кандидата дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата» [1, 122]. При том, что из ч. 4 ст. 111 Конституции РФ, действительно, не очевидно должен ли Президент РФ представлять каждый раз новую кандидатуру или может представлять трижды одну и ту же, вызывает недоумение постановление Конституционного Суда РФ, так как этим решением ущемляется право законодательной власти на участие в формировании исполнительной, а также ставится под сомнение адекватность реализации принципа разделения властей.

Именно в 1998 г. Россия могла модифицировать форму республиканского правления хотя бы незначительно в сторону парламентских институтов, и одним из оснований для этого было бы сохранение правительства Е. Примакова, а также возможное право Государственной Думы отклонять несколько раз, без угрозы для своего роспуска, предложенные президентом кандидатуры на пост премьер-министра (рис. 2).

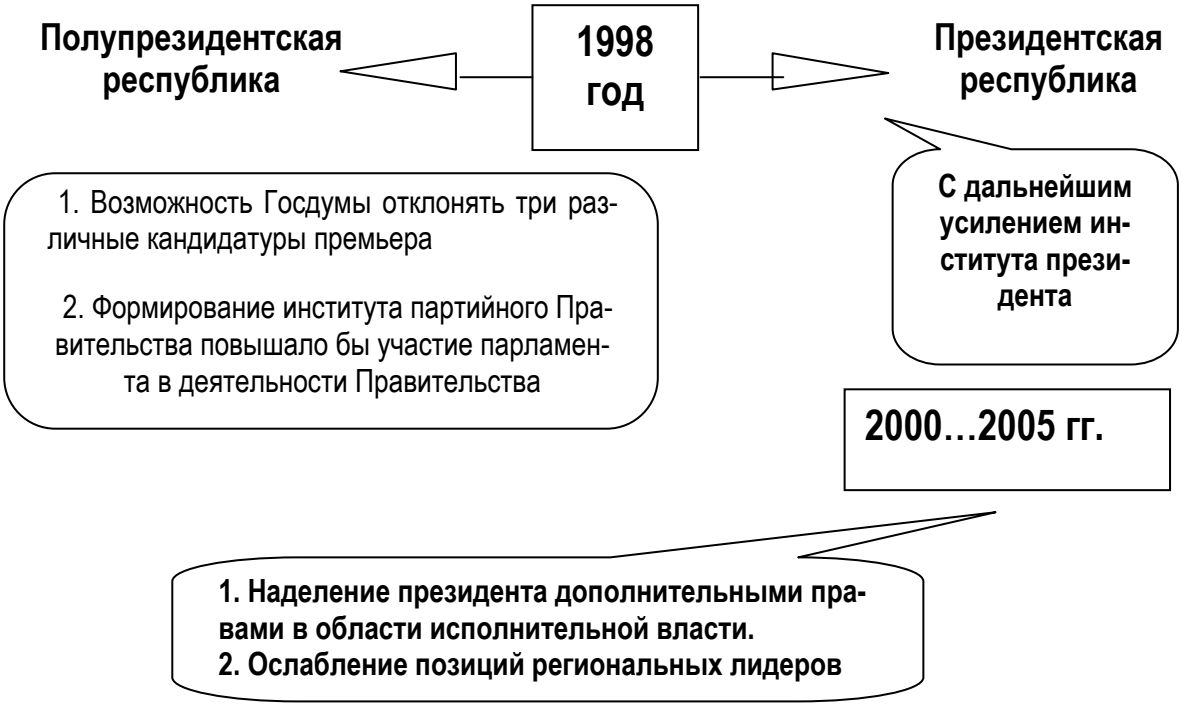


Рис. 2. *Варианты политического развития событий после 1998 г.*

В 1999 г. создался прецедент в отношении отстранения от должности Генерального прокурора Российской Федерации Ю.И. Скуратова. Согласно ч. 2 ст. 129: «Генеральный прокурор Российской Федерации назначается на должность и освобождается от должности по представлению Президента Российской Федерации». Но Б.Н. Ельцин отстранил Генерального прокурора без санкции Совета Федерации, что явилось нарушением конституции, и назначил и.о. Генерального прокурора РФ В. Устинова, который был утвержден на должность только со второй попытки, хотя теоретически он мог неограниченное время оставаться и.о. Генерального прокурора без утверждения СФ. Данный инцидент был реальным подтверждением всесильности президента и слабостью конституции, не предусматривающей ответственности президента за нарушения, за исключением государственной измены и совершения тяжкого преступления [3; 24]. Казус в том, что исходя из буквального смысла статьи, человек, совершивший преступление, скажем, средней тяжести, может оставаться на посту президента. Данный прецедент во многом показал, что президент не являлся гарантом конституции. Движение России по демократическому пути развития и взаимодействия государственных властных институтов значительно отличаются от того, по которому прошли европейские государства или Соединенные Штаты. Как уже отмечалось, несомненно, они не могут быть похожими в силу исторического развития, менталитета, экономического положения и множества других факторов. Появление опасений у давнишнего геополитического оппонента России – Соединенных Штатов – по поводу правильности государственного развития России, является подтверждением возрождения России как могущественного государства, развивающегося в отличие от Советского Союза по демократическим принципам, по принципам свободного и правового государства.

Бывший госсекретарь США с большим опасением рассматривает заявление Владимира Путина о том, что «…никогда не случит-

ся, если это вообще возможно, чтобы Россия стала похожа на Соединенные Штаты или Великобританию. Для русских сильное государство – не аномалия, от которой следует избавляться. Напротив, они видят в его лице гаранта порядка, инициатора и главную движущую силу любых перемен» [2; С. 68].

Политический процесс в России был характерен формой организованной структурированной модели на протяжении монархического и советского периода развития. Гражданских институтов при этом либо не было вообще, либо они играли ничтожно малую роль. По-видимому, данное обстоятельство сыграло в пользу становления и развития России по пути именно президентской республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РСФСР «О Президенте РСФСР» от 24 апреля 1991 г. / Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 17. – Ст. 512.

2. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Г. Киссинджер // Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2002. – С. 68-69.

3. Ковалев А.М. Институт Президента в системе разделения властей (Сравнительный опыт Франции и России): автореф. дис.… канд. юрид. наук / А.М. Ковалев. – М., 1998. – С. 12-25.

4. ФКЗ от 21.07.1994 г. О Конституционном Суде РФ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Маркова Елена Александровна, к. полит. н., ст. преподаватель кафедры социологии и философии права, Читинский государственный университет (ЧитГУ), markova27@yandex.ru

Markova Elena, Candidate of Political science, assistant professor of Sociology and Legal Philosophy Department, Chita State University, markova27@yandex.ru

Научные интересы: региональная специфика реализации принципа политической толерантности в политическом процессе России

Scientific interests: regional specificity of political tolerance principle realization in political process of Russia

УДК 342

А.В. Шемелин
A. Shemelin

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИКЕ

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN POLITICS

Статья посвещена процессу влияния информационно-коммуникационных технологий в политике

The article is about an influence of ICT (Information and Communication Technology) in politics

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии*

Key words: *Information and Communication Technology*

Коммуникативная подсистема политической системы осуществляет «двойственную» функцию: «внутреннюю» – связь между элементами и «внешнюю» – взаимодействие политической системы с другими социальными подсистемами. По-сути, политическая система может рассматриваться как погруженная в информационное пространство [4; 183].

Государство – ядро политической системы. Эффективность государственного управления – это во многом эффективность принятия и реализации управленческих (прежде всего, политических) решений, основанных на результативности использования современных информационных и коммуникационных технологий. Государство является носителем, обладателем, распорядителем власти. Получение, анализ, выдача и эффективное использование информации являются важнейшим условием функционирования власти. По разным оценкам специалистов, руководители расходуют от 30 до 80…95 % своего времени на работу с информацией, что вполне закономерно, так как наличие своевременной и достоверной информации и ее своевременная передача являются важнейшими предпосылками обеспечения эффективного управления.

Управленческая функция информации проявляется наиболее заметно в государстве. Здесь информация выступает в нескольких формах: как источник власти, как фактор регулирования политических систем и процессов, как момент политического управления и как продукт управленческого процесса.

Как научную категорию, информацию в управленческих процессах можно характеризовать рядом признаков (свойств), к числу которых относятся: известная самостоятельность; возможность многократного использования; сохранение у передающего или получающего субъекта; пригодность к обработке, интеграции и «сжатию» объема за счет исключения дублирующей, параллельной информации; допустимость компьютерной обработки; системность, коммуникативность.

Информация, циркулирующая в политико-административной системе, органах государственной власти, разнородна и разнообразна. Она имеет свою природу и особые

формы. В научной литературе появился новый термин «государственная информация». Подобная формулировка может относиться к описанию внешнеполитической, экономической, социально-политической и экологической обстановки, динамике тех или иных процессов, реализуемых в государстве и обществе [1; 3-6].

Информация всех видов имеет самостоятельную ценность, служит в качестве основы для нормативных документов как на федеральном, так и региональном уровне. Она имеет свои специфические закономерности функционирования и развития, способна к опережающему воздействию на государственную политику, выступает непосредственной причиной, определяющей выбор того или иного варианта политического развития, поведения различных социальных групп и отдельных граждан, перевода государственной системы в новое состояние.

Информацию в органах государственной власти можно классифицировать по разным основаниям и признакам. К примеру, ее можно разделить на официальную и неофициальную, общезначимую и региональную, горизонтальную и вертикальную, по содержанию и целевому назначению, возможным социальным последствиям, степени доступности, а также на основе ее соотнесения со временем (информация о прошлом, в режиме реального времени, прогнозы о будущем).

В рамках политико-административной системы она рассматривается с точки зрения актуальности, достаточности и адекватности для принятия соответствующих решений.

При разделении информации по объектам распределения внутри государственного органа приоритет имеет информация для руководителя или руководящего звена (или исходящая от них), далее – для должностных лиц. При этом сведения, заслуживающие особого внимания, целесообразно получать или направлять различным источникам, независимым друг от друга, чтобы обеспечить большую объективность анализа, оценки, прогноза.

Цель информационного обеспечения органов государственной власти состоит в том, чтобы на базе собранных исходных данных получить обработанную информацию, которая должна служить основой для принятия политико-административных решений. Достижение этой цели складывается из решения ряда частных задач: сбора первичной информации, ее хранения, распределения между структурными подразделениями государственного органа и их работниками, подготовки к переработке, собственно переработки, предоставления органу управления в переработанном виде, анализа, обеспечения прямых и обратных связей в ее циркуляции и т.д. При современных потоках информации эффективное решение этих задач вряд ли возможно без использования средств вычислительной техники и новых информационных технологий.

С применением компьютерных технологий связана оптимизация информационного обеспечения органов государственной власти. Эффективность решений, принимаемых органами государственной власти, зависит от качества информации, средств и методов ее обработки. В данном случае «больше» информации далеко не всегда означает «лучше»: избыточная информация также может осложнить принятие решения, как и ее недостаток. Поэтому одной из важнейших проблем информационного обеспечения государственных органов является определение достаточности информационного обеспечения.

Информационное обеспечение органов государственной власти основывается на определенных принципах. Важнейшим из них является следующий: объем и каналы информации, поступающей к органу государственной власти, должны определяться функциями, возложенными на этот орган. Не менее существенно также разграничение компетенции между различными структурами государственной власти и организация их взаимодействия.

Специфика текущего периода развития российского общества, коренное преобразование государственного управления, изменение сферы государственного регулирования вле-

чет за собой модификацию как потоков, так и объемов поступающей информации, что согласуется с компетенционным принципом информационного обеспечения в государственном управлении. Характер и объем информации, получаемой органами государственной власти, должны соответствовать тем функциям, которые возложены на этот орган. Обеспечение указанного соответствия – обязательное условие эффективности государственного управления.

Особенность текущего момента, для которого характерна нестабильность как системы органов власти, так и их функций, существенно снижают эффективность работ по информационному обеспечению органов исполнительной власти, что в свою очередь отрицательно сказывается на процессе принятия политико-административных решений. Тем не менее, учитывая тенденции в преобразовании системы органов исполнительной власти, их структуры и функции, можно определить общую схему информационного обеспечения органов государственной власти и направленность его развития – как в целом, так и в зависимости от уровня органа государственной власти.

К процессам, характерным в настоящее время для сферы государственного управления и оказывающим влияние на организацию информационного обеспечения, можно отнести следующие:

– централизация и децентрализация управления – встречный процесс перераспределения полномочий между центральными и региональными органами государственной власти в пользу нижестоящих органов;

– переход от административных к преимущественно экономическим методам управления;

– отсечение оперативных функций от федеральных исполнительных органов и сохранение за ними решения стратегических проблем (многие полномочия министерств и ведомств передаются на уровень предприятий, ассоциаций, акционерных обществ);

– ориентация новой системы управления на управление через интерес управляемых, на расширение сферы действия координационных методов, а также кардинальное изменение роли договора в государственном управлении;

– функциональная перестройка, касающаяся не только оптимизации функций, но и их содержания (планирования, прогнозирования, контроля и т.д.).

Таким образом, учитывая функциональную и структурную стороны реформирования системы органов исполнительной власти, можно определить тенденции изменения информационного обеспечения этих органов: структурная сторона перестройки системы органов исполнительной власти неизбежно влечет за собой изменение направленности потоков информации, функциональная сторона перестройки вызывает качественные изменения в поступающей информации.

Информационное обеспечение становится настолько насущным условием функционирования любого субъекта государственной власти, что позволяет говорить об «информационном статусе» субъектов как части их общего статуса. Информационный статус закрепляется нормами права как на федеральном, так и на республиканском уровнях и включает в себя содержание, виды и системы информации, права и обязанности в информационной сфере и т.д. Однако на сегодня правовое регулирование информационного статуса органов государственной власти весьма недостаточно.

События последних лет в России убедительно показали, что отсутствие надежной системы информационного обеспечения – источник случайных, необоснованных, ошибочных решений и действий, несовместимых с целями и задачами политико-административного управления. И дело здесь не только в неполноте, недостоверности или неоперативности информации. Одна из основных причин ее плохого использования – отсутствие современной реальной системы информационного обеспечения общегосударственного масштаба.

Политико-административные решения, оказавшиеся неверными, чаще всего бывают следствием недостатка объективной информации, а не только отсутствия компетентности или неэффективного использования той имеющейся информации, которая попала в официальные информационные каналы.

Качественное обновление государства выдвигает на первый план решение глобальной задачи – формирования в России единого информационно-правового пространства, обеспечивающего информированность всех структур общества и каждого гражданина в отдельности. Создание общенациональной территориально распределенной информационно-правовой системы позволит рационально и эффективно решить проблему информационного взаимодействия органов государственной власти, что в свою очередь обеспечит повышение оперативности, степени обоснованности и корректности принимаемых решений по регулированию различных вопросов, прежде всего, в социально-политической сфере. Более того, формирование единого информационно-правового пространства стран СНГ – это реальный шаг к практической реализации договоренностей стран – членов СНГ и созданию действенного и жизнеспособного содружества бывших республик СССР.

Информационные процессы в жизни государства не следует сводить к функционированию средств массовой информации как «четвертой власти», отождествляя их деятельность с политической коммуникацией [2].

Информация и связанные с ней процессы информационного обеспечения в настоящее время становятся основным условием функционирования политико-административной системы и принятия решений на любом уровне. Подтверждением этому является появление и глубокое проникновение во все социальные институты и, прежде всего, в органы государственной власти, новых информационных технологий (НИТ) управления. «Новые» в данном случае означает принципиально отличающиеся от используемых ранее.

Информационные технологии – это система научных и инженерных знаний, а также методов и средств, которые используются для создания, сбора, передачи, хранения и обработки информации. Новые информационные технологии позволяют использовать при работе с информацией компьютерную технику и телекоммуникационные средства связи. Внедрение НИТ существенно изменяет содержание различных видов деятельности, прежде всего, управленческой, повышает эффективность управления, выводит на новый, более высокий уровень информационное обеспечение процессов принятия политико-административных решений в органах государственной власти.

Применение НИТ позволяет выявить скрытые информационные структуры, представить слабо структурированные компоненты управления в семиотической (знаковой) форме, а при формировании управленческой информации из потока данных исключить данные, не выполняющие указанные функции, а используемые исключительно вследствие стереотипов мышления и по традиции.

В практике политико-административной деятельности довольно часто входной информационный поток не обрабатывается, и все поступающие данные считаются «значимой» информацией. Отсюда – представление о входном потоке информации преимущественно как о «лавинообразном», не поддающемся охвату и осмыслению. Более того, руководителям при выработке решений зачастую умело преподносится «удобная» – хорошо вписывающаяся в сложившуюся ситуацию, «нужная» – для лоббирования личных интересов узкого круга лиц, – неполная, «желательная» информация, в результате чего и возникают административные и политические решения, не принимаемые, не понимаемые и не поддерживаемые гражданским обществом и даже – нелегитимные. В последние годы с подобными решениями россияне сталкивались неоднократно.

Для того чтобы преградить путь потоку избыточных данных, необходимо определить

информационные потребности управленческого персонала. Под информационной потребностью обычно понимают совокупность информационных показателей, определяемых функциями пользователя, кругом его интересов. Информационная потребность – динамически изменяющаяся система показателей. Однако при ее определении необходим разумный компромисс между широтой интересов пользователя и узкой специализацией его работы по выполнению возложенных на него функций. К сожалению, на практике этот компромисс не только не достигается, но не рассматривается даже вопрос о том, может ли руководитель принять эффективное решение, используя ту информацию, которую ему представляют.

Дополнительные сложности в процесс переработки управленческой информации вносят и излишние структурные подразделения аппарата управления, порождающие избыточную информацию для внутренних потребностей.

В настоящее время для информационного потока в государственных структурах характерны дублирование сведений, отсутствие распределения второстепенных и первоочередных сообщений, рассогласование в сроках и скорости поступления данных, что снижает степень их обработки. Кроме того, при обработке данных в органах государственной власти, при подготовке информации для должностного лица всегда присутствует политический компонент, и этот фактор также нужно учитывать при формировании информационного потока [3; 478].

Ограниченные возможности человека, недоверие управленцев к некоторым данным (связано с человеческим фактором и верой в объективность полученной информации в том числе и с помощью компьютеров), умышленное введение фальсифицированных данных в информационный поток не позволяют на практике качественно переработать нужное количество данных в срок.

Таким образом, основные функции информационной технологии управления в органах государственной власти видятся в следующем:

1) обеспечение лица, принимающего решение, достоверной и своевременной информацией;

2) осуществление качественного преобразования информации, т.е. доведение ее до вида и объема, которые способен осмыслить человек;

3) создание условий, при которых руководитель может принимать и реализовывать решения, основываясь одновременно и на объективной информации, и на факторах субъективного характера – личном опыте, интуиции, мотивации, ценностях.

Исполнение этих функций позволит оптимизировать информационное обеспечение процесса политико-административного управления, вырабатывать взвешенные, основанные не на сиюминутной выгоде, а на истинных ценностях, объективные политические решения, чего не хватает современной России.

Указанное с достаточной полнотой характеризует сложность положения государственного деятеля, политика, принимающего решение, которое усугубляется также необходимостью сокращения сроков анализа ситуации. Может создаться положение, когда принятие обоснованного решения становится физически невозможным ввиду ограниченности времени. Если чиновник государственного уровня, политический деятель стремится положить в основу своего решения результаты переработки максимального количества сведений и оценку максимально возможного количества альтернатив, то ему не хватает времени на реализацию принятого решения. Если же он резервирует на это недостаточно времени, то вынужден ограничиваться переработкой неполного объема данных или рассматривать не все возможные альтернативы. В любом случае качество принимаемого решения может пострадать. Поскольку объем и сложность состава информации, перерабатываемой в процессе принятия решений, неуклонно возрастает, увеличивается и процент риска принятия

недостаточно обоснованных, непроработанных, неоптимальных политических решений, имеющих серьезные последствия для государства.

Информация в современном обществе является важнейшим источником власти. Получение, анализ, выдача и эффективное использование информации – необходимое условие функционирования власти. Государство, являясь центральным институтом власти, активно использует информационные отношения: информация связывает между собой государство и гражданское общество.

Важнейшим фактором, определяющим эффективность государственной власти, является уровень ее информационного обеспечения, степень оснащенности современными техническими, технологическими и телекоммуникационными системами. Основу информационного обеспечения органа государственной власти составляют информационные ресурсы, под которыми понимаются отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах).

Информационные ресурсы являются центральной частью информационных систем. Соответствие информационных ресурсов потребностям органов государственной власти в значительной части определяет эффективность создаваемых информационных систем.

Если назначение информационной системы состоит в предоставлении государственным органам или руководителям информации, обеспечивающей принятие обоснованных и эффективных решений, то информационные ресурсы предоставляют данные, которые обрабатываются технологическими процедурами, персоналом и преобразуются в информацию для подготовки и принятия управленческих решений.

Информационные ресурсы государства – это его национальное достояние. Количество, качество и доступность информационных ресурсов уже сейчас во многом определяют уровень развития государства, его статус в мировом сообществе, влияют на положение и политику государства и, бесспорно, станут определяющим фактором политического развития в XXI в. В связи с этим важнейшее значение приобретает разработка и развитие информационных систем, обеспечивающих информационными ресурсами высшие органы власти [5; 93].

Среди множества вариантов телекоммуникационных технологий бесспорным лидером за последние годы стал Интернет. Сегодня он является важнейшим элементом информационной инфраструктуры мирового сообщества. Темпы распространения Интернет носят взрывной характер, на российском рынке общедоступных телекоммуникационных сетей он вытесняет всех конкурентов.

Вместе с тем, Интернет ввел в лексикон специалистов новый термин «компьютерная безопасность». Вопрос защиты данных в глобальных компьютерных сетях требует особой и тщательной проработки, особенно – если это касается внедрения Интернет в органы государственной власти. Этот вопрос также несет политический компонент, поскольку непосредственно связан с национальной безопасностью России: ибо информация является ценнейшим ресурсом государства.

В то же время международная компьютерная сеть Интернет представляет собой самую демократичную и быстрорастущую систему доступа к электорату. Открытости способствует и появление официальных сайтов органов власти различного уровня.

С точки зрения западных и некоторых отечественных экспертов, Интернет вполне реально станет в ближайшие пять лет основным средством обеспечения открытости власти для широкой публики, что, безусловно, следует учитывать в реальной практической деятельности. К примеру, по оценкам экспертов, на следующих выборах американский, канадский и европейский избиратель сможет изъявить волю, не отрываясь от клавиатуры

своего персонального компьютера, с помощью «электронных кабинок» для голосования. И темпы компьютеризации подсчета голосов, и скорость развития коммуникаций дают весьма серьезные основания для такого прогноза.

Новые технические средства и приемы в политическом процессе могут быть использованы для проведения опросов общественного мнения с «моментальным» подведением их результатов, в проведении оперативных политических дискуссий, для организации референдумов и т.д. От постановки задачи до получения результата проходит несколько часов. Естественно, такие схемы работы требуют наличия соответствующих компьютерных сетей, специалистов, весьма существенных финансовых затрат (правда, они вполне соизмеримы с прошлыми затратами на командировки, тиражирование, перевозку социологических бюллетеней, ручную обработку анкет и т.д.). Новые компьютерные технологии получили настолько большую популярность, что в современной западной политологии их характеризуют как средства всеобщей демократизации общества.

В российских условиях уже несколько лет в кремлевской резиденции Президента РФ действует компьютерный ситуационный аналитический центр, главная задача которого – оперативное и опережающее информационное обеспечение главы государства о положении в стране и в мире. Президент и службы его помощников получают возможность использовать центр для анализа наиболее важных проблем и принятия оперативных решений. Новая структура представляет собой уникальную локальную сеть с подключением к ней внешних источников информации, позволяет моделировать ситуации и вырабатывать управленческие решения главы государства.

Эти возможности открывают дорогу плюрализму, широким возможностям для замены представительной демократии демократией участия, не нанося ущерба ни одному демократическому институту. Для обозначения данного феномена существует даже специальное понятие «теледемократия». Однако было бы опрометчиво однозначно оценивать значение и роль новейших средств телекоммуникации.

Итак, информация и коммуникация в управлении государством, политические технологии – это не только актуальная теоретическая проблема. Технологии не всесильны, но именно грамотное, квалифицированное их использование позволяет изменять мир, воздействовать на политический процесс, бороться субъектам политики за реализацию своих интересов и добиваться поставленных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анохин М.Г. Информационные технологии в политике / М.Г. Анохин, В.С. Комаровский // Политика: возможность современных технологий. – М., 2002. – С. 3-6.*
2. *Глушков В.М. Гносеологическая природа информационного моделирования / В.М. Глушков // Вопросы философии. – 2003. – № 10. – С. 5-24.*
3. *Исполнительная власть в Российской Федерации. – М., 2006.*
4. *Тихомиров Ю.А. Информационный статус субъектов права / Ю.А. Тихомиров // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения. – М., 2002. – № 52. Законодательные проблемы информатизации общества. – С. 181-185.*
5. *Шабров О.Ф. Компьютерное моделирование социально-политических процессов / О.Ф. Шабров, М.Г. Анохин, М.И. Дзлиев и др. – М., 2004.*

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Шемелин Аркадий Валерьевич, к. юрид. н., доцент кафедры хозяйственного права, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Научные интересы: информационно-коммуникационные технологии

Shemelin Arkadiy, Candidate of Law, associate professor of State and Municipal Law Department, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: ICT

ПРАВО

УДК 343.85

Е.В. Патрушев
E. Patrushev

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

PENAL PROBLEMS OF PREVENTION OF CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY AND PUBLIC ORDER IN INSTITUTIONS OF CONFINEMENT

Рассмотрена уголовно-правовая характеристика наиболее распространенных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, совершаемых осужденными во время отбывания наказания в виде лишения свободы. На основании изучения уголовных дел, анкетирования сотрудников мест лишения свободы и интервьюирования осужденных автором предлагаются пути совершенствования рассматриваемых уголовно-правовых норм применительно к исправительным учреждениям

Insuring clause about criminal-legal feature most wide spread crimes against public safer and public order perpetrate of the convicts in prison. As a matter of record criminal dealings, questionnaires employees law machinery and interview convicts, author propose ways improvement considered criminal-legal norm with reference to reform schools

Ключевые слова: *общественная безопасность, пенитенциарная криминология*

Key words*: public safety, penitentiary criminology*

Раздел 9 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) содержит нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок. Ряд из них защищает нормальную деятельность исправительных учреждений (ИУ).

Как показывает исследование, к наиболее распространенным преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка в местах лишения свободы относятся деяния, предусмотренные: ст. 206 УК РФ (захват заложника), ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки), ст. 213 УК РФ (хулиганство).

Непосредственным объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок в ИУ.

Объективная сторона преступлений против общественной безопасности и обществен-

ного порядка, наиболее характерных для мест лишения свободы, выражается в активных действиях, иногда в форме бездействия.

Субъективная сторона характеризуется умышленным нарушением существующих в ИУ правил поведения, обеспечивающих безопасность и общественный порядок, а также неосторожной формой вины по отношению к наступившим или предполагаемым общественно опасным последствиям.

Субъектом преступлений против общественной безопасности и общественного порядка являются физические, вменяемые лица, достигшие 16 лет. Уголовная ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 206 УК РФ (захват заложника) и ч. 2 ст. 213 УК РФ (хулиганство при отягчающих обстоятельствах), наступает с 14 лет.

Содержание общественного порядка и общественной безопасности определяет порядок управленческой деятельности в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы. Поддержание общественного порядка в ИУ создает условия для общественной безопасности.

Ни один из рассматриваемых составов преступлений не учитывает специфики ИУ. Совершение преступлений в местах лишения свободы во время отбывания наказания свидетельствует о злостном нежелании осужденных вставать на путь исправления, отрицании предписаний уголовного закона. Совершение преступлений осужденными в ИУ является обстоятельством, увеличивающим степень его общественной опасности.

Одним из самых опасных преступлений против общественной безопасности является захват заложников, уголовная ответственность за такое деяние предусмотрена ст. 206 УК РФ.

Ст. 206 УК РФ предусматривает примечание: «лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Считаем, что захват заложника в местах лишения свободы осуществляется осужденными, которые не собираются вставать на путь исправления, а заложники (в основном женщины), освобожденные ими добровольно или по требованию властей, получают значительные психологические травмы, будет несправедливо не подвергать осужденных, совершивших захват заложника, уголовной ответственности.

Поэтому в целях восстановления справедливости и предупреждения захвата заложников в ИУ необходимо в примечании к ст. 206 УК РФ предусмотреть ч. 2: «осужденный, во время отбывания наказания в виде лишения свободы добровольно или по требованию властей освободивший заложника, привлекается к уголовной ответственности. При этом ему назначается наказание ниже низшего предела санкции настоящей статьи, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Типичным преступлением против общественной безопасности являются массовые беспорядки, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК РФ.

Общественная опасность массовых беспорядков заключается в том, что совершение их большой массой людей может привести к человеческим жертвам, повреждению и уничтожению имущества, к нарушению нормальной работы органов государственной власти (ИУ).

Массовые беспорядки в местах лишения свободы связаны с неисполнением распоряжения администрации и выражаются в погромах, поджогах, избиениях осужденных, расправах с неугодными, в захватах заложников и в ряде подобных действий. В таком случае под угрозу ставится общественная безопасность, жизнь и здоровье осужденных и персонала ИУ.

Призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей администрации ИУ и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами, исходящие от осужденных, будут во много раз эффективнее в отличие от таких же действий осуществляемых на свободе. Фактически это означает начало массовых беспорядков. Учи-

тывая контингент мест лишения свободы и возможные последствия, целесообразно в ст. 212 УК РФ предусмотреть ч. 4: «деяние, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, совершенное осужденным во время отбывания наказания в виде лишения свободы, – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет».

Одним из самых распространенных пенитенциарных преступлений является хулиганство, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 213 УК РФ.

Общественная опасность данного преступления заключается в посягательстве на общественный порядок, нарушении спокойствия граждан, условий их труда, быта и отдыха; нарушении жизненно важных прав и свобод человека (здоровье, честь, достоинство; законные интересы организаций, учреждений). Хулиганство часто приводит к совершению тяжких и особо тяжких преступлений.

Изучение уголовных и личных дел осужденных за хулиганство в местах лишения свободы приводит к выводу, что треть (32 %) из них имела или имеет судимость за хулиганство (изучались уголовные дела, рассмотренные в судах Дальневосточного Федерального Округа (ДФО) по преступлениям, совершенным осужденными в местах лишения свободы за 2002-2007 гг.), т.е. эта часть осужденных отличается наибольшей общественной опасностью и направленностью именно к совершению хулиганских действий. Поэтому целесообразно ч. 2 ст. 213 УК РФ дополнить квалифицирующим признаком: «а равно совершенное осужденным во время отбывания наказания в виде лишения свободы».

Большое практическое значение для нормальной деятельности ИУ имеет изучение практики борьбы с пенитенциарными преступлениями. С целью изучения мнения сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) по внесенным дополнениям в УК РФ было проведено анкетирование. Все опрошенные сотрудники занимали различные должности в УИС и по роду своей деятельности встречались с преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка, совершаемыми в ИУ (анкетированию подверглись 100 сотрудников уголовно-исполнительной системы ДФО).

За введение примечания ч. 2 к ст. 206 УК РФ сотрудники ИУ высказались следующим образом: положительно – 84 %, нейтрально – 6 %, отрицательно – 10 %.

За дополнение ст. 212 УК РФ ч. 4 сотрудники ИУ высказались следующим образом: положительно – 78 %, нейтрально – 6 %, отрицательно – 16 %.

По поводу дополнения в ч. 2 (а равно совершенное осужденным во время отбывания наказания в виде лишения свободы) ст. 213 УК РФ персонал мест лишения свободы высказался следующим образом: положительно – 86 %, нейтрально – 4 %, отрицательно – 10 %.

Как показало анкетирование сотрудников ИУ, наши предложения по совершенствованию норм УК РФ против общественной безопасности и общественного порядка нашли поддержку у большинства опрошенных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М., 1999. – С. 94.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 24.05.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ , 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Патрушев Евгений Валерьевич, аспирант, Современная гуманитарная академия

Научные интересы: пенитенциарная криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право

Patrushev E., Modern Academy of Liberal Arts

Scientific interests: penitentiary criminology, criminal law, criminal and executive law

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 622.349.5

Е.Т. Воронов
E. Voronov

Ю.Н. Резник
Yu. Reznik

С.Н. Тимащенков
S. Timaschenkov

ГИДРОГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЗОЛОТОНОСНЫХ РОССЫПЕЙ К ОТРАБОТКЕ МЕТОДОМ ПОДЗЕМНОГО (СКВАЖИННОГО) ВЫЩЕЛАЧИВАНИЯ

HYDROGEOLOGICAL RESEARCH DURING PREPARATION OF AURIFEROUS GRAVELS TO DEVELOPMENT USING THE METHOD OF UNDERGROUND (BOREHOLE) LEACHING

В статье на примере золотоносной россыпи «Данду-Хангарук» приведен комплекс специальных гидрогеологических исследований, необходимый для оптимизации и управления процессами подземного (скважинного) выщелачивания золота из погребенных россыпных месторождений

This article considers complex of special hydrogeological research, which is necessary for optimization and operating processes of gold underground (borehole) leaching from buried gravel deposits on an example of auriferous gravel «Dandu-Khangaruk»

Ключевые слова: *гидродинамические испытания, коэффициент фильтрации, скважина закачная, откачная, наблюдательная, дебит скважин, продуктивные растворы*

Key words: *hydrodynamic assays, filtration coefficient, pumping well, exhaust hole, observation hole (explorartory hole), well production, producing solutions*

При подземном скважинном выщелачивании (ПВ) золота из золотоносных россыпей, характеризующихся, как правило, значительной обводненностью, большое значение как с экологической, так и с технологической точек зрения приобретают гидрогеологические условия месторождения.

Условия питания и разгрузки подземных вод, фильтрационные свойства продуктивных песков и подстилающих пород во многом определяют размеры утечек рабочих и продуктивных растворов, степень загрязнения водо-

носных горизонтов реагентами, эффективность и скорость активного выщелачивания золота.

Перед проведением производственных технологических испытаний ПВ золота из погребенной россыпи «Данду-Хангарук» (с/а «Бальджа») был проведен комплекс гидродинамических исследований по определению коэффициента фильтрации продуктивной зоны и вмещающих пород. В него входили:

а) пробные откачки из одиночной скважины;

б) опытные наливы в одиночную скважину;

в) индикаторные исследования;

г) кустовая откачка.

Схема расположения технологических и наблюдательных скважин приведена на рисунке.

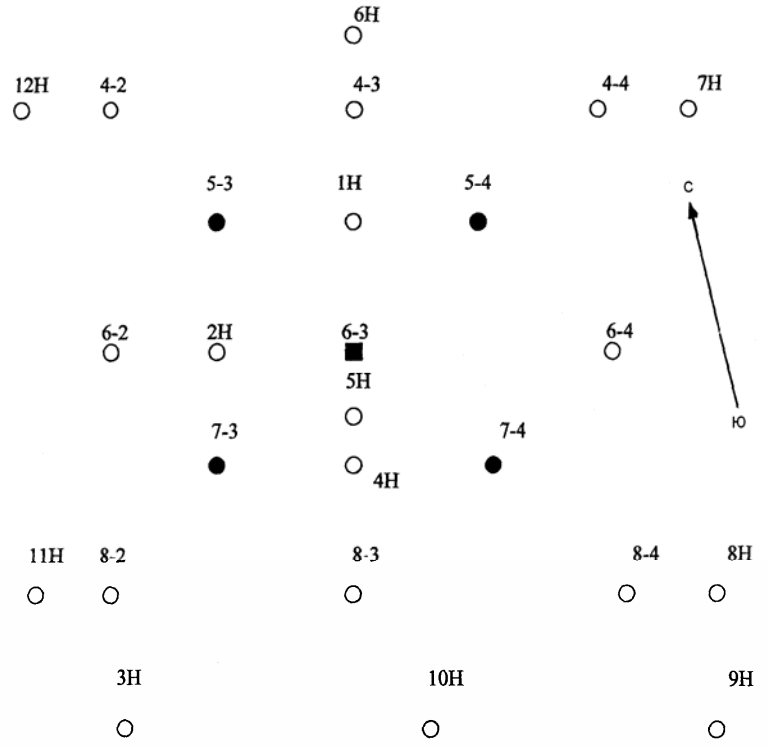


Схема расположения скважин на опытном полигоне

■ – откачная;
● – закачные;
○ – наблюдательные

В районе проведения опытно-промышленных испытаний в четвертных отложениях развиты слабо-напорные воды грунтового типа.

Статический уровень колеблется 0,1…8,0 м. На опытном полигоне уровень подземных вод находится на абсолютных отметках 1012,9…1013,4 м. Дебит откачных скважин колебался в пределах 0,038…0,117 л/с, приемистость скважин при наливе – 0,016…0,118 л/с.

В ходе гидрогеологических исследований было проведено 17 откачек, 17 наливов, кустовая откачка и индикаторные исследования в естественном потоке и рабочем режиме.

Пробные откачки из одиночных скважин проводились для определения коэффициента фильтрации пород, дебита скважин, положения динамического уровня воды в скважинах. Коэффициент фильтрации ($K_ф$) рассчитывался по уравнению Дюпюи [1]

$$K = 0{,}733 \cdot Q \frac{\lg \frac{R}{r}}{(2H - S) \cdot S}, \qquad (1)$$

где Q – дебит скважины, м^3/сут;

H – мощность водоносного пласта, м;

S – понижение уровня воды в скважине, м;

R – радиус влияния при откачке из одиночной скважины, м;

r – радиус скважины, м.

Также расчет $K_ф$ выполнялся по формуле Бабушкина, Гиринского [1]

$$K = 0{,}366\frac{Q}{l_0 \cdot s_0}\lg\frac{a \cdot l_0}{r_0}, \qquad (2)$$

где l_0 – длина фильтра, м;

a – поправочный коэффициент, равен 0,66.

Опытные наливы проводились с целью определения водопроницаемости пород, приемистости скважин и расчета коэффициента фильтрации. Величина $К_ф$ определялась по двум формулам: по формуле Дюпюи [1]

$$K = \frac{0{,}733 \cdot Q \cdot \lg\frac{R}{r_0}}{h_0^2 - H^2}; \qquad (3)$$

по формуле Добровольского

$$K = \frac{0{,}366 \cdot Q \cdot \lg\frac{R}{r_0}}{h_0 \cdot S_0}, \qquad (4)$$

где h_0 – столб воды в скважине, м.

Результаты опытных откачек и наливов показали, что продуктивная зона по коэффициентам фильтрации (0,15…0,20 м/сут) относится к тонкозернистым глинистым пескам.

Для определения реальной скорости фильтрации подземных вод были проведены индикаторные исследования с использованием раствора флуоресцина с концентрацией 3 г/л. Наблюдения за продвижением индикатора в скважине № 4, расположенной на расстоянии 2 м ниже по потоку, показали, что основной фронт индикатора прошел через 54 ч, а действительная скорость движения подземных вод составила 0,86 м/сут.

Для расчета технологических параметров опытной ячейки необходимо знать скорость движения растворов в рабочем режиме. Для этого был поставлен комплекс опытно-миграционных работ. Перед подачей индикаторов технологические скважины были выведены на рабочий стационарный режим. После установления постоянного режима движения подземных вод в наблюдательные скважины подали индикаторы: в скважину № 1Н, расположенную вверх по потоку, подали пакетно флуоресцин, в скважину № 2Н, расположенную в крест направления потока, подали раствор поваренной соли NaCl. Откачку растворов и отбор проб вели в центральной откачной скважине № 6-3. Раствор поваренной соли в откачной скважине появился через 2,5 ч, а раствор флуоресцина – через 4 ч. Таким образом, скорость движения растворов в рабочем режиме составила: по направлению потока – 20,8 м/сут, в крест простирания потока – 33,3 м/сут.

Кустовая откачка проводилась из откачной скважины 4-3, в остальных скважинах велось наблюдение за уровнем подземных вод. Продолжительность откачки составила 57,6 смен, продолжительность восстановления уровня подземных вод – 17,6 смен. По результатам кустовой откачки были рассчитаны коэффициенты водопроводимости, коэффициенты пьезопроводности, водоотдача водовмещающих пород.

Гидрогеологические параметры определялись методом Джейкоба с использованием для расчета формулы [1]

$$S = \frac{0{,}183 \cdot Q}{KM}\lg\frac{2{,}25 \cdot a \cdot t}{r^2}, \qquad (5)$$

где *S* – понижение напора на расстоянии *r* от скважины, из которой проводится откачка, через время после начала откачки;

Q – дебит скважины, м^3/сут;

KM – водопроводимость водоносного горизонта, м^2/сут;

a – коэффициент пьезопроводности, м^2/сут.

Для определения параметров коэффициента пьезопроводности и водопроводимости методом Джейкоба использовались три способа обработки данных опытно-фильтрационных

работ.

1. Способ временного прослеживания понижения уровня с построением графика зависимости $S = f(lgt)$.

2. Способ площадного прослеживания с построением графика зависимости $S = f(lgr)$.

3. Способ комбинированного прослеживания с построением графика зависимости $S = f[lg(t/r^2)]$.

Коэффициент водоотдачи рассчитывался по формуле

$$\mu = \frac{KM}{a}, \qquad (6)$$

Результаты исследований приведены в таблице.

Гидрогеологические параметры водоносного горизонта по данным кустовой откачки

График зависимости	***Номер скважины***	***Коэффициент водопроводимости КМ, м²/сут***	***Коэффициент пьезопроводности а, м²/сут***	***Водоотдача, μ***
$S = f(lgt)$	1Н	1,9	$8{,}913 \cdot 10^3$	$2{,}1 \cdot 10^{-4}$
	2Н	3,1	$1{,}778 \cdot 10^4$	$1{,}7 \cdot 10^{-4}$
	4Н	2,1	$4{,}467 \cdot 10^3$	$4{,}7 \cdot 10^{-4}$
	5Н	2,1	$2{,}239 \cdot 10^3$	$9{,}4 \cdot 10^{-4}$
	4-3	2,8	$7{,}079 \cdot 10^3$	$4{,}0 \cdot 10^{-4}$
	6-2	3,7	$2{,}818 \cdot 10^4$	$1{,}3 \cdot 10^{-4}$
	8-3	2,4	$8{,}913 \cdot 10^3$	$2{,}7 \cdot 10^{-4}$
	8-4	7,4	$1{,}122 \cdot 10^4$	$6{,}6 \cdot 10^{-4}$
	Среднее	3,1875	$1{,}1099 \cdot 10^4$	$4{,}06 \cdot 10^{-4}$
$S = f(lgr)$		0,5	$2{,}82 \cdot 10^2$	$1{,}8 \cdot 10^{-3}$
$S = f[lg(t/r^2)]$		1,4	$5{,}62 \cdot 10^2$	$2{,}5 \cdot 10^{-3}$
Среднее по откачке		2,74	$8{,}96 \cdot 10^3$	$7{,}55 \cdot 10^{-4}$

С учетом результатов гидрогеологических исследований проведено моделирование гидродинамики процесса фильтрации растворов в контуре рабочей ячейки с использованием программы гидродинамического моделирования Flow-3D. На основании метода суперпозиции рассчитано фильтрационное поле взаимодействия четырех закачных и одной откачной скважины с учетом влияния естественного потока, при обязательном соблюдении условного нулевого баланса.

Результаты моделирования показывают, что при равной производительности закачных скважин 100 л/ч (соотношение 1:1) контур выщелачивающих растворов смещается на 4 м вниз по потоку и на 2,3 м по нормали к потоку. Таким образом, площадь растекания составляет 44 м². Такой режим подачи растворов недопустим, поскольку контур выщелачивания будет находиться за технологическим контуром наблюдательных скважин № 8-2, 8-3 и 8-4 и потому невозможно будет контролировать

границу «раствор-вода».

При увеличении (соотношение 3:1) подачи закачных растворов вверх по потоку в скважины № 5-3 и 5-4 до 150 л/ч, а в скважины № 7-3 и 7-4 по 50 л/ч граница контуров выщелачивающих растворов смещается вверх по потоку на 1,4 м и по нормали к потоку на 1,3 м. Площадь растекания составляет 25 м^2. Недостатком соотношения 3:1 является, *во-первых*, растекание за рабочий контур и, *во-вторых*, недостаточный контур выщелачивания у скважин № 7-3 и 7-4.

При уменьшении (соотношение 2:1) подачи растворов в верхние скважины № 5-3 и 5-4 до 135 л/ч контур растекания в направлении вверх по потоку существенно снижается, но при этом сохраняется вынос растворов по трещиноватости за контур ячейки на 0,9 м. Контур выщелачивания составляет 73 % от общего контура ячейки.

Наиболее оптимальные параметры работы опытной ячейки были достигнуты при соотношении 1,25:1. При производительности закачных скважин № 5-3 и 5-4 – 112 л/ч, а скважин № 7-3 и 7-4 – 88 л/ч обеспечивается полная локализация фильтрационного потока в рабочем контуре опытной ячейки, соответственно достигается оптимальная площадь выщелачивания 88 %.

Выполненный комплекс гидродинамических испытаний показал удовлетворительные гидрогеологические условия для проведения опытно-промышленных испытаний технологии ПВ золота из погребной россыпи Данду-Хангарук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веригин Н.Н. Гидродинамические и физико-химические свойства горных пород / Н.Н. Веригин. – М.: Недра, 1977. – 121 с.

2. Аренс В.Ж. Геотехнологические методы добычи полезных ископаемых / В.Ж. Аренс. – М.: Недра, 1975. – 303 с.

Коротко об авторах ***Briefly about authors***

Воронов Евгений Тимофеевич, Заслуженный деятель науки, д-р техн. н., профессор, зав. кафедрой БЖД, Читинский государственный университет (ЧитГУ), bondar@chitgu.ru

Научные интересы: повышение уровня промышленной и экологической безопасности при разработке месторождений полезных ископаемых

Резник Юрий Николаевич, Заслуженный деятель науки, д-р техн. н., профессор, ректор Читинского государственного университета (ЧитГУ), bondar@chitgu.ru

Научные интересы: минеральная подготовка при горно-промышленном освоении месторождений полезных ископаемых

Тимащенков Сергей Николаевич, главный инженер с/а «Бальджа», Timoos@yandex.ru

Voronov Eugeny Timopheyevich, Honoured scientific worker, Doctor of Technical Science, professor, Head of Accident Prevention Department of ChitSU,

bondar@chitgu.ru

Scientific interests: increasing of industrial and ecological safety during mineral deposits extraction

Reznik Yury Nikolayevich, Honoured scientific worker, Doctor of Technical Science, professor, Head of Chita State university, bondar@chitgu.ru

Scientific interests: mineral preparation during industrial and mining exploration of mineral deposits

Timashchenkov Sergey Nikolayevich, chief engineer of pros-

pecting cooperative «Baldja», Timoos@yandex.ru

Научные интересы: изучение геологических условий залегания и разработка золотоносных россыпей в условиях южного Забайкалья

Scientific interests: studying of geological terms of bedding and mining of gold placers in conditions of south Zabaykalye

УДК 622.349.5

Ю.Н. Резник
Yu. Reznik

С.Н. Тимащенков
S. Timashchenkov

Е.Т. Воронов
E. Voronov

ГЕОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД РАЗРАБОТКИ ГЛУБОКОЗАЛЕГАЮЩИХ ЗОЛОТОНОСНЫХ РОССЫПЕЙ НА БАЗЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХЛОРИДНОЙ ГИДРОМЕТАЛЛУРГИИ

GEOTECHNOLOGICAL METHOD OF MINING OF DEEP SEATED GRAVELS BY USING CHLORIDE HYDROMETALLURGY

В статье дано гидродинамическое и физико-химическое обоснование возможности геотехнологического метода разработки глубокозалегающих золотоносных россыпей на базе использования гидрохлоридной металлургии. Приведена технологическая схема подземного выщелачивания на россыпи Данду-Хангарук. Приведены результаты полупромышленных испытаний технологии подземного выщелачивания золота в ста-

The article contains physical-chemical grounds of geotechnological method of deep-deposit gold-bearing placers mining on basis of chloride hydrometallurgy use. There is technological outline of underground leaching in placer Dandu-Khongoruk. There are results of pilot tests of gold underground leaching technology in prospecting cooperative «Baldja»

рательской артели «Бальджа»

Ключевые слова: *россыпные месторождения; подземное выщелачивание; технологическая схема; коэффициент фильтрации; хлор*

Key words: *placer deposits, underground leaching, technological outline, filtration coefficient, chlorine*

Одним из перспективных методов разработки золота, в том числе и погребенных россыпей, является геотехнологический, заключающийся в подземном выщелачивании золота теми или иными реагентами. В данном случае отпадает необходимость ведения дорогостоящих горно-подготовительных, добычных и сопутствующих работ. Кроме того, земля не обезображивается карьерами, шахтами, отвалами пустой породы, хвостохранилищами. В гораздо меньшей степени, по сравнению с традиционными методами, при технологии ПВ загрязняются воздушный бассейн, почвы, растительность, поверхностные воды. Люди избавляются от опасного тяжёлого труда под землёй. Обслуживающий персонал имеет комфортные условия труда, отвечающие требованиям времени [1-3].

В 2003 г. артель старателей «Бальджа» впервые в Забайкалье и России выполнила технологические испытания подземного выщелачивания россыпного золота. Испытания проводились на глубоко залегающей части россыпи Данду-Хангарук в Кыринском районе Забайкальского края.

Сущность метода скважинного подземного выщелачивания (ПВ) золота заключается в том, что через золотосодержащие пески пропускается технологический раствор, содержащий активный выщелачивающий агент. В качестве выщелачивающего реагента могут быть использованы цианиды, хлор и другие вещества. С учетом фактора экологической безопасности водоносных горизонтов для приготовления выщелачивающих рабочих растворов был выбран хлор.

В химическом отношении хлор очень активен и по окислительной способности уступает лишь фтору. При взаимодействии с водой протекает обратимая реакция гидролиза хлора с образованием соляной и хлорноватистой кислот

$$Cl_2 + H_2O \leftrightarrow HCl + HClO.$$

Получающаяся хлорноватистая кислота очень нестойкая и в водном растворе легко распадается на соляную кислоту и кислород. Однако по окислительной способности она является очень активной. Окислительный потенциал хлорноватистой кислоты 1,63 В, что в конечном итоге является причиной растворения золота в хлорных растворах.

Реакция взаимодействия золота с хлорноватистой кислотой имеет следующий вид:

$$2Au + 8HClO = 2HAuCl_4 + 3\ H_2O + 5O.$$

В результате образуется тетрахлороаурат водорода или золотохлористоводородная кислота.

Для устойчивого нахождения молекул золотохлористоводородной кислоты в водном растворе необходимо, чтобы окислительный потенциал (Eh) системы составлял не менее 1100 мВ, а значения pH не превышали 3,5.

В рамках подготовки полупромышленных испытаний были проведены лабораторные опыты по извлечению золота из пород россыпи Данду-Хангарук методом хлоридного выщелачивания. С этой целью была отобрана технологическая проба массой 234 кг из технологической скважины. Исследования велись как в статическом, так и в динамическом режиме (модельная фильтрация технологических растворов через фильтрационные колонны с исследуемым материалом). Породы, испытываемые в процессе опытов, прошли определенную подготовку: высушивание, измельче-

ние и фракционирование на ситах. В лаборатории испытано 3 режима выщелачивания: прямое выщелачивание, выщелачивание с окислителем (соляная, серная или азотная кислота) и выщелачивание с комплексообразователем. По комплексу результатов (степень извлечения золота, скорость растворения, стоимость реагентов) для технологических испытаний была выбрана технология подкисления соляной кислотой. Лабораторные исследования завершены опытами по сорбции золота из растворов. В качестве сорбента выбран уголь АГ-3. Уголь подвергался озолению, а зола – плавке на сплав Доре.

В процессе лабораторных исследований установлено, что степень перевода золота в раствор достигает 78 %, степень извлечения золота из раствора на сорбент 98 %. Положительные результаты лабораторных опытов послужили основанием по продолжению исследований и подготовке производственных технологических испытаний.

Основной задачей опытно-промышленных испытаний являлась отработка технологии подземного выщелачивания золота в условиях Забайкалья и разработка технологического регламента для его внедрения на других перспективных месторождениях.

Технологический процесс извлечения золота на основе ПВ включает следующие операции:

– закисление продуктивного горизонта;

– приготовление и подача выщелачивающего раствора в продуктивную зону;

– управление движением раствора в недрах;

– подъем продуктивных растворов на поверхность;

– осветление продуктивных растворов от механических примесей;

– извлечение золота из продуктивных растворов.

Принципиальная технологическая схема ПВ представлена на рис. 1.

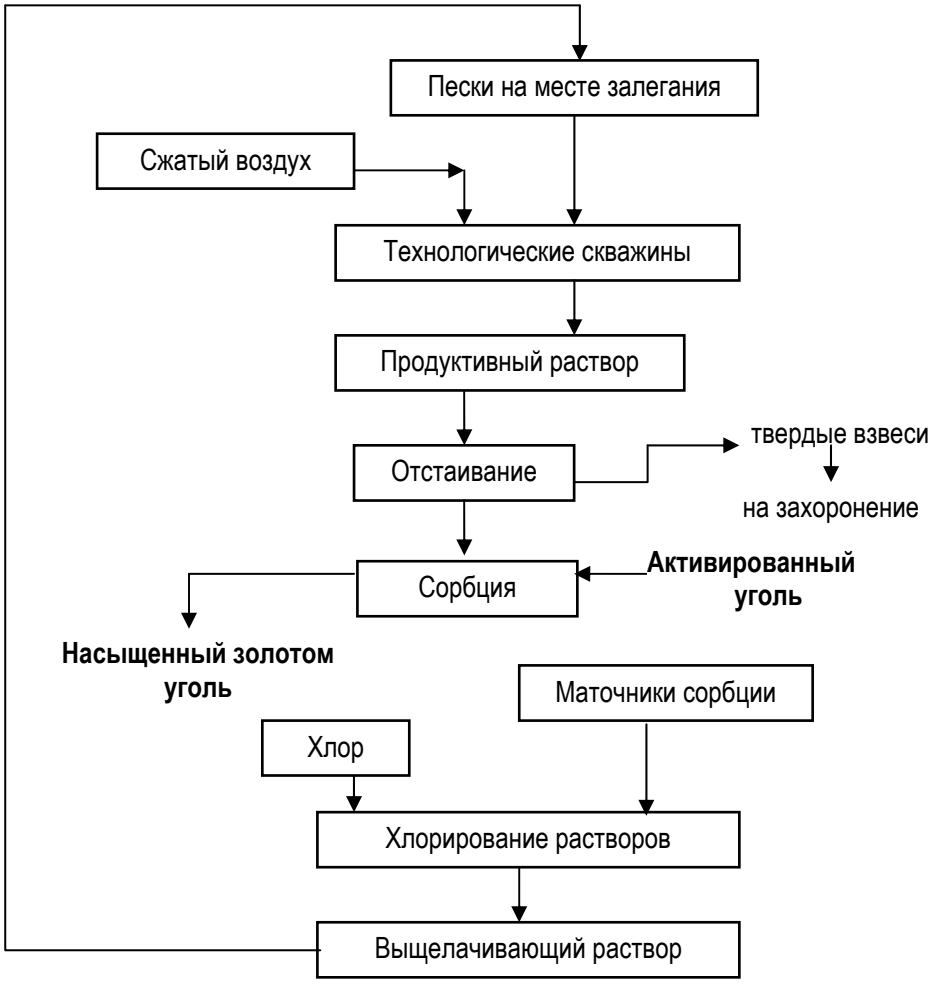


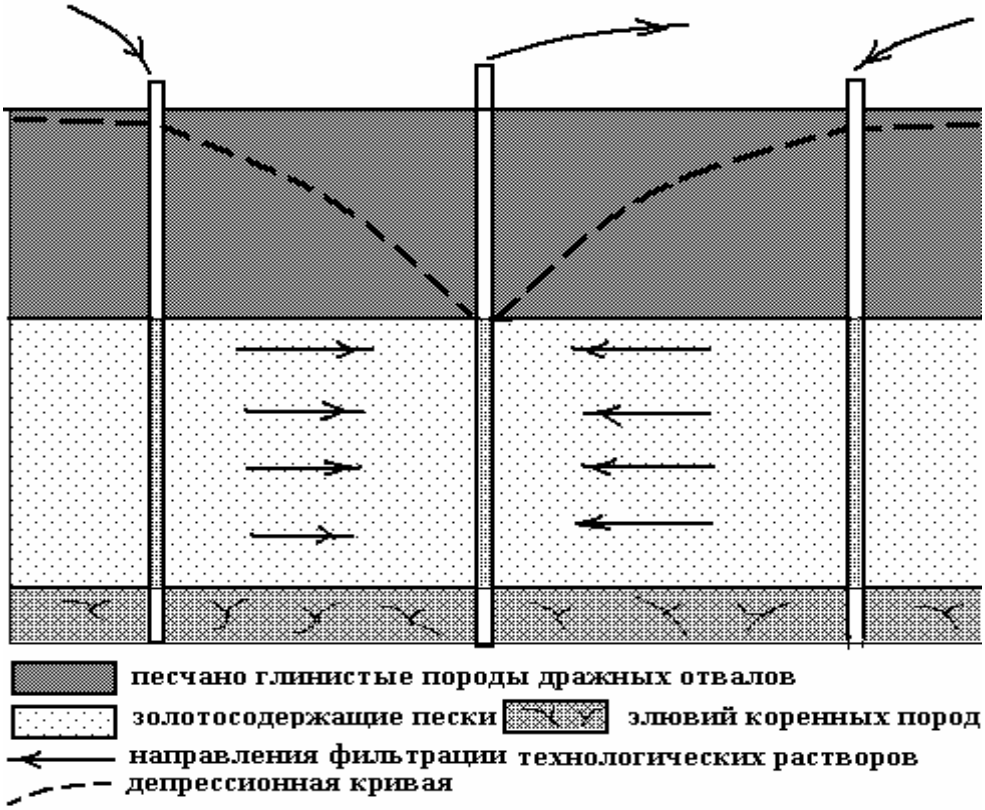
Рис. 1. *Принципиальная технологическая схема подземного выщелачивания на россыпи Данду-Хангарук*

На стадии проектирования для опытных работ на россыпи Данду-Хангарук была выбрана и обоснована скважинная рядная система отработки опытного блока площадью 5000 м^2. На первом этапе исследования все испытания проводились на опытной ячейке, состоящей из пяти технологических и 21-й наблюдательной скважины.

Принципиальная схема размещения технологических скважин представлена на рис. 2.

Технологические скважины располагались в виде квадрата, конвертом, с откачной скважиной в центре технологической ячейки и закачными по углам. Такое расположение технологических скважин позволяет максимально полно извлекать продуктивный раствор из горных пород, не допуская его растекания за пределы ячейки. При этом объем закачки и откачки растворов регулируется так, чтобы производительность откачной скважины на несколько процентов превышала суммарную производительность закачных скважин или была им равной. Данное обстоятельство диктуется требованиями экологической безопасности, не допускающими растекания растворов за пределы ячейки, а также исключает потерю продуктивных растворов, содержащих полезные компоненты.

Опытный полигон был представлен водонасыщенными отвалами дражных отработок (пески и супеси с гравием и галькой), содержащих в непромышленных концентрациях золото. Техногенный слой подстилается суглинками мощностью 3…4 м. Нижняя (продуктивная) часть разреза (9,5…14,5 м) представлена золотоносными песками (супеси, местами суглинки со щебнем и гравием) с содержанием россыпного золота 1…8 г/т. Максимальные содержания золота характерны для приплотиковой части и плотика. Продуктивный горизонт подстилается элювиальным щебнем с суглинистым заполнителем и трещиноватыми кристаллическими сланцами, залегающими с глубины 14…14,5 м и содержащими напорные воды. Все технологические и наблюдательные скважины в интервале продуктивного горизонта обустроены трубчатыми щелевыми фильтрами с гравийной обсыпкой в интервале 9,5…14 м. Расстояние между скважинами, образующими технологическую ячейку – около 3 м.



Специальные гидрогеологические исследования позволили определить все необходимые параметры управления движением растворов в продуктивной зоне, обеспечивающие оптимальные условия работы опытной ячейки.

Рис. 2. *Схема технологической ячейки подземного выщелачивания россыпного золота*

По результатам лабораторно-технологических исследований укрупненной пробы было установлено, что предварительное закисление продуктивного горизонта позволяет уменьшить затраты хлора на выщелачивание и уменьшает потери золота за счет уменьшения концентрации металлов восстановителей и концентрации сульфид ионов, осаждающих золото в виде металла, а также увеличивает степень извлечения и снижает Ж/Т периода активного выщелачивания на 20…25 %. Понижение pH среды также способствует увеличе-

нию окислительной способности выщелачивающего раствора хлора, что позволяет при меньших концентрациях последнего увеличить скорость растворения золота в хлорной воде.

Закисление продуктивного горизонта проводилось раствором соляной кислоты. Рабочий раствор готовили разбавлением соляной кислоты (ГОСТ 857-88, марка Б, плотность – 1,19 г/см^3, массовая доля основного вещества 36 %). Закисление продуктивного горизонта осуществлялось с наращиванием концентрации кислоты в рабочих растворах 0,5 г/л…1,5 г/л до понижения значений pH в откачных растворах менее 3,2.

Основные химические реакции взаимодействия растворов разбавленной соляной кислоты с минералами вмещающих пород имеют следующий вид:

1) реакция взаимодействия с минералами железа – магнетитом и гематитом

$Fe_2O_3 + 6HCl = 2FeCl_3 + 3H_2O$

$FeO + 2HCl = FeCl_2 + H_2O$;

2) реакция взаимодействия с карбонатами кальция и магния

$CaCO_3 + 2HCl = CaCl_2 + H_2O + CO_2$

$MgCO_3 + 2HCl = MgCl_2 + H_2O + CO_2$;

3) реакция взаимодействия с оксидом алюминия

$Al_2O_3 + 6HCl = 2\,Al\,Cl_3 + 3H_2O$.

Реакции взаимодействия с сульфидными минералами: арсенопиритом, пиритом, галенитом, сфалеритом и киноварью

$PbS + 2HCl = PbCl_2 + H_2S$

$ZnS + 2HCl = ZnCl_2 + H_2S$

$HgS + 2HCl = HgCl_2 + H_2S$.

На этапе закисления рабочий режим технологической ячейки был установлен с учетом сохранения нулевого баланса закачных и откачных растворов.

Дозирование соляной кислоты в закачные растворы осуществлялось объемным методом. Смешивание оборотных растворов с соляной кислотой происходило в отстойнике маточных растворов в среднем каждые четыре часа. При этом для приготовления растворов с концентрацией HCl 0,5 г/л на каждые 2 м^3 откачных растворов доливалось 2334 мл HCl. Закачные растворы имели следующие показатели: концентрация HCl – 0,5 г/л; pH – 1,80…2,10. Подземные воды в откачной скважине в исходном состоянии имели значение pH = 7,77.

Откачка растворов из скважин производилась при помощи эрлифта, диаметр водоподъемных труб – 40 мм, диаметр воздухоподающих труб – 18 мм. Глубина установки эрлифта – 15,30 м, начальный статический уровень подземных вод в скважине 1,52 м (с учетом высоты оголовка 0,3 м), средний динамический уровень 8,70…8,80 м. Для выработки сжатого воздуха использовался компрессор типа СО-7Б с номинальным давлением 0,6 МПа и производительностью 30 м^3 воздуха в час. Среднее рабочее давление при откачке из скважин составляло 0,12 МПа. После откачки растворы поступали в отстойник продуктивных растворов, где происходило их накопление. По мере расходования закачных растворов в маточном отстойнике продуктивные растворы насосом подавались в маточный отстойник, где происходило доукрепление их соляной кислотой.

На этапе активного выщелачивания золота применялся рабочий раствор хлора. Активный хлор (Cl_2) подавался в скважины в виде водного раствора в концентрации 1…2 г/л. Учитывая высокую агрессивную способность хлора, все фильтровые скважины, технологические трубопроводы изготавливались из полиэтилена, технологические насосы, запорное оборудование – из пластмассы или нержавеющей стали.

На этапе активного выщелачивания рабочий режим технологической ячейки был установлен с учетом сохранения нулевого баланса закачных и откачных растворов. Общий дебит откачных скважин составлял 450…520 л/ч, расход растворов в закачные скважины установлен в среднем 80…110 л/ч на каждую скважину.

В процессе фильтрации технологических растворов установлен перевод золота в рас-

твор, что доказано соответствующими анализами. Продуктивные растворы подавались на сорбционные колонны СК-1 и СК-2, загруженные активированным углем общей массой 59,4 кг. Необходимость применения двух колонн обусловлена тем, что производительность и сорбционная емкость угля в ней в процессе испытаний уменьшилась за счет частичной кольматации, вызванной сравнительно высоким содержанием взвешенных частиц в растворе, наличием посторонних примесей (медь, цинк, железо, алюминий, кобальт, мышьяк и т.д).

Производственные испытания проводились в течение 18 суток, общий объем переработанных растворов составил 120380 л. Среднее содержание золота в отстойнике технологических растворов составило 0,070 г/л. При этом среднее содержание золота в угле достигало 84,38 г/т.

На основании выполненных лабораторных и производственных исследований можно сделать следующие предварительные выводы.

1. Благоприятными участками для ПВ являются погребенные россыпи, представленные водоносными песками и залегающие на непроницаемых или слабопроницаемых коренных породах горных долин. Сравнительно благоприятными являются геолого-гидрогеологические условия, характерные для долин низкогорья с комплексом сравнительно высоко проницаемых пород в днищах.

Условно благоприятными являются низкогорные, равнинные и слабохолмистые участки, с развитием в днищах долин преимущественно глинистых пород. Тем не менее, несмотря на сравнительно невысокие фильтрационные свойства вмещающих золотоносных пород, организация фильтрации выщелачивающих растворов в них возможна, однако при сравнительно высоких градиентах давления.

2. Для интенсификации фильтрации технологических растворов необходим высокий перепад давлений между закачными и откачными скважинами. Для этого участка при расстоянии между скважинами в 3 м и необходимых градиентах давления около 5…6 перепад уровней между закачными и откачными скважинами должен составлять не менее 15 м. В ряде случаев необходимо искусственное создание давлений в закачных скважинах.

3. Следующим необходимым условием является исключение фильтрации рабочих растворов в коренные трещиноватые породы и их потери. Это возможно за счет тампонирования коренных пород. Однако отсутствие нижнего водоупора все же требует весьма тщательных наблюдений по режимной сети за возможной потерей технологических растворов.

Оценивая в целом перспективы внедрения метода подземного выщелачивания россыпного золота, отметим, что данная геотехнология может найти практическое применение на россыпных месторождениях с низким содержанием глины в продуктивных песках (т.е. с высокими фильтрационными свойствами) и низкой трещиноватостью подстилающих коренных пород.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аренс В.Ж. Геотехнологические методы добычи полезных ископаемых / В.Ж. Аренс. – М.: Недра, 1975. – 303 с.

2. Резник Ю.Н. Современные тенденции в переработке золотосодержащих руд и техногенных отходов / Ю.Н. Резник, Л.В. Шумилова, Ю.И. Рубцов. – Чита: ЧитГУ, 2007. – 280 с.

3. Овсейчук В.А. Геотехнологические методы добычи и переработки урановых и золотосодержащих руд / В.А. Овсейчук., Ю.Н. Резник, В.П. Мязин. – Чита: ЧитГУ, 2005. – 315 с.

Коротко об авторах ***Briefly about authors***

Резник Юрий Николаевич, Заслуженный деятель науки, д-р техн. н., профессор, ректор Читинского государственного университета (ЧитГУ), bondar@chitgu.ru

Reznik Yury Nikolayevich, Honoured scientific worker, D. E., professor, Head of Chita State university, bondar@chitgu.ru

Научные интересы: минеральная подготовка при горно-промышленном освоении месторождений полезных ископаемых

Scientific interests: mineral preparation during industrial and mining exploration of mineral deposits

Тимащенков Сергей Николаевич, главный инженер с/а «Бальджа», Timoos@yandex.ru

Timashchenkov Sergey Nikolayevich, chief engineer of prospecting cooperative «Baldja», Timoos@yandex.ru

Научные интересы: изучение геологических условий залегания и разработка золотоносных россыпей в условиях южного Забайкалья

Scientific interests: studying of geological terms of bedding and mining of gold placers in conditions of south Transbaikalia

Воронов Евгений Тимофеевич, Заслуженный деятель науки, д-р техн. н., профессор, зав. кафедрой БЖД, Читинский государственный университет (ЧитГУ), bondar@chitgu.ru

Voronov Eugeny Timopheyevich, Honoured scientific worker, D. E., professor, Head of Accident Prevention Department of ChitSU, bondar@chitgu.ru

Научные интересы: повышение уровня промышленной и экологической безопасности при разработке месторождений полезных ископаемых

Scientific interests: increasing of industrial and ecological safety during mineral deposits extraction

УДК 622.332

Г.П. Сидорова
G. Sidorova

К ВОПРОСУ О РАДИОАКТИВНОСТИ УГЛЕЙ

ON THE ISSUE OF CARBONS RADIOACTIVITY

В статье рассматривается проблема использования углей с повышенным содержанием естественных радионуклидов, их роль в общей радиоактивности литосферы и влияние на окружающую среду

The article considers the problem of using natural radionuclide-enriched carbons, their role in total lithosphere radiation and their influence on the environment

Ключевые слова: *радиоактивность, радионуклиды, удельная активность радионуклидов*

Key words*: radioactivity, radionuclides, specific activity of radionuclides*

Огромные объемы минерального сырья, вовлеченные в процессы хозяйственной деятельности человека, в том числе и обладающие радиоактивностью, существенно влияют на окружающую среду. Одним из видов этого сырья является ископаемый уголь.

Угли с повышенным содержанием естественных радионуклидов встречаются практически повсеместно. По оценке Научного комитета ООН по действию атомной радиации, ожидаемая коллективная эффективная доза облучения населения, связанная с использованием угля, составляет во всем мире − 100 тыс. чел.- Зв/год. Из них в пределах СНГ около 20 тыс. чел.- Зв/год [1] .

Удельная активность ЕРН в углях различных месторождений варьирует в пределах $10^2 \ldots 10^3$ и более раз.

По данным М.Г. Давыдова, представленным в табл. 1, удельные активности ЕРН в углях месторождений стран, основных производителей твердого топлива, составляют:

Таблица 1

Страны	**А, Бк/кг**			**% мирового производства**
	^{238}U	^{232}Th	^{40}K	
США	1÷540	2÷320	1÷710	24
	ср.18	ср. 21	ср.52	
СНГ	ср. 28	ср. 25	ср.120	16
Китай	ср. 7	ср. 16	ср.30	26
В целом по миру	ср. 20	ср. 20	ср.50	

Пределы вариации содержаний урана в месторождениях мира отмечаются 0,6…3600 Бк/кг, а при наличии в районах месторождений урановых аномалий, $3{,}6 \ldots 8{,}4 \times 10^4$ Бк/кг. Максимальные содержания урана для разных стран значительно различаются: так, в углях

США – это 245 Бк/кг, в углях Швеции $n\times10^4$ Бк/кг; в лучших сортах углей Донбасса и Кузбасса – до $1,2\times10^2$ Бк/кг.

К сожалению, данные о содержаниях других ЕРН в углях ограничены. Имеются данные о содержании ^{226}Ra в углях некоторых стран. Так, в США в среднем 22 Бк/кг, в Австралии 30…48 Бк/кг, ФРГ – 26 Бк/кг, Чехословакии – 4…13 Бк/кг, Польше – 2…35 Бк/кг [8].

Проведенная в 1991-1996 гг. лабораторией радиационной экологии ВНИПИПТ оценка радиационной обстановки на 136 из 200 действующих на тот период в России шахт и разрезов показала, что на большинстве обследованных предприятий среднее значение радия и тория не превышает в угле 60 Бк/кг, а во вмещающих породах – 100 Бк/кг.

Вместе с тем, на отдельных предприятиях содержание этих элементов в определенной части углей находится в диапазоне 100…1000 Бк/кг.

Недавно изучен радионуклидный состав углей типа АШ Восточного Донбасса. Результаты анализа ограниченного числа проб позволяют получить оценки средних содержаний ЕРН в этих углях: ^{238}U – (76±6Бк/кг); ^{226}Ra – (34±4Бк/кг); ^{232}Th – (21±2Бк/кг); ^{40}K – (300±20Бк/кг).

Также отмечается широкая вариация содержаний ЕРН в этих углях.

Существенное значение имеет и радиоактивность продуктов сжигания углей на тепловых электростанциях – золы и шлака. Она влияет как на радиационную обстановку в районах расположения объектов тепловой энергетики, так и на радиационное качество золошлаковых отходов, часто используемых в качестве сырья для производства строительных материалов.

Среднемировые значения удельных активностей ЕРН в летучей золе ТЭС, работающих на угле, приведены в табл. 2.

Таблица 2

А, Бк/кг							
^{238}U	^{226}Ra	^{210}Pb	^{210}Po	^{232}Th	^{228}Th	^{228}Ra	^{40}K
200	240	930	1700	70	110	130	265

Коэффициенты концентрирования некоторых ЕРН в золе при сжигании угля: для радионуклидов рядов ^{238}U и ^{232}Th ≤6; ^{40}K ~1. Особенно высокие коэффициенты концентрирования имеют место у ^{210}Pb и ^{210}Po. Это объясняется тем, что по сравнению с другими радионуклидами ^{210}Pb и ^{210}Po при горении улетучиваются, а затем конденсируются в нижней части дымохода на наиболее мелких частицах летучей золы.

Средние активности некоторых ЕРН в продуктах сгорания угля приведены в табл. 3.

Таблица 3

Материал, страна	А, Бк/кг	
	^{226}Ra	^{40}K
Зола угольная		
США	140	700
ФРГ	215	
Япония	215	
Шлак		
США	166	960
Польша	160	640

Окончание табл. 3

Материал, страна	А, Бк/кг	
	^{226}Ra	^{40}K
Зола летучая		
США	115	407
Польша	237	832
Венгрия	22÷555	–
Австрия	–	518

В России наиболее детальное исследование радиоактивности продуктов сжигания углей проведено для углей Уртуйского и Харанорского месторождений, сжигаемых на Краснокаменской ТЭЦ Читинской области.

Результаты исследований показывают существенное влияние состава углей (месторождения) на коэффициенты обогащения золы и шлака ($К_з$, $К_ш$) . Вероятно, на $К_з$ и $К_ш$ влияют также параметры технологии сжигания, но этот вопрос до сих пор не изучен.

Как уже говорилось, одними из важнейших показателей качества углей, с точки зрения экологов, являются его радиационно-гигиенические параметры.

Значительной проблемой при решении вопросов радиационно-гигиенического контроля качества углей является то, что до настоящего времени нет как отечественных, так и международных нормативно-методических документов, определяющих требования к содержанию радионуклидов в сжигаемых углях.

Действующими в настоящее время НРБ-99 определены ограничения содержания радионуклидов только в продуктах сжигания углей (зола, шлак), при использовании их в строительных целях [2].

Отсутствие нормативных документов приводит к организационным, методическим и техническим трудностям при организации систем контроля радиационного качества угля.

Имеются примеры эпизодического контроля угля отдельных месторождений с помощью различных типов гамма-спектрометрической аппаратуры (переносной и стационарной, с отбором проб по определенной сети). На наш взгляд, эти способы контроля имеют существенный минус – непредставительность результатов контроля [5].

Наиболее детально изучена радиоактивность бурых углей Уртуйского месторождения Читинской области.

Отличительной чертой углей данного месторождения является наличие в них повышенных концентраций естественных радионуклидов, характеризующихся значительной изменчивостью. В целом для месторождения характерно резкое преобладание урана над торием и калием. В связи с этим изменение эффективной удельной активности ЕРН обусловлено, в первую очередь, изменениями содержаний урана и радия.

Проблемами контроля радиационно-гигиенического качества углей на разрезе «Уртуйский» начали заниматься с самого начала освоения месторождения, так как детальной разведкой были выявлены участки угля с повышенным содержанием естественных радионуклидов.

Урановое оруденение в угленосных отложениях кутинской свиты в Восточно-Урулюнгуевской впадине впервые выявлено около 25 лет назад. Однако на его генезис до сих пор не существует единой точки зрения. Одни геологи считают повышенные концентрации урана сингенетическими, другие отдают предпочтение гипотезе о преобладании эпигенетических процессов. На взгляд автора, особенности морфологии рудных залежей и

закономерности их локализации на Уртуйском месторождении свидетельствуют об инфильтрационной концентрации урана в угленосных отложениях неокома [3].

С целью более детальной изученности радиоактивности углей на месторождении был выполнен комплекс работ.

Все работы получили положительное экспертное заключение НИИ радиационной гигиены и Федерального управления медико-биологических проблем при Минздраве РФ, института биофизики Гос. Науч. Центр. РФ [3; 5].

В результате опытных работ на предприятии разработана система контроля качества угля по радиационно-гигиеническому фактору, которая базируется на понятии *удельная эффективная активность* ($А_{эфф}$, Бк/кг), принятом из практики радиационной оценки материалов, используемых в строительстве (в т.ч. шлак и зола) [4].

При этом основная задача заключалась в том, что система контроля должна обеспечивать представительное, экспрессное определение удельной эффективной активности с достаточной для радиоэкологических требований точностью единичного измерения.

Основные операции в системе радиационно-гигиенического контроля закреплены соответствующими технологическими инструкциями для персонала, а сама система контроля закреплена стандартом предприятия.

Применение на разрезе системы радиационно-гигиенического контроля качества углей позволило полностью исключить превышение содержаний ЕРН и сертифицировать потребительский уголь как по радиационно-гигиеническим, так и по химическим показателям [6].

Выводы

1. Наличие ЕРН в углях практически всех месторождений, а также связанное с этим значительное радиационное воздействие на окружающую среду и население, сравнимое с радиационным воздействием более опасных в радиационном отношении предприятий, делает необходимым решение данной проблемы на законодательном уровне с включением требований к сжигаемым углям в нормы радиационно безопасности НРБ−99.

2. Возможность накопления в угольных месторождениях ЕРН делает необходимым изучение в них радиационно-гигиенических параметров как на стадиях разведки, так и в процессе отработки.

3. Аналитические исследования и теоретические обоснования методики оперативного контроля радиационно-гигиенических параметров углей, внедренные на Уртуйском буроугольном разрезе, показывают возможность решения проблемы радиационно-гигиенического контроля их качества с высокой степенью точности.

4. Применяемые на разрезе «Уртуйский» методы контроля радиационно-гигиенического качества углей могут быть использованы на любом угольном месторождении, разрабатываемом открытым способом, а при дополнительных научных исследованиях и на месторождениях – разрабатываемых подземным способом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень центра общественной информации по атомной энергии. – М., 1997. – № 9. – 5 с.

2. Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности (ОСПОРБ-99) / Минздрав России. – М., 2000. – 36 с.

3. Хоментовский Б.Н. Изучение ураноносности углей Уртуйского месторождения / Б.Н. Хоментовский, В.А. Овсейчук, В.А. Вахрушев. – Горный журнал, 1993. – № 3. – С. 46-52.

4. Тирский А.В. Геофизический контроль радиационно-гигиенического качества угля / А.В. Тирский, А.В. Яновский, Р.А. Суханов. – // Горный вестник. – 1998. – № 3. – С. 43-49.

5. Сидорова Г.П. Радиационно-гигиенический контроль качества углей на Уртуйском буроугольном месторождении / Г.П. Сидорова. – ГИАБ. – 2006. – № 2. – С. 37-40.

6. Сидорова Г.П. Методы оперативного контроля качества угля на Уртуйском буро-

угольном разрезе / Г.П. Сидорова. – ГИАБ. – 2006. – № 12. – С. 141-145.

7. Сидорова Г.П. Качественные характеристики бурого угля Уртуйского месторождения / Г.П. Сидорова. – Вестник ЧитГУ, 2006. – № 4. – С. 21-26.

8. Давыдов М.Г. Радиоэкология [Электронный ресурс] / М.Г. Давыдов // Радиоактивность литосферы – Режим доступа: http://www.phys.rsu.ru. /web/nudear/radiology/fRE6.htm – Загл. с экрана.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Сидорова Галина Петровна, к. техн. н., доцент кафедры гидрогеологии и инженерной геологии, Читинский государственный университет (ЧитГУ), druja@inbox.ru

Sidorova Galina, C. E., associate professor of Hydrogeology and Geologic Engineering Department, Chita State University, druja@inbox.ru

Научные интересы: экологические проблемы, связанные с радиационно-гигиеническим качеством углей. Оперативные методы управления радиационно-гигиеническим качеством углей

Scientific interests: environmental issues connected with radiation and hygienic quality of carbons. Day-to-day methods of carbons radiation and sanitary quality management

УДК 622.333

Н.С. Щелканов
N. Shchelkanov

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЛОДОРОДИЯ ПОЧВ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГОРНОТЕХНИЧЕСКОГО ЭТАПА РЕКУЛЬТИВАЦИИ НА РАЗРЕЗЕ «ВОСТОЧНЫЙ»

FERTILE SOILS RESEARCH AFTER MINE TECHNICAL STAGE OF REVEGETATION IN GEOLOGICAL CROSS-SECTION «VOSTOCHNY»

Рассмотрены способы восстановления плодородия почвы при рекультивации территории горнодобывающего производства.

Исследования по содержанию в отрекультивированных почвах калия, фосфора, азота и гумуса показали, что данные почвы можно включать в сельскохозяйственный оборот

The article considers main means of resoiling during mine reclamation.

Studies of resoiled lands concerning the content of potassium, phosphorus, nitrogen and humus found that these soils could be put into agricultural operation

Рекультивация нарушенных земель является неотъемлемой частью технологии ведения открытых горных работ по добыче угля.

В районах Читинской области около 60 % воздействий на литосферу приходится на долю горнодобывающего производства. Особенностью горнодобывающего производства является непосредственное воздействие на природную среду в процессе извлечения полезного ископаемого, причем происходящие изменения природных компонентов часто становятся наглядными и видимыми. Основными направлениями негативного воздействия являются:

– нарушение земель и изъятие их из землепользованиия;

– истощение водных ресурсов и нарушение гидрологического режима грунтовых и поверхностных вод;

– загрязнение воздушного бассейна твердыми и вредными газообразными веществами при применении существующих технологических процессов добычи, переработки и сжигания твердого топлива;

– загрязнение земной поверхности отходами добычи.

Негативное воздействие на литосферу оказывают отходы, которые образуются в ходе технологических процессов на объектах производства. К ним относятся отходы при добыче угля, золошлаковые отходы от сжигания углей, нефтешлам от очистки емкостей ГСМ и др. В результате открытых разработок нарушаются сложившиеся биогеоценотические связи, полностью уничтожается почвенный и растительный покров, выводятся из строя и теряются

для сельскохозяйственного производства значительные площади угодий, восстановление которых является важнейшей задачей.

Для предотвращения или уменьшения негативного воздействия горнодобывающей промышленности на окружающую среду следует сформировать систему экологического мониторинга, основной задачей которого является информационное обеспечение и поддержка процедур принятия решений в области природоохранной деятельности и экологической безопасности. Необходимо осуществлять наблюдения за объектами экологической опасности по состоянию атмосферного воздуха, почвы, грунтовых и подземных вод, природной среды в целом, принимать решения по своевременному предупреждению от загрязнения и давать прогноз оценки возможных последствий. С целью сохранения земельных ресурсов страны, компенсации ущерба, наносимого природному комплексу, сельскому, лесному и иным хозяйствам, исключения вредного воздействия на окружающую среду, горные предприятия обязаны проводить рекультивацию территорий, нарушенных в процессе добычи полезного ископаемого.

Рекультивация – комплекс горных, мелиоративных, сельскохозяйственных и гидротехнических работ по восстановлению продуктивности и народнохозяйственной ценности нарушенных земель определенной целевой направленности, а также улучшение условий окружающей среды.

Рекультивация выполняется в два этапа. Первый этап – горнотехнический (технический). Второй этап – биологический.

Основными направлениями использования восстановленных земель являются:

– сельскохозяйственное;

– лесохозяйственное (почвозащитные, ланд-шафтнодекоративные, промышленные насаждения);

– рекреационные – сооружение на нарушенных землях зон отдыха.

В зависимости от направления последующего использования земель к их рекультивации предъявляются различные требования. Земельные участки, предназначенные после их восстановления для использования, должны быть спланированы, покрыты плодородным почвенным слоем, оборудованы в необходимых случаях дорогами, дренажем и другими коммуникациями и сооружениями. Эти участки должны быть удобными для выполнения сельскохозяйственных работ с применением современных машин, иметь уровень грунтовых вод, обеспечивающий оптимальные условия для произрастания растений. Слой почвы необходимо наносить на устоявшуюся, не подверженную просадкам поверхность отвалов. Мощность наносимого плодородного слоя почв должна быть не менее 10…15 см.

Таким образом, почва является относительно возобновляемым ресурсом в условиях нарастающего прогресса и развития горной промышленности.

Разрез Восточный, как и каждое горнодобывающее предприятие, осуществляющее открытую разработку месторождения полезных ископаемых, оказывает неблагоприятное воздействие на окружающую среду. Специфическим, неблагоприятным воздействием разреза на среду является изменение ландшафта, изъятие земель для ведения открытых горных работ, нарушение гидрогеологического режима. Горные работы предусматривается осуществлять с размещением всего объема вскрышных пород на внутренних отвалах, что позволит существенно сократить количество изымаемых земель. На разрезе Восточный на 01.01.2003 г. нарушено 622,8 га, в том числе по пласту 1…151 га, по пласту II – 210,3 га, по

пласту III – 261,5 га. Дополнительно при отработке пласта 1 до 2014 г. будет нарушено 97,6 га, в том числе луговой растительности с редколесьем 72,1 га и залежи 25,5 га.

Почвы Улетовского района, подверженные техногенному воздействию разреза Восточный, относят к Ингодинско-Читинской лесостепной подзоне. В данную подзону отнесены районы, расположенные в среднем и нижнем течении р. Ингоды и в низовьях р. Читинки. Читинский и Улетовский районы в основном занимают обширную межгорную котловину протяженностью около 250 км и шириной 20…40 км. Для данной подзоны характерно распространение двух типов черноземов: бескарбонатных, занимающих степные участки широких котловин, и темно-серых лесных почв, которые характерны для небольших котловин и окраинных частей обширных межгорных понижений.

Агрохимическое обследование почв показало, что в данной подзоне большой удельный вес занимают почвы средней и высокой обеспеченности подвижными формами фосфора. Кроме того, основные почвы этих районов холодные (за исключением черноземов), в них замедлена активность процессов нитрификации, что ведет к дефициту доступных соединений азота в почве.

Проведенные нами исследования (методом Чирикова) по определению содержания в отрекультивированных почвах основных химических элементов (рис. 1…4): калия, фосфора, азота и гумуса позволяют утверждать, что данные почвы можно включать в сельскохозяйственный оборот после проведения определенных мероприятий, позволяющих поднять уровень плодородия на данных почвах.

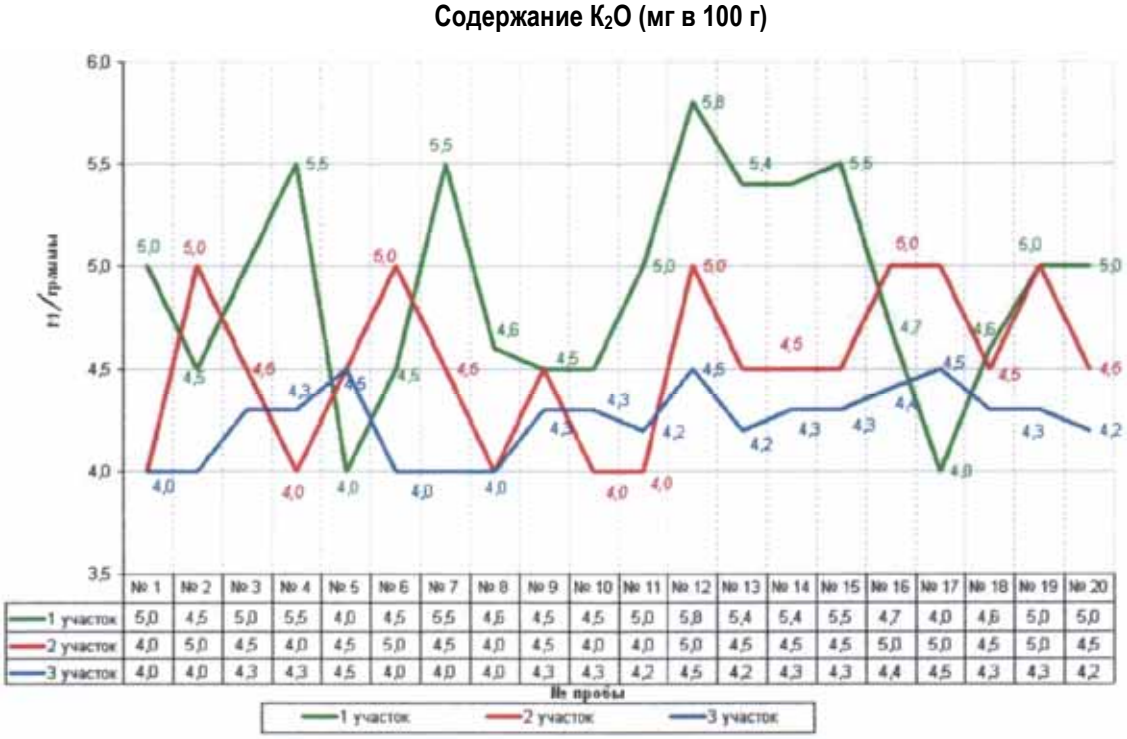


Рис. 1 . *Содержание калия в почвах разреза Восточный после горнотехнического этапа рекультивации*

Содержание NO_3 (мг в 100 г)

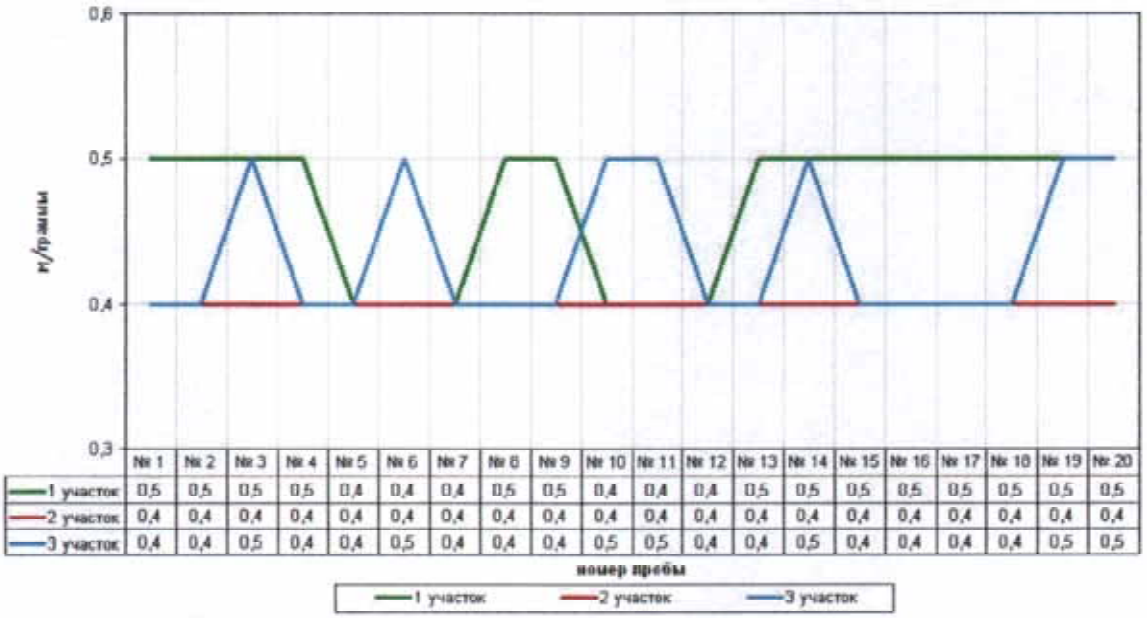


Рис. 2. *Содержание нитратного азота в почвах разреза Восточный после горнотехнического этапа рекультивации*

Содержание P_2O_5 (мг в 100 г)

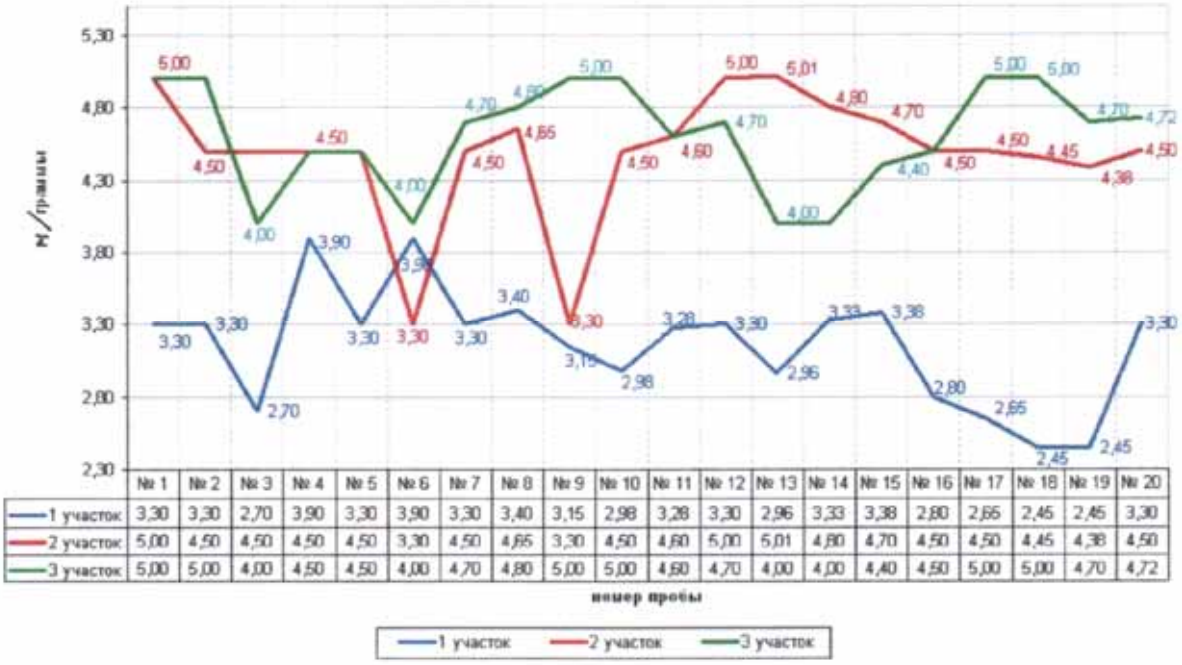


Рис. 3. *Содержание фосфора в почвах разреза Восточный после горнотехнического этапа рекультивации*

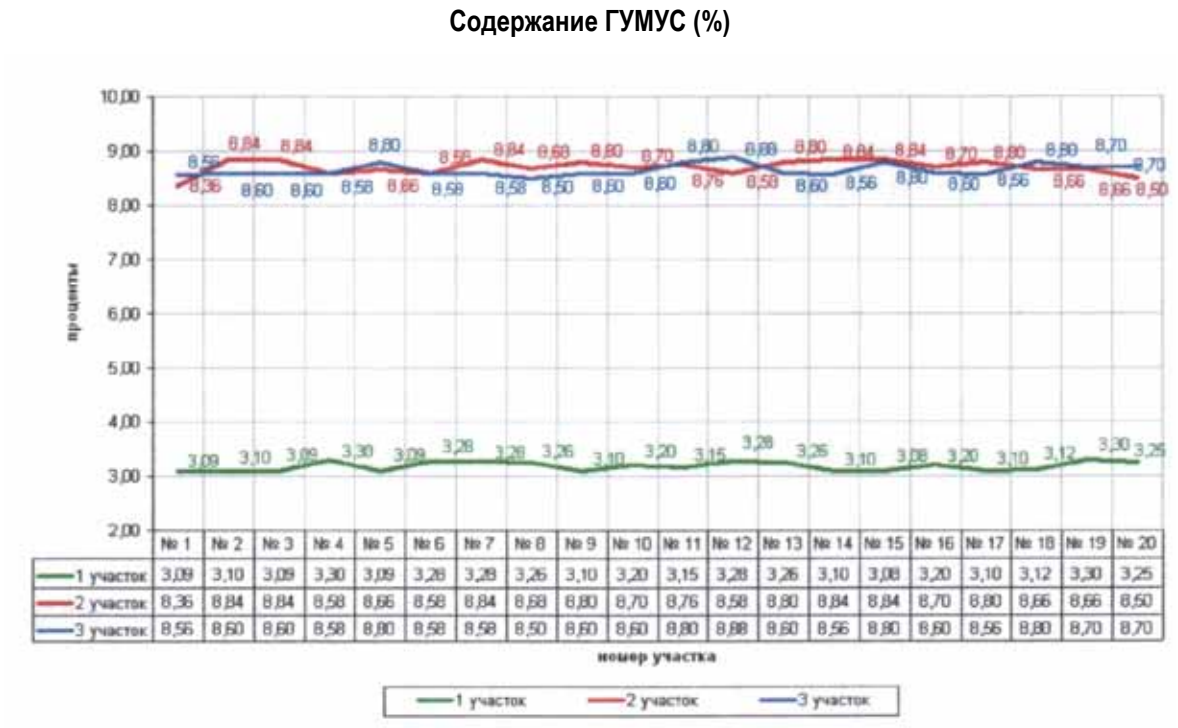


Рис. 4. *Содержание гумуса в почвах разреза Восточный после горнотехнического этапа рекультивации*

На приведенных на рис. 1…4 графиках видно, что содержание калия в данных почвах составило 4…5,8 мг в 100 г почвы при норме 5…8 мг достаточное для возделывания сельскохозяйственных культур. Содержание нитратного азота 0,5…0,4 мг в 100 г при норме 0,4, т.е. недостаточное для воздействия сельхоз культур.

Содержание фосфора 2,45…5 мг в 100 г при норме 5…7 мг от низкого до среднего.

Содержание гумуса составило 3,09…8,84 % при норме 6 %. Высокое содержание гумуса связывается либо с тем, что в почвы было внесено определенное количество торфа, либо методической погрешностью исследования, когда при сжигании пробы выделилось большое количество углерода, который и показал данный уровень содержания.

Весьма перспективным приемом рекультивации отвальных грунтов следует считать посевы многолетних трав, что влечет повышение содержания гумуса (за счет создания агроценозов однолетниками и многолетними травами). Донник, кострец безостый, пырейник сибирский особенно при минеральной подкормке значительно улучшают физико-химические свойства почв и способствуют получению высоких урожаев сена. Под воздействием многолетних трав с течением времени на отвалах образуется небольшой аккумулятивный слой в 3…4 см с содержанием гумуса 4…6 % при исходном содержании в отвалах 0,2…0,3 % и увеличивается количество питательных элементов.

Одним из надежных показателей эффективности мероприятий по восстановлению нарушенных земель и образования условий для произрастания культурных растений на отвалах является активность микробиологических и биохимических процессов.

Показателем улучшения свойств отвальных грунтов служит также ферментативная активность, которая значительно возрастает при посеве многолетних трав. Эти изме-

нения в микробиологической и ферментативной активности грунтов под влиянием рекультивации могут, наряду с другими показателями, служить признаком формирования здесь среды, пригодной для использования под сельскохозяйственные культуры.

При проведении опытных работ на отвалах угольных разрезов выявлено, что отдельные виды растений очень хорошо размножаются естественным путем – семенами или корневыми отпрысками. Это положительное свойство растений целесообразно использовать при биологической рекультивации отвалов, сложенных из горных пород легкого механического состава. На них рекомендуется производить посадку биогруппами облепихи, акации белой или посев люцерны синегибридной, эспарцета песчаного, донника белого. Такие биогруппы – семенники обеспечивают в дальнейшем распространение растений естественным путем на всей прилегающей площади отвалов.

Таким образом, почвы, образованные предложенным способом, можно использовать не только под естественные зарастания, но и сдавать АПК в виде сенокосов и пастбищ при условии применения азотофосфорных минеральных удобрений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккер А.А. Охрана и контроль загрязнения природной среды / А.А. Беккер, Т.Б. Агаев. – СПб.: Гидрометеоиздат. – 1989. – 286 с.

2. Бутин Г.П. Агропроизводственная характеристика почв Читинской области / Г.П. Бутин, А.В. Вазингер. – Иркутск – Чита, 1965. –143 с.

3. Назаров В.В. Влияние технологии разработки россыпей драгами на показатели рекультивации нарушенных земель / В.В. Назаров, Ю.М. Овешников // Комплексные исследования физических свойств горных пород и процессов: тез. докл. VII Всесоюзной научной конференции вузов СССр с участием НИИ. – М., 1981. – С. 83.

4. Природные ресурсы Забайкалья и проблемы природопользования: Материалы научной конференции, 10-15 сентября 2001г. – Чита: издание ЧИПР СО РАН , 2001. -531.

5. Токмаков П.И. Экология и охрана природы при открытых горных работах / П.И. Токмаков, В.С. Коваленко, А.М. Михайлов, А.Т. Калашников. – М.: МГУ, 1994. – 418 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Щелканов Николай Сергеевич, преподаватель Забайкальского аграрного института филиала ИГСХА, аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Shchelkanov Nickolay, lecturer of Trans-baikal Agrarian Institute of ISAA (Irkutsk State Agricultural Academy) branch, graduate, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: исследование рекультивации нарушенных земель открытыми горными работами, возможность использования вскрышных отвалов на угольных разрезах для различных направлений сельскохозяйственного и лесохозяйственного направлений

Scientific interests: research of open cast mining revegetation, possibility of using stripping bank in open cast collieries for different agricultural and forestry trends

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.6

Н.П. Романова
N. Romanova

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

SOCIAL INEQUALITY:
METHODOLOGICAL ASPECT

Рассмотрены основные представления о формировании социально-стратификационной структуры общества. Выделены определяющие факторы таковой современного российского общества

The article considers main concepts about social and stratification structure of society, its formation. Determinants of modern russian society structure are emphasized

Ключевые слова: *социальная адаптация, социальное пространство, социальный статус*

Key words: *social adaptation, social space, social status*

Проблема социальной стратификации в социологии является одной из наиболее значимых. Исследование данной проблемы неразрывно связано с выявлением причин и последствий социального неравенства, с анализом и характеристикой социальной структуры общества, с пониманием содержания социальной справедливости, наконец, с выявлением перспектив социального развития общества.

Все существующие общества характеризуются неравным распределением материальных и символических благ, вознаграждений и возможностей как в отношении отдельных индивидов, так и между группами внутри общества.

Неравенства являются постоянной чертой человеческого общества. Во всем многообразии неравенств в обществе различаются неравенства природных возможностей и социальных позиций, а также неравенства, образующие и не образующие иерархический порядок. Их комбинация дает четыре основных типа неравенств, объединяемых в две группы:

1) индивидуальные – а) природные различия индивидуальных черт, характеров, интересов; б) природные различия уровня способностей, талантов, силы;

2) социальные – в) социальные различия примерно равных по рангу социальных позиций; г) стратификационные различия, определяющие (отражающие) социальную силу акторов, их жизненные шансы и возможности продвижения по социальной иерархии.

Рассмотрим основные понятия теории социальной структуры: «социальное пространство», «социальная структура общества» и «социальная стратификация».

Начать следует с исследования понятия «социальное пространство». Феномен социального пространства исследовали известные мыслители Э. Дюркгейм, Р. Парк, Г. Ленски и другие. Однако основные идеи социального пространства находим у Питирима Сорокина. В работе «Социальная стратификация и мо-

бильность» [1] он сетует на то, что есть очень немного попыток дать определение социальному пространству, а это представляется важным, так как социальная мобильность – это перемещение людей именно в социальном пространстве. П. Сорокин подчеркивает, что оно в корне отличается от геометрического пространства. «Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию, или же два генерала одного звания и из одной армии, один из которых в Америке, а другой – в Китае), могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же социальном пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение». Далее П. Сорокин утверждает, что подобно геометрическому пространству социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли.

Определить положение человека в социальном пространстве, означает определить его отношение к другим людям, взятым за «точки отсчета» – ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп. Как определить положение объекта в социальном пространстве? Для этого, считает П. Сорокин, необходимо указать:

1) отношение человека к определенным группам;

2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции;

3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество.

Чтобы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, происхождение. Но так как в одной социальной группе существуют совсем разные позиции (президент и рядовой гражданин внутри одного государства), то надо знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения.

«Когда же определено положение населения как такового среди всего человечества, – пишет Сорокин, – тогда можно считать и социальное положение индивида определенным в достаточной степени».

Теперь перейдем к рассмотрению понятия «социальная структура общества», понятия, которое очень часто используется и в социологии, и даже в обыденной речи. Термин «структура» (от лат. struere – строить) ввел в социологию Г. Спенсер. К этому времени он давно использовался в естественных науках, прежде всего, для обозначения постоянных отношений между отдельными частями организма и его целым. Поскольку уже в то время общество рассматривалось как целое, состоящее из взаимосвязанных элементов, каждый из которых приобретает значение и смысл исходя из целого, то и определение социальной структуры соответствовало такому пониманию общества, т.е. социальная структура – это взаимное расположение индивидов и групп в обществе, а также повторяющиеся и устойчивые формы переплетения взаимоотношений и взаимосвязей между ними, которые осуществляются как на основе межличностного общения, так и через средства массовой информации. Социальная структура – это анатомический скелет общества, играющий в жизни человека значительную роль.

В конце 60-х гг. XX в. американские социологи взяли интервью у жительниц Нью-Йорка, получавших пособие по безработице. Им задавали два вопроса: «Считаете ли Вы свое здоровье отличным, хорошим, удовлетворительным, слабым?» и «Собираетесь ли Вы приступить к работе?» Было выявлено, что женщины, намеревающиеся постоянно получать пособие, оценивают свое здоровье ниже,

чем те, которые были намерены скоро начать работу.

Социологи сделали вывод о том, что люди, находящиеся на соцобеспечении, считают себя неудачниками; чувствуя себя неудачниками, они ссылаются на слабое здоровье, пытаясь найти этому оправдание, доказывая, что не виноваты в своих неудачах. Чем в большей степени человек чувствует себя неудачником, тем ниже он оценивает состояние своего здоровья. Отсюда мы вправе сделать вывод о том, что положение людей в обществе играет очень важную роль, оно в значительной мере влияет даже на внутреннее психологическое состояние человека. Таким образом, жизнь человека в значительной степени зависит от его положения в обществе, т.е. от социальной структуры.

Социальная структура придает групповому опыту целенаправленность и организованность. Благодаря ей, мы связываем в своем сознании определенные факты нашего опыта в единые объекты – «семья», «профессия», «страна» и др. Она дает нам ощущение того, что жизнь стабильна и организованна, так как она предполагает наличие постоянных и упорядоченных взаимосвязей между членами группы или общества (семья, церковь, университет и др.). Социальная структура ограничивает наше поведение и направляет наши действия по определенному пути (традиции и обычаи университета, семьи, церкви, корпорации – это социальная структура, которую приняла та или иная организация за определенный период регулярного взаимодействия между ее элементами). Следует иметь в виду, что социальная структура имеет динамичные, меняющиеся характеристики, она постоянно обновляется.

В социологии нет единого мнения по поводу того, что следует считать "элементами" общества, связи между которыми образуют социальную структуру. Английский социолог А. Радклифф-Браун, представляющий структурный функционализм, считает, что все элементы социальной структуры выполняют каждый свою необходимую функцию, поэтому существование каждого элемента связано функциональной зависимостью с существованием других элементов. Он характеризует социальную структуру как соответствующие моделям социальные отношения, как систему статусных позиций, занимая которые индивид устанавливает конкретные отношения с другими людьми. Т. Парсонс, развивший далее структурный функционализм, показал, что социальная структура по природе своей нормативна и ее составляют институализированные модели нормативной культуры, т.е. социальную структуру образуют модели, образцы поведения, которые, являясь относительно постоянными, обеспечивают единообразие и стабильность социальной жизни. Есть и другое понимание термина «структура», когда он используется для того, чтобы отличать главное от второстепенного, первичное от производного.

К. Мангейм считает, что социальная структура состоит из базисных элементов, определяющих все остальное; этими базисными элементами являются материальные элементы, которые влияют на идеальные (похоже на марксистскую трактовку). Ж. Гуревич дает еще одно толкование термина «структуры», он различает структурированные и организованные группы. Социальные классы всегда структурированы, но не всегда организованы. Структура же больше, чем организация, это общество на всех его уровнях.

Российский социолог А.И. Кравченко в качестве главного элемента социальной структуры называет статус – социальное положение в обществе. С его точки зрения, социальная структура общества – это совокупность пустых социальных ниш – статусов. Однако современная российская социология предпочитает выделить следующие основные элементы социальной структуры общества:

1) совокупность социальных групп, классов и слоев;

2) совокупность социальных институтов и социальных организаций;

3) совокупность функционально взаимо-

связанных социальных статусов и ролей;

4) совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, а также социальных институтов и отношений между ними.

Рассмотрев содержание понятия *«социальная структура»*, мы подошли к необходимости анализа одного из базисных понятий современной социологии – *«социальная стратификация».* Разрабатывая структурный подход к обществу, великие мыслители О. Конт, К. Маркс, Г. Спенсер, а также Э. Дюркгейм и Т. Парсонс в рамках представлений о социальной структуре и социальных функциях зачастую непроизвольно формировали понятие того, что все отношения в обществе размещены в системах разного ранга.

Еще в 20-е гг. XX в. П. Сорокин систематизировал и углубил ряд понятий, приобретших впоследствии ключевые роли в теории стратификации. Однако теория стратификации вобрала в себя и идеи М. Вебера о классах, и идеи социального конфликта Р. Дарендорфа и Р. Коллинза, социальные исследования американских социологов К. Дэвиса и У. Мура. Под социальной стратификацией П. Сорокин понимал дифференциацию совокупности людей на классы в иерархическом ранге, что находит выражение в существовании низших и высших слоев.

Термин «стратификация» состоит из двух слов латинского происхождения (stratum – слой и facio – делаю) и пришел в социологию из геологии, где он обозначает взаимное расположение слоев земли.

А.И. Кравченко проводит аналогию между терминами «социальная стратификация» и «социальное расслоение», что означает деление всего общества на слои, т.е. группы богатых, зажиточных, обеспеченных, бедных и нищих. Социальное расслоение – процесс образования слоев среди населения, но в современной социологии этот процесс обозначается латинскими терминами – дифференциация и стратификация. Термин «расслоение» чаще используется в бытовом языке, а не в научном. Кроме того, он, скорее, используется для обозначения разделения общества на богатых и бедных; термин же «стратификация» отражает не только поляризацию общества, деление его на богатых и бедных, но и конечный результат расслоения – возникновение среднего класса. Социальная дифференциация – более широкое по объему понятие, подразумевающее любые социальные различия, не обязательно связанные с неравенством (например, любители хорового пения; коллекционеры почтовых марок и др.).

В основе социальной стратификации лежит социальное неравенство. Анализ причин социального неравенства и путей его устранения был предметом исследования многих выдающихся мыслителей. Еще Платон и Аристотель, великие философы Древней Греции, констатировали и допускали деление общества на богатых и бедных, однако указывали на недопустимость крайнего богатства и крайней бедности, так как это делает общество неустойчивым и нестабильным.

Неравенство же людей Платон объяснял изначальным неравенством души, а следовательно, различной сложностью и значимостью функций, выполняемых людьми. Все теологические теории объясняют социальное неравенство божественным промыслом. Французский мыслитель Ж.Ж. Руссо считал, что деление общества на богатых и бедных объясняется возникновением частной собственности, а английский философ Т. Гоббс называл в качестве причины социального неравенства несовершенство человека как природного существа.

Наиболее интересной, бросившей вызов всем другим теориям своей масштабностью, научностью и революционностью, явилась классовая теория К. Маркса. С точки зрения К. Маркса, любое общество, где существует частная собственность на средства производства, делится на антагонистические классы – господствующих и угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Это неизбежный этап в развитии обществ, который должен привести в конечном итоге к обществу, где не будет соци-

ального неравенства.

Марксистская теория дала толчок формированию иных конфликтологических теорий социального неравенства, которые рассматривали стратификацию как результат борьбы интересов классов и групп. В частности, немецкий социолог Р. Дарендорф считал, что в основе социального неравенства лежит неравномерное распределение власти. Он утверждал, что всякая социальная система нуждается в определенных типах деятельности и создает систему предложений, распределяющихся как бы "стихийным рынком".

В результате действия рыночного механизма регуляции спроса и предложения складывается экономическое и статусное неравенство, лежащее в основе непрекращающегося конфликта групп и классов и борьбы за перераспределение власти и статусов. Функционалистские же теории выделяют позитивный характер неравенства и пытаются обосновать его функциональную необходимость. Т. Парсонс, в частности, объясняет неравенство существующей в каждом обществе иерархией ценностей.

Например, в США главной социальной ценностью считается успех в бизнесе и карьере, поэтому более высоким статусом и доходами обладают ученые, руководители корпораций и т.д. В Европе же главной ценностью является культура, поэтому общество наделяет особым престижем интеллектуалов-гуманитариев, профессоров, художников.

К. Девис и У. Мур считают, что расслоение общества – это результат разделения труда: неравные социальные функции разных групп людей объективно требуют неравного вознаграждения, а иначе у людей не было бы стимулов стремиться к повышению квалификации, образования, заниматься сложным, опасным, трудоемким, неинтересным видом деятельности. М. Вебер выделяет три основных компонента неравенства: богатство, престиж, власть, т.е. социальное неравенство проявляется в трех измерениях: экономическом, статусном и властном. Экономическое измерение стратификации образует господствующая в обществе система распределения доходов. Оно определяется экономическими критериями (собственность, доступ к ресурсам, и т.п.) и неэкономическими (властью, престижем, уровнем квалификации, образованием, владением информацией).

Экономическое положение человека определяется его доходом. Доход – это количество денежных поступлений индивида за определенный период времени. Это сумма денег, полученная в виде зарплаты, прибыли, процента, гонорара, пенсии. Если доходы высоки, то они превращаются в богатство. Доход измеряется в денежных единицах. Итак, признаки, связанные с экономическим положением людей, т.е. наличием частной собственности, видами и величиной доходов, уровнем материального благосостояния, позволяют выделить следующие слои: богатые, обеспеченные и бедные, высоко-, средне- и низкооплачиваемые и др.

Следующие признаки, позволяющие выделить те или иные слои общества – признаки, связанные с разделением труда (сферой приложения, видами и характером труда, иерархией профессий, профподготовкой, уровнем образования). Соответственно выделяются слои: люди с высшим образованием, работники аграрного сектора, сферы обслуживания и т.д.

Далее мы выделяем признаки, связанные с объемом властных полномочий: у разных слоев разная степень и разный объем возможностей оказывать влияние на людей через должность, виды и формы управленческой деятельности, через владение важной информацией. Соответственно этим признакам можно выделить следующие слои: высшие государственные управленцы, руководители регионального и муниципального звена, менеджеры среднего бизнеса, рядовые работники на частных и государственных предприятиях.

И, наконец, можно выделить признаки, связанные с социальным престижем, авторитетом, влиянием. Имеется в виду та высокая оценка, которую общество дает личностям,

должности, роли. Выделяются слои политической и культурной элиты, неформальные лидеры и др. Три шкалы стратификации – доход, образование, власть – имеют объективные единицы измерения: рубли, годы, люди. Престиж является субъективным показателем, измерить его невозможно.

Доход, власть, образование и престиж определяют совокупный социально-экономический статус, т.е. положение человека в обществе и его место в нем. В социологии выделяют три базисных вида стратификации: экономическая (доход) – ее признаком являются полюсы «беден – богат»; политическая (власть) – ее признаком является властный характер деятельности; профессиональная (престиж) – ее признак престижный или не престижный труд.

Измерения стратификации (экономическое, статусное, властное) обычно взаимосвязаны и подпитывают друг друга, но не всегда прямо совпадают. Например, деятельность, пользующаяся в обществе престижем – труд преподавателя, ученого и т.д. – не всегда оплачивается так, чтобы обеспечить высокое экономическое положение. Однако же мафиози или проститутки, не обладая общественным уважением, могут иметь высокое экономическое положение.

Перечисленные ранее признаки «работают» в делении общества на страты прямо, непосредственно. Однако существует множество признаков, роль которых в стратификации может выступать в скрытой форме. Чаще всего они переплетаются с базовыми признаками, поэтому их называют вспомогательными. Это – этнонациональные свойства, которые действуют тогда, когда они определяют поведение человека или имеют в данном обществе особую значимость; половозрастные характеристики, которые играют серьезную роль в определении социального положения людей; принадлежность к той или иной религии; если в данном обществе религия связана со статусными позициями; культурно-мировоззренческие позиции, которые важны лишь в определенных ситуациях; семейно-родственные признаки, которые по мере развития общества снижали свой удельный вес, но и до сих пор остаются значимыми; признаки, связанные с местом проживания: деление людей на жителей города и деревни, на провинциалов и столичных жителей. Названные дополнительные признаки не всегда связаны со статусным рангом, или он не всегда очевиден.

В последние десятилетия в области теорий социальной стратификации произошли большие изменения. В частности, долго существовавшая классовая концепция стратификации все больше подвергается критике. Предлагается рассматривать общество не как стратифицированное, а как дифференцированное. Дифференциация – ценностно-нейтральное понятие, означающее только, что в обществе присутствуют внутренние членения, границы, которые оно само поддерживает и создает.

Кроме того, на первый план выступают другие стороны неравенства – гендерные, расовые, этнические. Гендерный признак, например, пронизывает любую систему социальной стратификации: деление по полу приводит к неодинаковому доступу к благам общества, оно всегда осуществлялось в пользу мужчин.

Многие социологи признают тот факт, что социальное неравенство нельзя объяснить единой монистической теорией, т.е. они приходят к пониманию особой сложности неравенства и к утверждению новой парадигмы постмодерна. Суть этой парадигмы заключается в том, что социальная реальность сложна и плюралистична, поэтому общество – множество отдельных социальных групп, которые имеют свою культуру, свой образ жизни, свою модель поведения.

Социальный анализ в контексте постмодерна воздерживается от слишком широких обобщений, ориентируясь на конкретные фрагменты социальной реальности. Г. Бредли выделяет четыре типа фрагментации:

1) внутреннюю фрагментацию – внутриклассовые деления;

2) внешнюю, которая обусловлена взаи-

модействием различных динамик различения, например, когда гендерная практика различается в зависимости от возраста мужчин и женщин, их этнической и классовой принадлежности;

3) фрагментацию, вырастающую из процессов социальных изменений, которая вызывается, например, феминизацией современных трудовых отношений, когда возникает поляризация между молодыми женщинами, имеющими образование и перспективы карьеры, и пожилыми, с менее высокой квалификацией, которые такой перспективы не имеют;

4) фрагментацию, которую влечет за собой рост индивидуализма, вырывающего человека от привычной групповой и семейной среды, побуждающего его к большей мобильности и резкому изменению жизненного стиля.

Важный аспект фрагментации – культурный. Разница в образе жизни богатых и бедных постоянно увеличивалась в конце XX в. По данным Фонда Карнеги, 1/5 всех детей в возрасте до 3-х лет в США ко времени взросления будет проживать в бедности.

Еще больший разрыв в благосостоянии и культуре существует между богатыми и бедными странами. Согласно статистике, неравенство в образе жизни богатых и бедных не сглаживается, а нарастает. Тяжелый физический труд, необразованность, бедность остаются уделом большого количества людей. Если же говорить о самоидентификации людей, живущих в современном обществе, то мало кто из них идентифицирует себя с каким-то конкретным классом.

Глубокий общественный переворот, происходящий в России, повлек за собой и преобразование всех социальных институтов: экономических, политических, культурных, собственности и власти. Они повлекли изменения социальной структуры. Изменилась сама природа ее компонентов, общностей и групп, появились новые экономические классы, слои, или страты со своей системой социальных конфликтов и противоречий [2]. Процесс формирования новой социальной структуры, ее состава происходит под воздействием трех основных факторов.

Первый – возникновение новых социальных общностей на основе плюрализации форм собственности. Это специфические слои рабочих и инженерно-технических работников, занятые в кооперативах по трудовым соглашениям или постоянно занятые в них по найму, работники смешанных предприятий и организаций с участием иностранного капитала и т.д.

Второй – трансформация государственной формы собственности и изменение положения традиционных классово-групповых общностей: их границ, количественно-качественных характеристик, возникновение пограничных и маргинальных слоев.

Третий – появление новых классов, новой элиты.

Переход от советского к более демократическому обществу рассматривается как процесс становления гражданского общества – демократического, рыночного, правового. Оно, с одной стороны, является полем, на котором развертывается борьба разнонаправленных частных и групповых интересов, субъектами которых выступают различные слои и общности, а с другой – активным фактором этого процесса. В связи с этим главным становится вычленение гражданского общества из государства, определение его принципиальных границ, общей структуры и функций, анализ историко-теоретического наследия по проблеме, а далее – переход к изучению состава и структуры самого гражданского общества, его функций, взаимодействий составляющих его компонентов – так формулируются программные задачи исследований в рамках социоструктурной проблематики [3].

Утверждается преимущественно стратификационная парадигма изучения социального расслоения, согласно которой общество предстает в категориях многомерного иерархически организованного социального пространства, где социальные группы и слои различаются по степени обладания собственностью, властью, доходами, социальным статусом. Выполненные в рамках такого подхода

первые исследования (1991–1994 гг.) свидетельствуют о крайней неустойчивости социальной структуры кризисного общества на уровне процессов, происходящих внутри как ранее сложившихся социальных групп, так и новых слоев.

На первый план в качестве дифференцирующего признака выступает, естественно, многоукладность отношений собственности, но еще более – имущественное неравенство. Социальная поляризация приобретает «запредельные» размеры.

Развитие новых общественных отношений резко активизирует проявление двух тенденций. С одной стороны, радикальные изменения в формах собственности определяют некоторую свободу в действиях, способствуют реализации потенций личности, с другой – стимулируют социальное отчуждение. Прежние, советские формы несвободы, зависимости от государства дополняются новыми: люди начинают ощущать «кожей», что их личность превращается в рыночный товар. Зыбкость социального статуса, исчезновение традиционных механизмов регуляции экономического и социального поведения, разрушение прежних и неустойчивость новых форм социальной организации препятствуют осознанию особых интересов общностей – будь то наемные работники, предприниматели («новые русские») или иные. Возникает множество промежуточных, маргинальных, трудно идентифицируемых групп. Маргинальное положение, как показывают данные последних исследований, ведет к тому, что представители той или иной группы наемных работников – рабочие, служащие, специалисты – на вопрос о принадлежности к определенному слою, т.е. на уровне самоидентификации, часто не соотносят себя ни с одним из них [4].

В странах с развитой рыночной экономикой модель социальной структуры общества относительно симметрична (геометрический аналог – дипирамида): при развитой центральной части (средние слои) полюса представлены относительно небольшими высшим классом (элитой) и беднейшими слоями. В латиноамериканских странах она напоминает Эйфелеву башню, где имеют место широкое основание (бедные слои), вытянутая средняя часть (средние слои) и верхушка (элита).

Третья модель характерна как для многих стран Центральной и Восточной Европы, так и для постсоветской России, – это своеобразная, придавленная к земле пирамида, где большинство населения прижато к низу – 80 %, тогда как около 3…5 % богатых составляют ее вершину, а среднего класса как бы и вовсе нет.

Проблема средних слоев в последние годы становится предметом активной дискуссии. Повышенный интерес к ней объясняется, прежде всего, тем, что западные концепции «среднего класса» – либо в понятиях «самодеятельного населения» (мелкие, средние собственники, лица свободных профессий), либо в категориях носителей доминирующего стиля жизни – не применимы к российскому обществу 90-х гг. В таком понимании «средний класс», являющийся основой социальной стабильности, определенно отсутствует. Т. Заславская, выделяя основную, срединную часть российского общества (куда она включает все слои, кроме элиты и «социального дна»), разделяет его, в свою очередь, на четыре слоя – верхний средний, средний, базовый и нижний [5].

Активно дискутируются вопросы о содержании понятия «предпринимательство», о слое предпринимателей, его границах, социальных характеристиках. Так, Т.И. Заславская предлагает различать предпринимательство в узком и широком смыслах; к собственно предпринимателям (в узком смысле) следует относить ядро группы, отвечающее всем базовым признакам предпринимательства. Для определения более широкого круга лиц, причастных к предпринимательской деятельности, Заславская вводит новый термин «бизнес-слой» как родовое понятие, объединяющее всех, в той или иной степени занятых бизнесом, начиная с собственников предприятий, банков и фирм, кончая наемными работниками. По данным

исследования, проведенного ВЦИОМом и Интерцентром с марта по декабрь 1993 г. и охватившего 2354 работника, бизнес-слой крайне неоднороден, но достаточно многочисленен – 11,5 % всего работающего населения [6].

Реформирование экономики и политических институтов российского общества выдвинуло властные отношения на авансцену анализа социального неравенства. На необходимости использования этого критерия при изучении любого общества настаивали польские, венгерские, югославские социологи еще в 70-е, 80-е гг. прошлого столетия. Именно тогда они начали глубокие исследования социальной структуры в своих странах с использованием, наряду с другими критериями социального расслоения, веберовского критерия власти, властного престижа. Подчеркивалось, что источники власти базируются на монополии на средства производства и определенном положении в уже сформировавшейся социальной структуре, но роль властных отношений возрастает по мере развития и усложнения общественной организации и по мере фактического обобществления производства. Разрастается бюрократический аппарат, укрепляется его положение в социальной иерархии. Он становится основным источником всех видов власти, которая приобретает самостоятельный характер, проникает во все сферы социальной действительности. Происходит бюрократизация всех социальных отношений, а бюрократия становится доминантной социальной группой.

Власть также базируется на профессиональном разделении труда и тесно переплетается с бюрократией. Реализация этой основы власти приводит к технократизации общественных отношений, или к системе, являющейся гибридом технократических и бюрократических отношений.

Как один из слоеобразующих факторов критерий властных отношений в советской социологии использовался в своеобразном виде: участие в общественной работе, управление на производстве и т.п. Властные отношения кристаллизируются в массовом сознании, обретают функцию социальной идентификации личности по принципу «от противного». Было показано, что люди более отчетливо осознают, к какому социальному слою они не принадлежат, но еще не способны идентифицировать особый интерес собственного социального слоя вследствие его неустойчивости.

В 90-е гг. XX в. в особое направление выделяются исследования правящей элиты. Объектом исследования становятся различные группы элит: правящие элиты, бизнес-элиты, региональные элиты, контрэлиты (лидеры политических партий и движений), изучаются биографии представителей различных групп.

Таким образом, среди российских социологов в настоящее время представлены все основные подходы к проблеме стратификации, существующие в мировой социологической литературе – и различные варианты структуралистского подхода, идущего в целом в русле неовеберианских традиций, и неомарксистские концепции, и культурологические теории, откровенно рассматривающие как точку отсчета при структурировании общества не социальную систему, а актора со всеми его индивидуальными особенностями, вплоть до аскриптивных.

Такое многообразие подходов не исключает сходства в целом позиций большинства исследователей в вопросе об общих контурах формирующейся в России социальной структуры. В современной России сохранились в качестве важнейших стратифицирующих факторов и такие, как должность, значимая, прежде всего, при делении на «управляющих» и «управляемых», отрасль, регион и тип населенного пункта. Но смысл этих различий изменился, т.к. эти три тесно связанные между собой характеристики в совокупности обусловили, учитывая неодинаковую конкурентоспособность различных отраслей после начала рыночных преобразований, различные жизненные шансы людей.

Однако результаты реформ для социальной структуры России не ограничились тем,

что у прежних факторов стратификации появилась «рыночная подоплека». Сосуществование двух секторов экономики предопределило и сосуществование «двух Россий», на которое уже обращали внимание многие исследователи (Н.М. Римашевская, Л.Б. Косова и др.).

В результате произошел не столько слом старой социальной структуры, сколько дополнение ее формирующейся ускоренными темпами вполне рыночной в своей основе новой социальной структурой, включающей не только «новых русских», но и миллионы людей, работающих в негосударственном секторе экономики. Учитывая чрезвычайно глубокую и быструю социальную дифференциацию общества, когда основная масса населения попала в число бедных и малоимущих, можно констатировать, что сегодняшняя социальная структура России кардинально отличается от той, которая существовала в ней всего два десятилетия назад.

В российском обществе сейчас идет формирование параллельно с традиционной для России также зачатков новой социальной структуры, которая характерна для индустриальных обществ западного типа. Причем, если для вновь возникшего частного сектора при занятии определенной статусной позиции решающими оказываются характеристики, связанные не только с наличием собственности, но и с особенностями рабочей силы человека – от квалификации до здоровья, то для госсектора по-прежнему решающее значение имеют властный ресурс и корпоративная принадлежность. Именно эти факторы, по мнению большинства российских социологов, определяют различия в материальном благосостоянии людей, которые являются в современной России основным критерием их социального статуса.

В сознании россиян к 2000 г. утвердилась такая модель социального устройства современного российского общества, где основная часть населения противостоит его верхушке, существует сильная социальная дифференциация, а большинство населения сосредоточено в наиболее бедных слоях.

Анализ динамики социальных статусов показал, что в верхнем среднем и среднем классах наблюдалась очень высокая социальная мобильность. Однако, если для верхнего среднего класса была характерна также очень высокая доля представителей тех, кто и раньше, в советские времена, жил лучше окружающих, то собственно средний класс характеризовался разнонаправленными потоками социальной мобильности. Базовый же и, особенно, низший классы включали в себя значительную группу тех, кто характеризовался нисходящей социальной мобильностью.

Кризис 1998 г. в наибольшей степени (с точки зрения социального статуса) ударил по верхнему среднему классу. В среднем классе две трети сумели сохранить свои позиции и после кризиса, в базовом доля понизивших свой социальный статус составляла примерно пятую часть, что же касается низшего класса, то на нем кризис 1998 г. сказался незначительно (нисходящей мобильности для него быть не может, а восходящая затронула статистически незначимое число его представителей).

Одним из важных подтверждений достоверности полученной в результате такого подхода картины социальной структуры российского общества является анализ причин, определявших самоотнесение себя россиянами к тому или иному классу, самооценку ими своего социального статуса. Как показали результаты исследования [7], среди этих причин – различия в соотношении их собственного материального положения и уровня благосостояния окружающих, в динамике изменения материального положения, в образе жизни и структуре потребления, в социальном самочувствии, душевом доходе, заработной плате, в особенностях социальных контактов и политических позиций, характере проблем, которые их тревожат и т.д. То есть это показатели, свидетельствующие о том, что в случае использования метода самооценки своего социального статуса россиянами для построения модели социальной структуры России мы имеем дело

с реальными социальными группами.

Важнейшим критерием для определения россиянами своего социального статуса является материальное положение в различных его аспектах. Причем оно не только объективно является решающим критерием для определения населением России своего социального статуса, но и субъективно осознается им в качестве такового. Во всяком случае, именно оно оказалось безусловным лидером при ответе на прямой вопрос о том, чем руководствовались респонденты, оценивая свой социальный статус. Однако это далеко не единственное, что они при этом учитывали. Материальное положение имело относительно большее значение для двух «низших» классов.

В то же время, если сопоставить данный критерий со всей совокупностью традиционных критериев стратификации, то это, разумеется, очень небольшой компонент всей их совокупности. Точнее, это один из компонентов экономического статуса, причем только в части потребления, без учета наличия или отсутствия приносящей доход собственности. Для построения интегральной модели стратификации российского общества в работе Н.Е. Тихоновой, Н.М. Давыдовой, И.П. Поповой [8] предпринята попытка разработать индекс уровня жизни и на основе его показателей создать шкалу вертикальной стратификации, расположив на ней россиян в соответствии с разницей их жизненных шансов в сфере потребления. Основная проблема, с которой столкнулись авторы при построении этого индекса, заключалась в том, что именно следует рассматривать в качестве критериев реального уровня благосостояния людей. Ведь зачастую в основу оценок уровня материальной обеспеченности населения социологами кладется какой-то один критерий – как правило, это либо критерий среднедушевого дохода (в условиях современной России, безусловно, скорее, искажающий, чем отражающий реальную картину), либо субъективные оценки материального положения (которые также имеют весьма косвенное отношение к действительным жизненным стандартам россиян, а скорее, являются индикатором уровня их притязаний).

Используются и иные социологические подходы, отличающиеся комплексностью исследования особенностей дифференциации уровня жизни различных слоев населения. Подобные подходы предполагают учет широкого спектра не только денежных, но и любых других доступных экономических ресурсов (имущественных, жилищных и т.д.), влияющих на поддержание определенного уровня материального благосостояния россиян. Ведь накопленный в течение жизни непроизводственный экономический потенциал активно используется ими в их реальных жизненных практиках и имеет подчас огромное значение в процессе их выживания и адаптации, а в конечном счете, – в разнице их жизненных шансов в сфере потребления и занятии определенной позиции в системе стратификации общества.

Для средних слоев это уже качественно иные критерии, сосредоточенные на том, что у них есть, причем "пороговым" при переходе от малообеспеченных к среднеобеспеченным слоям населения выступает, как оказалось, наличие возможности пользоваться платными услугами [8]. Для различающихся уровнем своего благосостояния представителей средних слоев признаками этой разницы выступают различные виды движимого имущества.

Грани между средними и богатым слоями населения соответствует смещение приоритетных различий в сторону характера находящейся в собственности недвижимости и т.д.

Для верхнего среднего класса наряду с материальным положением особое значение имели престижность профессии, уважение окружающих и уровень образования, а для среднего – образ жизни, престижность профессии и уважение окружающих. Именно эти показатели выступали основными критериями социального статуса и позволяли людям с достаточно заметно различающимся уровнем материального благополучия относить себя к одинаковым статусным позициям. Как пример «выравнивания» статусов за счет действия одновре-

менно нескольких критериев, а не только материального положения, приводится гуманитарная интеллигенция. Ее представители, в основной своей массе относясь к не очень благополучным в материальном отношении слоям населения, за счет других своих характеристик оценивали свой статус достаточно высоко. Прямо обратным образом складывалась ситуация у рабочих.

В цитируемой работе Н.Е. Тихоновой дается социально-демографический портрет четырех основных классов российского общества, полученный с использованием методов самооценки социального статуса. Эти «портреты» в своей основе похожи на «портреты» основных классов российского общества, полученные Т.И. Заславской при анализе социологических массивов ВЦИОМ с использованием отобранных ею объективных критериев. Схожа и примерная численность этих классов в российском обществе накануне кризиса августа 1998 г., полученных как с использованием метода многомерной стратификации, так и метода самооценки социального статуса.

Анализ изменений социальной структуры России за годы реформ, а также анализ, основанный на изменениях самоощущения самих россиян, свидетельствует о значительном изменении ее типа. Но если теоретический анализ объективных характеристик этой структуры позволяет говорить о смене ее системообразующего основания, критериев стратификации и т.п., то анализ динамики социальной структуры через самоощущение рядовых россиян позволяет представить массовость и масштабность социальных последствий такого изменения, глубину их социального недовольства, наконец – неестественность такого типа социальной структуры, который сложился в России и который в корне отличается от типа социальной структуры, характерного для современных стабильных обществ западноевропейских и североамериканских стран.

Рассмотрев основные представления о формировании социально-стратификационной структуры общества, мы выделили определяющие факторы таковой современного российского общества.

Заканчивая рассмотрение данной темы, следует отметить следующее. Социальная стратификация базируется на определенных основаниях. Естественная основа процессов стратификации – социальные связи людей, т.е. самоорганизующаяся, системно-функциональная целесообразность, в соответствии с которой в обществе существует иерархия статусов и ролей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Питирим Сорокин. «Человек. Цивилизация. Общество» (Серия «Мыслители XX века»). – М., 1992. – С. 302-373.

2. Социальные структуры и социальные субъекты / Под ред. В.А. Ядова. – М.: ИС РАН, 1992.

3. Социальная структура и социальная стратификация // РЖ Социология. – 1993. – № 4. Социально-стратификационные процессы в современном обществе / Под ред. З.Т. Голенковой. – М.: ИС РАН, 1993. Кн. 1, 2. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. – 1995. – № 6. Стариков Е.Н. Социальная структура переходного общества (Опыт инвентаризации) // Полис. – 1994. – № 4.

4. Голенкова З.Т. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, И.В. Казаринова // Социологические исследования. – 1996. – № 8.

5. Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения / Т.И. Заславская. – М., 1996. – № 1.

6. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения / Т.И. Заславская. – М., 1994. – № 5.

7. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике: автореф. дис. ... докт. социол. наук / Н.Е. Тихонова. – М., 2000. – 44 с.

8. Тихонова Н.Е. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества /

Н.Е. Тихонова, Н.М. Давыдова, И.П. Попова. – Социологические исследования, 2004. – № 6.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Романова Нелли Петровна, д-р социол. н., профессор кафедры педагогики высшей школы, Читинский государственный университет (ЧитГУ), rik@chitgu.ru

Romanova Nelly, Doctor of Sociology, professor of Higher School Pedagogic Department, Chita State university (ChSU), rik@chitgu.ru

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Scientific interests: philosophy of loneliness, gender research, buisness communications

МАТЕМАТИКА И ИНФОРМАТИКА

УДК 51

Ю.Г. Абакумов
Yu. Abakumov

РЕАЛЬНОСТЬ ОЧЕНЬ БОЛЬШИХ ЧИСЕЛ

REALITY OF VERY LARGE NUMBERS

Рассматривается пример математического исследования нереально большого числа. Предлагается двухуровневая модель множества действительных чисел. Ставятся некоторые задачи

The article considers an example of mathematical research of unrealistic large number. Two-level pattern of set of real numbers is proposed. The article sets some problems

Ключевые слова: *реальность больших чисел*

Key words: *reality of large numbers*

Один пример. Раздел математики «Теория чисел» изучает свойства целых чисел. Один из наиболее интересных объектов – простые числа. Это такие целые числа, которые не имеют делителей (обычно приводится более строгое определение: такие целые числа, которые делятся только на единицу и на себя).

Доказано, что количество простых чисел неограниченно.

Нет ни одной алгебраической формулы, которая выдавала бы (при целых значениях аргумента) только простые значения.

Знаменитый математик Пьер Ферма (1601-1665) утверждал (как выяснилось, ошибочно), что такой формулой является $F_n = 2^{2^n} + 1$. Определенные основания у него для этого были: числа $F_0 = 3$, $F_1 = 5$, $F_2 = 17$, $F_3 = 257$, $F_4 = 65537$ – простые.

Однако не менее знаменитый математик Леонард Эйлер (1707-1783) обнаружил, что $F_5 = 641 \cdot 6700417$, т.е. оно составное.

С тех пор выяснение вопроса: есть ли простые числа F_n, кроме тех, которые знал П. Ферма, превратилось в своего рода соревнование, которое продолжается до сих пор.

Пока ни одного простого F_n при $n > 4$ не обнаружено.

Насколько известно, рекордом на сегодняшний день является следующий результат: число F_{23471} является составным и делится на $5 \cdot 2^{23473} + 1$.

Разумеется, о прямой проверке этого результата (даже с помощью современных ЭВМ) речи быть не может. Десятичная запись числа F_{23471} заняла бы $\approx 10^{7065}$ цифр.

Понятно, что такое число не может возникнуть в какой-либо задаче физического содержания.

Если это число записать чернилами по 100 молекул на знак, считая, что чернила состоят почти исключительно из воды (слегка подкрашенной), то радиус этой «капли» чернил

оказался бы в $\approx 10^{2324}$ раз больше радиуса галактики (желающие могут проверить расчеты).

Тем не менее, несмотря на физическую недоступность этого числа, о нем получена нетривиальная информация.

Получается эта информация следующим образом [1].

Мы проверяем предположение, что F_n (при каком-то n) делится на $m = k \cdot 2^{n+2} + 1$. При этом m хотя и большое, но манипуляции с ним доступны для современных ЭВМ.

Образуем рекуррентную последовательность r_j по правилу:

$r_1 = 2^2$, $r_{j+1} = r_j^2 \bmod m$.

Здесь $x \bmod y$ означает остаток от деления нацело целого x на целое y.

Таким образом, мы всегда действуем с доступными числами.

Если окажется, что $r_n + 1$ делится на m, то отсюда будет следовать, что F_n делится на m.

Однако возникает вопрос: как следует относиться к таким результатам?

Можно предложить следующий ответ: числа типа F_{23471} не реальны, а результаты получаются путем экстраполяции на них вычислений с реальными числами.

Но не все так просто.

2. *Актуально бесконечно малые и бесконечно большие и финитный подход.* Актуально бесконечно малые вводятся в так называемом нестандартном анализе. Поскольку при построении этого раздела современной математики была цель сохранить свойства действительных чисел (за исключением аксиомы Архимеда), то появились и бесконечно большие. Действительно, если сохранить арифметические операции, то бесконечно малое α порождает бесконечно большое $A = \dfrac{1}{\alpha}$.

Финитный подход характеризуется тем, что признаются только конечные величины, при этом очень большие числа условно называют бесконечно большими.

При полярности этих двух концепций, между ними наблюдается явная аналогия. В обоих случаях «не работает» аксиома Архимеда (аксиома Архимеда утверждает, что каковы бы ни были действительные числа a, b, при этом $0 < a < b$, найдется $n > 0$, такое, что $na > b$). К сожалению, финитный подход отражен в литературе (по крайней мере, доступной автору) довольно бедно. Имеется трудночитаемая книга П. Вопенки [2]. Статья же [3], о которой в дальнейшем пойдет речь, написана довольно сжато, а получить материалы, на которые ссылаются авторы [3] С.В. Дронов и С.Д. Козлов, не представляется возможным.

При финитном подходе основанием для отрицания аксиомы Архимеда является следующее утверждение: a может быть настолько меньше b, что в реальное время процесс прибавления $a + a + \ldots$ не достигнет суммы, большей b.

В [3] приводится такой пример: невозможно собрать по одной песчинке кучу песка, как и разобрать по одной песчинке уже имеющуюся кучу.

Но при этом предполагается, что очень большие числа (или, условно говоря, бесконечно большие) – это обычные числа с теми же свойствами, что и «небольшие». Например, с ними можно производить арифметические операции. Так, в [3] фигурирует выражение $2x^2 + x + 3$, где x − бесконечно большое.

На наш взгляд, здесь имеет место определенная непоследовательность (хотя логической ошибки нет).

Вернемся к примеру с кучей песка. Хотя мы и не знаем количество песчинок в этой куче, но ее можно погрузить на машину, можно определить ее массу (в тоннах). Тонны можно складывать и узнать, например, сколько тонн песка доставлено на стройку. Формально мы можем это количество тонн возвести в квадрат, но смысла эти «квадратные тонны» иметь не будут.

В качестве некоторого наброска (не претендуя на окончательное решение вопроса) можно предложить двухуровневую модель.

Имеются обычные «небольшие» числа, с ними возможно производить все арифметические операции. Большие числа можно складывать и умножать их на обычные, но перемножать (в частности, возводить в квадрат) нельзя.

Понятно, что построение последовательной теории на этой основе натолкнется на трудности. К этим вопросам мы обратимся в последующих публикациях.

3. *Заключение*. Время от времени появляются довольно категоричные выпады против классической теории действительных чисел. Например, в [4] прямо утверждается, что доказательство Г. Кантора несчетности множества действительных чисел основано на логической ошибке. На самом деле «ошибка» Г. Кантора (с нашей точки зрения [4] А.А. Зенкина) заключается в том, что он использует абстракцию актуальной бесконечности. Между тем, абстракция актуальной бесконечности (вопрос принимать ее или нет) по отношению к логике совершенно нейтральна.

Классическое (канторовское) направление в математике, как представляется, своими достижениями доказало свою состоятельность и разговоры об «ошибке» в самой основе не состоятельны.

Данную статью следует воспринимать как предварительное обозначение темы, к которой планируется вернуться. Очень большие числа – не единственный «странный» объект, возникающий в современной математике. Разобраться в том, какое место занимают эти объекты и как они возникают, является, на наш взгляд, задачей, достойной внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серпинский В. Что мы знаем и чего не знаем о простых числах / В. Серпинский. – М.: Наука, 1963. – 91 с.

2. Вопенка П. Математика в альтернативной теории множеств / П. Вопенка. – М.: Мир, 1983. – 150 с.

3. Дронов С.В. Опыт нетрадиционного введения в анализ / С.В. Дронов, С.Д. Козлов. – Барнаул: Алтайский государственный университет. –1991. – 14 с. – Деп. в ВИНИТИ 7.12.90. – № 72В-91.

4. Зенкин А.А. Принцип разделения времени и доказательство нефинитности некоторых правдоподобных рассуждений метаматематики / А.А. Зенкин // Шестая национальная конференция по искусственному интеллекту (КИИ"98). – М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1998. – С. 278-286.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Абакумов Юрий Георгиевич, к. физ-мат. н., профессор кафедры информатики, вычислительной техники и прикладной математики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Abakumov Yuriy, Candidate of Physicomathematical Science, professor of Informatics, Computer Science and Applied Mathematics Department, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: функциональный анализ, теория приближений, философские вопросы математики

Scientific interests: functional analysis, approximation theory, philosophical questions of mathematics

Книгоград

Васильева К.К. **Менталитет социокультурных общностей Забайкальского края**: научное издание / К.К. Васильева, С.А. Мельницкая. – Чита: ЧитГУ, 2008. – 191 с.

В монографии представлены становление и эволюция менталитета общностей Забайкалья. Обоснован ведущий социокультурный фактор его формирования, а именно многовековой опыт межкультурного взаимодействия этнических и других общностей Забайкальского края. Выделены общие и специфические черты их менталитетов. Произведена попытка прогнозирования форм и путей конструктивного сосуществования общностей края

Коротких О.Г. **Дидактические условия подготовки будущих социальных работников к творческой деятельности в процессе выполнения самостоятельной работы в вузе:** научное издание / О.Г. Коротких. – Чита: ЧитГУ, 2008. – 210 с.

В монографии научно обоснованы основные показатели творческого саморазвития личности социального работника в условиях вузовского образования. Раскрыта сущность, динамика и определены уровни развития профессионального интереса у будущего социального работника как основы творческой направленности личности. Выявлены и теоретически обоснованы дидактические условия подготовки будущих социальных работников к творческой деятельности в процессе выполнения ими самостоятельной работы в вузе

Абрамова Н.А. **«Китайский регион» в политическом измерении:** научное издание / Н.А. Абрамова, Т.Н. Кучинская. – Чита: ЧитГУ, 2008. – 175 с.

Монография посвящена проблемам исследования формирования и развития нового социально-политического феномена – глобализирующегося «китайского региона».

Основное содержание монографии составляет анализ процессов социально-политических трансформаций, происходящих на всех уровнях структуры «китайского региона» в контексте корпоративного подхода.

Подробно исследуется внутренняя региональная политика КНР с акцентацией на политический курс «социальной гармонии». Значительное внимание уделено анализу функционирования «китайского региона» в системе международных отношений

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора…… 3
Юбилейные даты…….. 4
Работа диссертационных советов ЧитГУ в первом полугодии 2008 г……... 5
Хроника научной жизни……... 7

Философия

Евсеева Л.В.
Феминная составляющая интегративного понимания бытия…….. 10

Иванова М.В.
Идеология потребительства как феномен современного либерально-демократического общества……. 16

Культурология

Александрова Т.С.
Природный и социальный компоненты культурной среды народов Восточного Забайкалья…….. 23

Педагогика

Амельченко Т.В.
Синергетический подход к исследованию процесса формирования профессиональной компетентности специалиста…….. 26

Каплина С.Е.
Роль профессиональной мобильности в процессе становления современного специалиста технического профиля…… 33

Поликанова Е.Г.

Исторический аспект развития
компетентностного подхода в образовании……. 44

Сергеева С.В.
Вариант внутридисциплинарной, междисциплинарной и
межнаучной интеграции учебных курсов по педагогике
в системе высшего профессионального образования…….. 49

Психология

Сараева Н.М.
Снижение психической активности детей на экологически
неблагополучных территориях Забайкальского края……. 57

Филология

Жаткин Д.Н.
Избирательность восприятия художественного наследия
английского романтизма русскими переводчиками IX-начала XX вв……. 63

Ковлакас Е.Ф.
Когнитивно-прагматический аспект исследования топонимической системы……. 70

Корытова О.М.
Функциональная асимметрия словообразовательного сращения……. 77

Хузиятова Н.К.
Проекты «модернизации» современной китайской литературы
в контексте глобализации……. 80

Политология

Арсентьева И.И.
Российско-китайское стратегическое взаимодействие
в контексте региональной и глобальной безопасности……. 86

Крылов С.М.
Трансформация понятия «трансатлантическая безопасность»……. 94

Маркова Е.А.
Становление российской государственности 90-х гг. XX в…….. 98

Шемелин А.В.
Информационно-коммуникационные технологии в политике……... 107

Право

Патрушев Е.В.
Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка в местах лишения свободы…… 114

Науки о земле

Воронов Е.Т., Резник Ю.Н., Тимощенков С.Н.
Гидрогеологические исследования при подготовке золотоносных россыпей к отработке методом подземного (скважинного) выщелачивания…… 117

Резник Ю.Н., Тимощенков С.Н., Воронов Е.Т.
Геотехнологический метод разработки глубокозалегающих золотоносных россыпей на базе использования хлоридной гидрометаллургии…… 122

Сидорова Г.П.
К вопросу о радиоактивности углей…… 129

Щелканов Н.С.
Исследование плодородия почв после проведения горнотехнического этапа рекультивации на разрезе «Восточный»……... 134

Социология

Романова Н.П.
Социальное неравенство: методологический аспект…….. 140

Математика и информатика

Абакумов Ю.Г.
Реальность очень больших чисел…… 153

Книгоград…… 156

Contents

Editor's column…….. 3
Anniversaries…….. 4
Dissertation Councils Activity of ChSU in First Half-Year of 2008…… 5
Science column…….. 7

Philosophy

Yevseyeva L.
FEMININE COMPONENT OF INTEGRATIVE COMPREHENSION OF BEING……. 10

Ivanova M.
ABOUT CONSUMERISM IDEOLOGY AS A PHENOMENON OF THE MODERN
LIBERAL DEMOCRATIC SOCIETY……. 16

Culturology

Aleksandrova T.
NATURAL AND SOCIAL COMPONENTS OF
STUDING OF THE CULTURAL ENVIRONMENT…… 23

Pedagogics

Amelchenko T.
SYNERGETIC APPROACH TO THE INVESTIGATION OF PROFESSIONAL
QUALIFICATIONS FORMATION OF A SPECIALIST…….. 26

Kaplina S.
THE ROLE OF OCCUPATIONAL MOBILITY IN PROCESS
OF ESTABLISHMENT OF UP-TO-DATE TECHNICAL EXPERT…… 33

Polikanova E.
HISTORICAL ASPECT OF THE
COMPETENCE APPROACH DEVELOPMENT IN EDUCATION…… 44

Sergeyeva S.
VARIANT OF INTRADISCIPLINARY, INTERDISCIPLINARY AND
INTERSCIENTIFIC INTEGRATION OF PEDAGOGICS APPRENTICESHIP
COURSES IN HIGHER VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM…….. 49

Phsychology

Sarayeva N.
DECREASE IN MENTAL ACTIVITY OF CHILDREN IN ENVIRONMENTALLY
VULNERABLE TERRAINS OF TRANS-BAIKAL TERRITORY……. 57

Philology

Zhatkin D.
PERSEPTION SELECTIVITY OF ENGLISH
ROMANTICISM ARTISTIC HERITAGE BY RUSSIAN
TRANSLATORS OF IX – EARLY XX CENTURIES…….. 63

Kovlakas E.
COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECT OF THE TOPONYMIC SYSTEM RESEARCH…… 70

Korytova O.
FUNCTIONAL SKEWNESS OF WORD-FORMATIVE FUSION…… 77

Khuziyatova N.
PROJECTS OF "MODERNIZATION" OF CONTEMPORARY CHINESE LITERATURE
IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION…… 80

Political Science

Arsentyeva I.
RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC COOPERATION
IN CONTEXT OF REGIONAL AND GLOBAL SECURITY…….. 86

Krylov S.
THE TRANSFORMATION OF "TRANSATLANTIC SECURITY" NOTION…… 94

Markova E.
BECOMING OF THE RUSSIAN STATEHOOD IN 90-S OF XX CENTURY……. 98

Shemelin A.
INFORMATION AND COMMUNICATION
TECHNOLOGIES IN POLITICS……. 107

Law

Patrushev E.
PENAL PROBLEMS OF PREVENTION OF CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY
AND PUBLIC ORDER IN INSTITUTIONS OF CONFINEMENT……. 114

Earth Sciences

Voronov E., Reznik Yu., Timoshchenkov S.
HYDROGEOLOGICAL RESEARCH DURING PREPARATION OF AURIFEROUS GRAVELS
TO DEVELOPMENT USING THE METHOD OF UNDERGROUND (BOREHOLE) LEACHING…… 117

Reznik Yu., Timoschenkov S., Voronov E.
GEOTECHNOLOGICAL METHOD OF MINING OF DEEP SEATED GRAVELS
BY USING CHLORIDE HYDROMETALLURGY……. 122

Sidorova G.
ON THE ISSUE OF CARBONS RADIOACTIVITY……. 129

Shchelkanov N.
FERTILE SOILS RESEARCH AFTER MINE TECHNICAL STAGE OF
REVEGETATION IN GEOLOGICAL CROSS-SECTION «VOSTOCHNY»…….. 134

Sociology

Romanova N.
SOCIAL INEQUALITY: METHODOLOGICAL ASPECT……. 140

Mathematics and Information Science

Abakumov Yu.
REALTY OF VERY LARGE NUMBERS……. 153

Knigograd…… 156

Вестник
Читинского государственного университета

№ 4 (49)
2008

Научный редактор д-р социол. н. Н.П. Романова
Литерат. редактор Т.А. Эпова
Технический редактор М.А. Витовская
Подписано в печать 27.09.2008
Сдано в производство 25.09.2008
Форм. бум. 60 х 84 1/8
Бум. тип. № 2
Печать офсетная
Гарнитура литературная
Уч.-изд. л. 12,5
Усл. печ. л. 11
Тираж 500 экз.
Заказ № 106

Читинский государственный университет

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30